

Сборник Дома ученых Хайфы

СУДЬБЫ
ЗАГАДОЧНАЯ
НИТЬ

Хайфа
2017

Сборник подготовлен при содействии:
*руководителя Дома ученых доктора Александра
Бахмутского, руководителя Секции медицины док-
тора Семена Златина.*

Автор проекта: *доктор Ирина Римская.*

Графический дизайн и верстка: *Марина Кулешова*

СУДЬБЫ ЗАГАДОЧНАЯ НИТЬ. Сборник Дома ученых
Хайфы. – Израиль, 2017. – 288 с.

© Дом Ученых, г. Хайфы, 2017

All rights reserved
ISBN 978-965-572-184-3

Printed in Israel
Haifa, 2017

*Все, что ты найдешь в своих силах сделать - сделай;
потому что в могиле, куда ты сойдешь,
нет ни работы, ни размышления,
ни знания, ни мудрости.*

(Экклезиаст, гл.9:10)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вся история евреев – загадка еврейской души.

Есть история народа, государства, человечества. И есть истории людей, творящих ее и проживающих в ней. Эти истории пишутся вновь и вновь, дабы не умерла традиция повествования, писания историй.

То, что написано, то и сохранено. Литература – это не только некий результат, это – постоянное производство. Жизнь человека есть жизнь его духа. Он живет ради реализации своей идеи, своего замысла. Наша жизнь обретает смысл, когда мы рассказываем о ее невзгодах и радостях. Рефлексия оказывается важнее самого содержания.

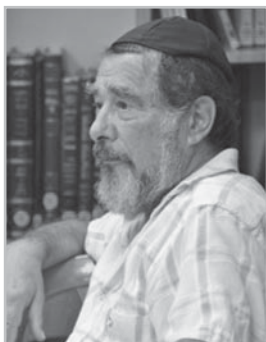
Я рассказываю, следовательно, я существую. Именно потому, что о жизни рассказываю, преодолеваю ее невзгоды.

Мы представляем алию, репатриантов 90-х годов, тех, кто осуществил себя, реализовал в XX веке, оставив свой след и передав традицию следующим поколениям. Это живые истории, которые продолжаются и сейчас, в первой четверти XXI века.

Что нас ждет в будущем? Мы не знаем. Но имеющееся – основа, база дня завтрашнего, его новой истории.

Здесь представлены не свидетели, не очевидцы, это – авторы истории со своими трагедиями и свершениями..

Ирина Римская



**АЛЕКСАНДР БАХМУТСКИЙ.
О ДОМЕ УЧЕНЫХ ХАЙФЫ.**

*Разговор с руководителем Дома
Александром Бахмутским о науке,
религии и точках их пересечения.*

В 2015 году Дом ученых Хайфы отметил свое 15-летие.

– Александр Абрамович, как возникла идея создания Дома ученых?

– Дом ученых возник в декабре 2000 года по самой простой причине: значительная часть ученых, которые приехали в Израиль с постсоветского пространства, не нашли себе места в науке. Приехало около 14 тысяч и лишь несколько сотен из них смогли устроиться здесь по профессии. Когда мы начали встречаться, люди ходили с потухшими глазами. Люди, которые всю жизнь работали, которые считают себя, так скажем, далеко не последними членами общества. Они оказались абсолютно не востребованы. И тогда мы решили создать Дом ученых, где могут встречаться люди примерно одного стиля жизни, привыкшие к определенной среде, определенному типу мышления, определенной логике.

Колоссальное упущение государства заключается в том, что даже если человек по профессии является

металлургом, а металлурги в Израиле не нужны, то этому специалисту нет применения. Но этот человек по-прежнему остается специалистом, который умеет думать определенным образом. Польза все равно была бы... И тогда мы этих людей решили собрать в Дом ученых. В первые годы читали доклады о своих прошлых достижениях. Это понятно. Человеку хочется продемонстрировать себя, свои знания, свой интеллектуальный капитал. Но постепенно мы прекратили подобного типа доклады и начали проводить работу по восстановлению творческой активности. Это нам в какой-то мере удалось.

Сейчас у нас более 200 человек. Мы издаем журнал «Вестник Дома ученых». В этом году должен выйти уже 35-й выпуск. Члены Дома ученых принимают участие в международных конференциях. В этом году в Белграде прозвучали три наших доклада. За эти годы вышло множество книг наших ученых, в том числе в таком авторитетном издательстве России как «Наука». Издавались труды и в США. Все это позволило людям вернуться к самоуважению, уже никто не ходит с опущенными головами, идет нормальная жизнь, что немаловажно, особенно для пожилых людей.

Важная особенность Дома ученых – это существование междисциплинарной лаборатории. Допустим, выступает доктор медицинских наук, выдвигает свою концепцию. А вопросы ему задают физики, химики и представители других научных областей. Такие вопросы неожиданны для докладчика. Они

заставляют взглянуть на проблему под иным углом зрения. Такой возможности в научных институтах нет.

Возникло пять секций: научно-техническая, секция гуманитарных наук, секция медицины и психологии, секция системных исследований и экономики и дискуссионный клуб, в котором обсуждаются самые разные темы. Естественно, что был установлен регламент: нельзя бесконечно говорить. Человек должен уложиться в 45 минут, потом около 20 минут – вопросы, а затем – обсуждение доклада, но не докладчика. Это очень важно. Переход на личности, конечно же, не приветствуется. Мы работаем уже 15 лет, за это время было представлено 800 докладов.

Есть еще одно направление работы, связанное с изучением еврейской религии – иудаизма. Это семинар «Еврейские мудрецы». Как это соотносится с наукой? Со временем мы почувствовали, что у людей есть тяга к тому, чего раньше не было. Я сейчас объясню, о чем речь. Многие из участников прекрасно знают философию Древней Греции и ее мыслителей. А еврейские мудрецы в эту парадигму не вписывались ни при каких обстоятельствах. Совсем другое мышление. Хотя все самые известные древнегреческие философы бывали здесь, в том числе и на территории Израиля. Например, Пифагор жил на Ближнем Востоке 24 года. Он был жрецом в Египте, потом он стал жрецом в Вавилоне, там он познакомился с евреями и вернулся вместе с ними из плена. Отсюда его теория чисел, а у нас – гематрия. Но он все

равно остался язычником. Единственный грек, который перешел в единобожие, но не в иудаизм, – это Гераклит. И как же так можно: греков знаем, а своих – не знаем? Таким образом, выявилось и еще одно направление, которое в рамках Дома ученых провести невозможно. Большинство ученых выросло на материализме и умрут материалистами. Ничего тут не поделаешь. Но появилась группа людей, готовая духовно воспринимать иное. И при поддержке раввина Шауля Давида Бурштейна мы решили создать семинар «Еврейские мудрецы». Сам факт, что люди перешагнули определенный барьер, заслуживает уважения. Мы нашли общий язык, и рав Шауль нас энергично поддержал, дав нам возможность работать.

Семинар действует каждое воскресенье уже на протяжении трех лет в Хабад-Любавическом Центре Хайфы. Мы знакомимся с мудрецами, но не просто так, а в обязательной связке с Торой: ведь все мыслители были ее комментаторами. Поначалу это было только 12 человек. Теперь семинар стабильно посещают 35 слушателей. Многие из них впервые взяли в руки Тору. Почти все из них считают, что сотворение мира не могло произойти без воздействия Высших сил.

Мною назначаются докладчики, они находят материалы по заданной теме, а остальные участники семинаров подготавливают свои вопросы по неясным аспектам темы. Нужно обладать огромной познавательной энергией для изучения этого предме-

та. Порой кажется, что мудрецы противоречат друг другу, но, на самом деле, они просто рассматривают вопрос с разных позиций. Это большая душевная работа, которая делает нас богаче. Мы узнали о многих наших предках, о существовании которых даже не подозревали. Новые знания расширяют кругозор и заставляют смотреть на ранее привычные вещи иначе. Это очень полезно. А из раввинов к нам на беседы приходят Захария Френкель, Игаль Дубинский и, конечно же, Шауль Давид Бурштейн.

Впервые Тору я начал читать в 1994 году. Поскольку я занимаюсь проблемами управления системами, я хотел посмотреть, как эти задачи решаются в Торе, то есть исключительно из профессиональных соображений. Тогда наибольшее внимание я уделил первым главам, потому что там встречаются неувязки во времени, которые как-то надо было объяснить, иначе ничего не получалось. И я заметил, что ничего не получается, если исключить Высшую силу: концы с концами не сходятся. На каждом шагу натыкаешься на понимание того, что силами физического мира этого произойти не могло. Материя без духовности мертва, и только психическая деятельность позволяет проводить активную работу.

О себе. Это было в седьмом классе школы. Я никакого представления о еврейских коленах не имел. Отец, хоть и не был партийным, но никогда разговоры на подобную тему не заводил. Я как раз читал Лиона Фейхтвангера. Я знал многое о евреях, но только с повествовательной точки зрения, из лите-

ратуры. И я в тот момент читал про герцогиню Каэтану Альбу, дочь покорителя Фландрии. И я спросил у отца: «Зачем ей столько имен?». Он ответил, что у христиан принято давать вторые имена – это ангелы-покровители. И, между прочим, он сказал, что у него тоже есть такое имя: Авраам Ицхак Леви. Так я узнал о «своем» колене. Но я этому ни тогда, не сейчас не придаю особого значения. В детстве это и вовсе была информация, за которой не стоит ничего. Я полагаю, что этот факт выпячивать не стоит. Это не моя заслуга и это не может дать мне никакого преимущества перед остальными.

Я не считаю себя религиозным человеком, я считаю себя знающим. Я знаю, что Б-г есть. Без Него ничего не получается. Я не могу не признать, что Он есть, у меня нет сомнений. Но это индивидуальные отношения, даже интимные. Я не знаю очень многих законов. Каждая заповедь – это вершина пирамиды, и необходимо многое изучать. И если верующему человеку не нужны доказательства, то мне они все еще требуются. Будет нечестным назвать себя верующим, я именно знающий. И чем больше я читаю, тем больше я проникаюсь смысловой нагрузкой текста. Я надеюсь, что в рамках семинаров будет проходить точечное знакомство с хасидутом. Это очень деликатный процесс. Нельзя подходить к этому нахрапом. Такой материал невозможно освоить быстро. Это постоянная незримая работа. Особенно это трудно для людей сформировавшихся. Я считаю, что необходимо гармонично изучать и Та-

нах, и естественнонаучные дисциплины. А взрослый человек, получивший такие знания, сам способен сделать выбор. Должно существовать взаимное проникновение.



ВЕНИАМИН АРЦИС. ВОСПОМИНАНИЯ

nartsis@gmail.com

*Прочь безрадостные мысли,
Мы в тираж еще не вышли.*



1. Когда нам предложили написать свои воспоминания, то я серьезно задумался – о чем следует вспоминать. Если описать различные небезынтересные случаи из своей жизни, то у всех наших современников происходило примерно то же самое, и им будет не очень интересно читать. Надо поискать факты,

которые заинтересуют всех.

По своей работе и по своим увлечениям я встречался со многими знаменитыми учеными, известными артистами, выдающимися спортсменами. Один мой дядя был членом Еврейского Антифашистского комитета (ЕАК), другой – референтом у Е.А.Фурцевой.

На одном семинаре молодых ученых великий Королев рассказывал такое. К военному министру приходит инженер и предлагает непробиваемую броню. Проверили – действительно не пробивает, купили. Назавтра он снова приходит и предлагает новый снаряд, который пробивает все на свете. Проверили – действительно пробивает, купили. А он приходит на третий день и опять предлагает новую совершенно непробиваемую броню, проверили – купили. Но он снова приходит и предлагает... Возмущенный министр: «Да кто ты такой!». А он отвечает: «Я сама жизнь». Далее Королев сказал молодежи, что каких бы прекрасных результатов вы не добились, нельзя останавливаться и почивать на лаврах. Иначе другие очень скоро вас обгонят. Не надо бояться приступить к решению самых сложных задач, лишь бы они были полезны для страны. Если бы эти слова произнес школьный учитель, это волновало бы только его учеников. Совсем другое дело, если это говорит сам Сергей Павлович Королев.

Конечно, можно написать кое-что и о себе, но только если уверен, что это настолько необычное, что заинтересует читателя. Так, например, вечером

в субботу 21 июня 1941 г. я как обычно отрывал листочки в календаре и по ошибке вырвал сразу три листочка за 21, 22 и 23 июня. В воскресенье 22 июня я собирался играть в футбол за школьную команду, вечером «слушать» Ленинград, где играл «Спартак». Тогда иногородние матчи только «слушали». Я подумал, что воскресенье, как обычно, пролетит быстро, и потому листочек за 23 июня вложил в календарь, а за 21 и 22 выкинул. Об этом жалею до сих пор. 22 июня 1941 г. в перерыве матча наш тренер сказал, что Германия начала войну. Нам было 11-12 лет и мы искренне горевали, что война обойдется без нас. Наш тренер, человек очень разумный и добросовестный, сказал совершенно уверенно, что война окончится через два месяца: «Немецкие рабочие возмутятся нападением на СССР, поднимут восстание, и Гитлеру крышка». Придя домой, я спросил отца: «Ты с августа 1939 г. всегда утверждал, что война неизбежна и скоро начнется внезапным нападением Гитлера. Когда она закончится?». Отец долго молчал, потом посмотрел в потолок, но там ничего не было написано, и грустно сказал: «Не знаю, но очень боюсь, что это надолго». Интересно, что через несколько лет я узнал, что многие американские газеты также оценили продолжительность войны в два месяца, правда, в иной редакции: «Если русские продержатся более двух месяцев, это будет самое большое чудо после библейских чудес». Мне кажется, что этот случай при том благоговейном отношении наших людей к Победе над фашизмом не оставит читателя равно-

душным, хотя тут не упоминаются широко известные люди. Итак, идеология воспоминаний определена, и начнем с самого начала...

2. Мой отец родился на Украине в ортодоксальной еврейской семье в 1908 г. С 12 лет ему пришлось по семейным обстоятельствам уйти из дома и начать самостоятельную жизнь рабочего-строителя. Отец всю жизнь учился и поднимался по служебной лестнице. Окончив институт в 1948 г., он стал руководителем строительной организации, а я в этом же году окончил школу. Отец искренне гордился тем, что построил много зданий по всей стране, во время войны он строил водопровод в осажденном Ленинграде. К концу карьеры он получил звание «Заслуженный строитель РСФСР». По итогам своей жизни, по реальной возможности получить для еврея образование и достойную работу, он долгое время верил в социалистические перспективы, хотя это уживалось в нем с взглядами, которые потом стали называться сионизмом. В 1937 г. было арестовано немало наших родственников и друзей. Естественно, что я, хорошо зная этих людей, считал аресты очевидной ошибкой и неоднократно в мыслях сочинял письма т. Сталину по этому поводу. При мне родители старались не вести разговоров на политические темы и, несомненно, были рады, что я верил официальной пропаганде. Я не сомневался, что Блюхер, Бухарин, Тухачевский, Якир действительно «враги народа».

Положение резко изменилось после войны, когда началось последовательное и злое преследова-

ние евреев. И я подросток, и настроение становилось отчаянным. Старший брат матери Эля Фалькович, который был членом ЕАК, не сомневался, что Соломон Михоэлс убит по указанию вождя народов. Поскольку все руководители ЕАК были уже арестованы, дядя собрал чемоданчик с соответствующими вещами и в течение четырех лет каждую ночь ожидал «визитеров». А ведь он, автор многих книг, в том числе современной грамматики языка идиш, пошел добровольцем на фронт и, будучи простым солдатом, получил Орден Ленина за личную храбрость. Командир дивизии представил его к званию Героя, но «там» посмотрели – Фалькович, еврейский писатель, и решили по-другому.

3. 5 марта 1953 г. после участия в похоронной церемонии вождя в Доме Союзов я пришел к дяде Эле. Он предложил пойти погулять, ибо полагал о присутствии в доме чего-то чужого. Разговор, конечно, пошел об оценке Сталина. Дядя искренне верил в торжество социализма и потому резко критиковал покойника: «Сталин опозорил социализм в глазах нормальных людей. Теперь социализм в их глазах – это массовые убийства невинных людей, ликвидация суда, как системы борьбы за соблюдение законности, снижение уровня жизни, оправдание уничтожения целых народов и многое другое. Сталинизм – злейший враг социализма. Но социализм все равно победит, поскольку, если человечество не возьмет крупную частную собственность под реальный контроль, то погибнет. Но из-за ужасов Сталина

это произойдет не в этом веке и, скорей всего, не в следующем».

У дяди Эли я видел много известных деятелей культуры, например, И.Г.Эренбурга, который во время войны также был членом ЕАК. Тогда в моде были разговоры об авторстве М.А.Шолохова в «Тихом Доне». Я спросил его об этом. Он прямого ответа не дал, сказав так: «Книга, несомненно, великая, чуть ли не единственная честная книга о революции. Не следует возводить проблему авторства Шолохова до уровня проблемы авторства Вильяма Шекспира. Еще добавлю, что когда я прошу его о чем-нибудь, он не хитрит, а прямо говорит: «Хорошо, Илья, я это сделаю», или же, «Илья, я этого не могу обещать, но обещаю попробовать». Я еще успел спросить, является ли он автором нашумевшего стихотворения, начинавшегося словами: «На ваш вопрос ответить не сумею, сказал бы Вам – нам беды суждены». Он отвечал, что это стихотворение, как ответ М. Алигер, ему не принадлежит, но в нем много слов из его лексикона и есть одна почти целая строчка из одного его стиха военного времени.

4. У всех людей, переживших войну, осталось в памяти множество совершенно необычных случаев. О двух таких случаях я хочу рассказать. В сентябре 1941 г. мы с приятелем во время бомбежки Москвы забрались на крышу нашего дома с мыслями, что будем тушить немецкие «зажигалки». Темнота, в которой прекрасно видна работа прожекторов, стрельба зениток, и вдали от нас слышен грохот взрывов. Мы

ругаем немецких летчиков последними словами за то, что они бросают бомбы куда угодно, но только не в наш дом. Тут прибежали домоуправ и милиционер, живший в нашем доме, с пистолетом в руках. Оказалось, им сообщили о неизвестных людях на крыше. Укладывая пистолет в кобуру, милиционер сказал: «Я бы похвалил вас за смелость, но прежде отстегал бы ремнем». В 1956 г. я вернулся в Москву после трех лет работы на химзаводе в соответствии с условиями институтского распределения и пришел к домоуправу, чтобы восстановить московскую прописку. Он долго вертел мое заявление, потом сказал: «Подпишу, если пообещаешь больше на крышу не лазать». Я отвечал, что если не будет войны, то обещаю. Домоуправ, которому пошел девятый десяток, помолчал, затем задумчиво прошептал: «При мне войны уже не будет, а вот при тебе...?». И, не закончив своей фразы, медленно расписался.

Очень редкий, необычный случай произошел с моим дядей И.С. Арцисом. Он преподавал историю в военном училище и однажды поставил курсанту «двойку» за плохое знание Бородинского сражения. Спустя год, осенью 1941 г. дядя отступал вместе со своей частью и оказался под Бородино. Он был тяжело ранен, потерял сознание и очнулся в полевом госпитале. В кармане у него лежала записка: «Израиль Соломонович, какую отметку Вы мне поставите сегодня за Бородинский бой?». Медсестра рассказала ему, что какой-то молодой лейтенант принес его на плече, говорил, что нес 3 км. После войны, когда

друзья встречались, им было, о чем поговорить, а мне что послушать.

5. Я учился в школе, шефом которой была газета «Красная Звезда». Многие журналисты газеты, включая К.Симонова, А.Суркова, И.Эренбурга, регулярно выступали в школе. Наиболее хорошее впечатление производил Сурков, простота которого, доброжелательность, отсутствие высокомерия и помпезности просто завораживали ребят. Однажды один мальчик восторженно ему сказал: «С Вами я в разведку пойду!». Поэт, не задумываясь, ответил: «Я с тобой тоже!».

В 1948 г. школьные годы подошли к финалу, и я задумался, куда идти учиться. Меня манили три светила – История, Химия, Спорт. Отец, естественно, хотел, чтобы я стал строителем, и слышать не желал о спорте: «Если не инженер-строитель, так хотя бы инженер-химик». Но мне очень хотелось заниматься историческими проблемами, и я решил проконсультироваться со школьным учителем истории, человеком исключительно благородным, искренне верящим в торжество коммунизма. Если бы все коммунисты были как он, возможно, что так и было бы. В школе, как все знают, бывает всякое. Но он всегда принимал справедливые решения, не опасаясь кого-либо. В рамках школы с его дореволюционным партстажем это было возможным. Я знал, что когда его друга, с которым он участвовал еще в революции 1905 г., арестовали, наш учитель написал письмо Сталину. Он отнес письмо своему старому товарищу, комис-

сару НКВД, чтобы тот быстро переправил его по надежному каналу. Комиссар долго отговаривал друга, но, видя его непреклонность, обещал отправить. И лишь после смерти вождя выяснилось, что комиссар уничтожил письмо, прекрасно зная, чем заканчиваются такие обращения. Моя дружба с учителем началась, когда я выразил ему недовольство тем, что наркомов, т.е. народных комиссаров переименовали в министров: «Это не декоративное уточнение, а принцип, возврат к старому». Он объяснял, что это не так, что не будет возврата к классу капиталистов, но я понял, что в душе он согласен с моими возражениями.

И вот весной 1948 г. я рассказал ему о своих сомнениях и советах отца. Он долго молчал, потом доверительно сказал: «Веня, у тебя уже сейчас большие знания в общественных науках и способность к самобытному анализу. Я не сомневаюсь, что ты будешь хорошим специалистом. У меня на истфаке МГУ есть надежный друг. Я позвоню ему, чтобы он тебя принял и убедился в правильности моей оценки. Но ты подумай еще раз, посоветуйся с отцом еще раз. Ты даже не представляешь, какое ответственное решение надо принять. Но если решишь идти на истфак, то я считаю своим долгом реально помочь».

Отец внимательно выслушал мой рассказ и задумчиво произнес: «По-видимому, он что-то знает, о чем мы пока даже не догадываемся». Так я стал химиком. Еще раз напоминаю – это было весной 1948 г.

6. И в школе, и в институте, и когда уже работал, я

много занимался спортом и однажды даже участвовал в марафоне. Благодаря спорту, меня, инженера-химика, приняли в 1956 г. в ракетную фирму. В 1948 г. баскетбольная команда нашей школы выиграла первенство среди школ Москвы. Тогда я думал, что это старт моих спортивных успехов. Сейчас, спустя почти 70 лет, я понимаю, что эта победа – мое самое крупное спортивное достижение. Я был судьей по футболу, хоккею, баскетболу, легкой атлетике и шахматам. И как судья, и как спортсмен, и как болельщик я встречался со многими легендами советского спорта.

Не забываемые воспоминания и самые замечательные впечатления остались у меня от встреч со знаменитыми футболистами-братьями Старостиными. Я был знаком с двумя из них. Я расскажу немного об этих героях – Андрее и Николае.

Андрей Петрович. Он был капитаном футбольной команды «Спартак» и сборной страны. Одновременно работал директором фабрики, но был специалистом не только в хозяйственных вопросах, но и в проблемах культуры, особенно в театральных. Меня особенно поражало, как он произносит еврейские имена. Многие русские люди чувствуют себя не очень комфортно, когда приходится произносить или даже слышать непривычные еврейские имена. А у него ничего подобного. Однажды я спросил его об этом. Его ответ следовало бы поместить в букварях: «Мой отец был царский егерь, человек исключительно смелый, на медведя ходил в одиночку, а про

волков и говорить нечего. Он часто повторял, что люди определяются своим поведением в опасных ситуациях, как мы сейчас говорим, в экстремальных. Когда в 1942 г. нас арестовали, как немецких шпионов, то одни наши «друзья» – русские люди не сомневались в этом, другие возражали, что было небезопасно. То же самое было и с нашими друзьями-евреями. Значит, прав был отец, что дело вовсе не в национальности. Мой дядя, также умелый егерь, спас соседей-евреев от погромщиков. Он вышел с двустволкой и уверенно сказал, что в ней две пули, и первые двое в дом не войдут. Затем он вернулся домой и, как обычно, начал ругать немецкую педантичность, французскую распущенность, еврейскую хитрость, жадность и русскую беспечность, употребляя в основном те слова, которых нет в словарях. Лично я – убежденный сторонник идеи «Старшего брата». Мы, русские должны быть настоящими старшими братьями для всех народов Союза. Никакого расового чванства! Когда я руководил сборной, то много внимания уделял футболистам из национальных республик, чтобы они всегда чувствовали себя равноправными игроками сборной своей страны».

Биография Николая Петровича Старостина – одна из самых фантастических, о которых я когда-либо слышал. Выдающийся организатор, руководитель и душа московского «Спартака», успешно возглавлявший команду более 60 лет, правда, с 13-летним перерывом, начавшимся в 1942 г. после ареста всех четырех братьев Старостиных с обвинением в финан-

совых нарушениях и . . . шпионаже в пользу Германии. Я несколько раз спрашивал: «Как можно обвинить братьев Старостиных в шпионаже?». Он отвечал: «Следователи настаивали, что нас завербовали, когда «Спартак» играл в Германии. Но они сами в это не верили, некоторые даже симпатизировали нам. Я, как вы понимаете, много раз думал об этом. Кому это надо и для чего? Единственное объяснение, которое я могу предложить – это дело рук самого Л.П.Берия. Когда-то я играл против него, и он, несмотря на злую грубость, не смог меня прикрыть. Советский судья Стрепихеев был арестован за то, что при его судействе «Динамо» проиграло баскам. Берия был фанатичный болельщик динамовских команд, после 1939 г. выигрывать у них стало невозможным, и мы иногда с близкими друзьями шептались о причинах этого, не ожидая, что это станет известным. Он хотел переманить Андрея в «Динамо», но тот отказался. Поэтому, при мстительном характере наркома, не надо удивляться, что следователь во время ночного допроса предъявил мне показания замученного секретаря ЦК комсомола А.В.Косарева, где указывалось, что им создан спецотряд во главе с Николаем Старостиным для нападения на И.В.Сталина. Потрясенный таким оборотом дела, я вернулся в камеру, где появился новичок. Он узнал меня, назвал по имени и начал разговор о футболе, но мне было не до этого, и я рассказал о своем положении. Он задал только один вопрос: «Вас били?». Узнав, что нет, он сразу оживился: «Статья 58 и не бьют, значит, есть

указание сверху, значит, у Вас есть хорошие покровители. Сделайте так – признайте часть обвинений, например, финансовые, что слышали неправильные анекдоты и не доносили о них. Вас осудят по уголовной статье, а после войны будет амнистия, но самое главное – Ваша семья избежит всех ужасов стать семьей изменника родины». Некоторые упрекали меня, что я сознался в преступлениях, которых не совершал. Меня не сломили бесконечные ночные допросы, угрозы расстрелять и многое другое, но мысли о семье привели к решению часть обвинений признать. Моя лагерная жизнь была намного легче, чем у большинства осужденных. Я недолго работал на лесоповале, а в основном тренировал футбольные команды, которые лагерное начальство создавало из личного тщеславия и желания развлечений. Заключенным матчи не показывали.

Вскоре после войны со мной приключилась невероятная детективная история. В наш лагерь прилетел Василий Сталин и, пользуясь своим положением, отвез меня в Москву, не имея необходимых документов. Он сообщил мне, что создает новую команду, а я буду ее тренером. Два дня я, не выходя из дома, разрабатывал план работы, а на третий заметил «слежку». Василий сказал: «Продолжай работать, я договорюсь». Дальше события приняли головоломный характер. Я неосторожно вышел на улицу и тут же был схвачен, но примчался Василий, отбил меня и снова привез домой. Назавтра мы вместе пошли на стадион «Динамо. Генералы МВД, увидав нас, ушли

куда-то. Василий повел меня в буфет, генералы сбегали и оттуда. Я понял, что Василий забыл о цели моего приезда, и для него важнее всего отомстить ИМ за свое унижение. С его согласия я пришел в «органы». Там очень обрадовались – ведь конфликт с сыном вождя имел непредсказуемый результат, и на радостях отправили меня «в места не столь отдаленные», но более близкие, чем я был ранее. Теперь я работал тренером команд более высокого уровня, чем в лагерях. В 1953 г., к сожалению, еще при Берии, мой срок окончился, и я был освобожден, но без права жить в 16 крупных городах. Работал в Алма-Ате тренером-консультантом. В 1955 г. вернулся в Москву. Вижу, Вы опытный спартаковский болельщик. Поэтому обо всем, что происходило позже, Вы в рассказах не нуждаетесь».

Я показал этот текст приятелю-алмаатинцу. Он сразу оживился: «В 1954 г. я 10-летним мальчиком тренировался у Николая Петровича. Сначала родители не хотели отдавать детей какому-то ссыльному, но потом изменили свое мнение. Он был не только спортивный тренер, но и воспитатель. Он быстро убедил ребят, что хорошая учеба дает знания, которые помогут стать хорошим футболистом, что нельзя отдавать гладить футбольную форму маме, надо делать это самому – так поступают все знаменитые игроки, что футболисты во всех городах – кумиры, и потому необходимо всегда быть в опрятной одежде, с нормальной прической и в чистой обуви».

Я благодарен Судьбе, что она познакомила меня с

братьями Старостинными. Они прошли через очень большие испытания, но остались людьми с большой буквы!

7. В 1948 г. вместе со мной школу окончил Лев Кочарян, сын народного артиста Сурена Кочаряна. Левка был исключительно веселый парень, очень доброжелательный. Врагов у него не было и совсем не потому, что он занимался боксом. Спустя несколько лет он при всех встречах с восторгом рассказывал о своем новом друге Володе и с упоением распевал острые строчки из его полублатных песен. Так я узнал о Владимире Высоцком. Я долго не ходил к Левке слушать его песни, но, когда узнал, что отец юного барда еврей, напросился в гости. Когда я пришел, вся их компания уже собралась. А там были Высоцкий, Андрей Тарковский, Василий Шукшин. Впрочем, двое последних тогда, в 1960 г., были никому не известны, я вообще не запомнил их и весь вечер просидел возле Володи. Но поговорить, о чем хотелось, не удавалось. К Володе все время подходили люди и просили спеть что-нибудь или выпить за что-нибудь, а он никому не отказывал. Единственное, что мне стало ясным, это его презрение к антисемитам. Через пару лет посмотрел прекрасный фильм Тарковского «Иваново детство». Левка в то время учился на кинорежиссера и вскоре поставил свой единственный фильм «Один шанс из тысячи». Я посоветовал ему посмотреть «Иваново детство» и спросил: «Кто такой Тарковский?». Он рассмеялся: «Ты видел его у меня, когда весь вечер просидел

с Володей. А зря не слушал Андрея, он рассказал немало интересного». Я попросил Левку вспомнить что-либо. «Хорошо, слушай. В 1950 г. Г.М.Маленков предложил его отцу к 70-летию вождя перевести его юношеские стихи с грузинского на русский. Отец добросовестно выполнил работу, пришел к Маленкову, но узнал, что ситуация изменилась: «Вождь поправил нас, указав, что негоже в стране Пушкина печатать его юношеские стихи». Андрей добавил, что отец рассказал сюжет только одного стиха: «Взлетел орел высоко-высоко, но другой орел взлетел еще выше и тогда третий орел взлетел так высоко, что выше невозможно – там уже нет воздуха». Вася Шукшин подвел итог этому такими словами: «Кто хочет быть выше меня, у того не будет воздуха».

С Высоцким я встретился еще раз лишь через 18 лет, когда он стал общенародным любимцем. Он дал концерт в клубе нашей фирмы, которая располагалась за Московской кольцевой дорогой. После концерта Высоцкого я около получаса ехал с ним в одном автомобиле. Несмотря на безудержную страстность при исполнении песен и стакан коньяка, выпитый сразу по окончании концерта, Володя, как ни в чем не бывало участвовал в общем разговоре. Мне очень хотелось, чтобы он вспомнил меня, но этого не случилось. А говорить о Льве Кочаряне, казалось не совсем вежливым по следующей причине – он умер недопустимо рано, в 40 лет, а Володи на похоронах не было, что вызвало, выражаясь деликатно, общее непонимание, а со стороны жены даже нечто большее.

Я рассказал, что недавно участвовал в КВН, и там был такой вопрос: «Назовите два известных поэтических произведения, написанных Онегинской строкой». Первое – «Евгений Онегин», сразу назвали, а второе не смогли. Володя сразу оживился и начал проговаривать про себя: «Это нет, это нет, нет, нет...». Приятель Володи, который сопровождал его в поездке, попросил меня назвать автора этого произведения, но Володя бурно запротестовал: «Не надо, а то будет очень легко». Тогда Володин друг попросил сказать только ему одному. Я прошептал ему в ухо, но он вдруг громко сказал: «Володя, это Лермонтов!». Уже через несколько секунд Высоцкий артистически декламировал разные фрагменты лермонтовской поэмы, например, «Повсюду нынче ищут драмы, все просят крови, даже дамы. А я, как первый ученик, остановился в лучший миг простым нервическим припадком». Тут шофер, молчавший до этого, спросил: «Что это такое?». Высоцкий прочитал еще несколько отрывков и лишь затем с пафосом сообщил: «Гамбовская казначейша!». Я заинтересовался: «Каких русских поэтов Вы особенно любите?». Его ответ был и очень содержательным, и патриотичным и далеко выходил за рамки литературной проблематики: «Я внимательно прочел стихи всех известных русских поэтов, включая второстепенных, как сказано в известном фильме «Доживем до понедельника». Русская поэзия достигла очень больших высот. Я мечтаю, чтобы во всех делах наша страна достигла бы таких же высот, как в поэзии».

8. В 1958 г. я женился. Это произошло в Абхазии. Сейчас в Грузии повсюду висят объявления: «Новое! Гражданские браки! Романтично! Минимум документов! Недорого!». Но тогда в ЗАГСе пожилой абхазец сказал нам, что в Абхазии, как и по всему Союзу, существует срок – две недели. Я с сожалением сказал, что через две недели мы возвращаемся в Москву, и просил оформить немедленно. Он отвечал, что ему сделать это невозможно, а вот в соседней комнате есть человек, который за 5 рублей сделает это. Поняв игру, я продолжал: «Того человека я не отдашь ему. Он вышел в соседнюю комнату и вскоре вернулся с двумя бумажками: «Это справки, что вы муж и жена, Впишите туда свои фамилии и сохраните. Эти справки действительны на любом курорте Кавказа». Когда я сказал ему, что мы решили пожениться всерьез, и потому оформи все в паспортах, его восторг был неумным. Сделав записи в паспортах, он умоляюще прошептал: «Слушай, пока нет печати, все эти записи – ерунда. Подумай еще, придешь завтра, поставим печати». Я твердо произнес: «Нет, ставь сейчас». Он осторожно проштамповал, но когда я вручил ему 5 рублей, воскликнул: «Что ты, что ты, какие деньги! Из Москвы приехали жениться, какие деньги!». В тот же миг на столе появились цветы и бокалы с вином.

Потом я часто ходил в гости к этому абхазцу. Меня поражало, с какой злостью он говорил о грузинах: «Они уничтожали нашу культуру, запретили использовать родной язык, убили массу людей, включая

моего отца и старшего брата, которые никогда не занимались политикой». Напрасно я убеждал его, что убивали не по национальному признаку, а в целях сохранения личной власти, и что наверняка в системе КГБ было немало абхазцев, которые участвовали в этих преступлениях. Его ответ заслуживал наивысшей отметки: «Странно слышать от еврея об отсутствии национального подхода при массовых насилиях. А те абхазцы, что служили в КГБ, они и сейчас работают на самых ответственных местах. Но пусть никто и не мечтает превратить нас в грузин». И тогда я спросил его: «Так что, вы хотели бы, чтобы Абхазию перевели в состав РСФСР?». И он уверенно отвечал: «Конечно. Во всех автономных республиках расцвет национальной культуры, создаются театры, киностудии, газеты, Академии Наук и нет никакого запрета родных языков. Люди сами учат русский язык и хотят, чтобы их дети знали русский, т. к. это способствует жизненным успехам».

Я симпатизирую грузинам за многое и в том числе за то, что процент антисемитов у них значительно меньше, чем в стране, где я родился. Но слов этого абхазца забыть не могу...

9. В 1963 г. на празднование 65-летия моего дяди Эли пришла его старинная знакомая, еврейская писательница Шира Горшман. Это была удивительно энергичная женщина, про таких говорят, что они танцуют даже на собственных похоронах. С ней пришли ее обаятельная дочка Суламифь, родившаяся в Иерусалиме, и ее муж, известный артист

И.М.Смоктуновский, который горячо любимую жену называл «Соломка». Я подсел к нему и завалил вопросами. Говорить с ним было одно удовольствие. Он или отвечал, что этого не знаю, или же отвечал подробно, со свойственной ему неповторимой артистичностью. С тех пор каждые 3-5 лет я встречался с Иннокентием Михайловичем и подолгу разговаривал. Последний раз мы разговаривали на 80-летию дяди в 1978 г. Увидев меня, он поздравил дядю, потом улыбнулся мне и приветливо сказал: «Подсаживайтесь». Я приведу здесь лишь пять его рассказов.

Когда в 1955 г. я приехал в Москву, то был никто – ни работы, ни жилья, случалось, что ночевал на вокзале. И вот я увидел Соломку, сразу влюбился и с радостью почувствовал, что ей я тоже не безразличен. Я ожидал, что ее мама будет всячески возражать против непутевых встреч красавицы-дочки с каким-то бедолагой. Но она действовала как раз наоборот. Когда я стал Смоктуновским, признанным и обеспеченным, то спросил ее об этом. Она сказала: «Любовь – это самое лучшее, что есть на свете. Когда я поняла, что у вас настоящая любовь, то была счастлива за дочку». Вот какой человек моя теща – Шира Григорьевна Горшман».

Вскоре после «Гамлета» мне предложили сыграть роль В.И.Ленина. Соломка была против, она утверждала, что я сыграю Ленина как человека гениального, но нормального, живого, а ИМ нужна икона, чтобы молиться, и меня раскритикуют. Я не послушался совета жены и сыграл Ленина так, как считал

правильным. Недовольны были не только власти, но и многие простые люди, привыкшие к обожествлению вождя. Впрочем, наводить критику по теме «лениниана» не было принято. Картина в прокате была недолго, а меня публично не критиковали.

Мы вместе с Петром Глебовым, ставшим знаменитым после «Тихого Дона», исполняли главные роли в фильме «Моцарт и Сальери». Мы оба не верили в справедливость знаменитой пушкинской формулы: «Гений и злодейство несовместны», но требовалось играть строго по авторскому тексту. Для лучшего ознакомления с темой нам организовали встречу с австрийским специалистом. Он рассказал, что Сальери был успешным композитором и обеспеченным человеком. Характер у него был непростой, и потому врагов и завистников у него было предостаточно. Все эти люди беспрестанно травили композитора, и к старости у него возникли серьезные проблемы. Иногда в припадках безумия он кричал, что убил Моцарта, хотя никаких серьезных оснований для этого не было ни тогда, ни сейчас. Поэтому суды всегда отказывались принимать дело к рассмотрению. Враги утверждали, что его предки были евреями, но доказательств этого нет, хотя желающих доказать было немало. Во время войны немецкая пропаганда подняла грязную кампанию, что еврей Сальери убил немецкого гения.

Когда мы ехали домой, Петр, у которого, в отличие от меня, были дворянские корни, вдруг сказал: «Знаешь, Кеша, не надо рассказывать, что немецкая про-

паганда назвала Сальери евреем, убившим Моцарта. У нас немало дураков, которые с радостью подхватят эту идею».

Все мои друзья-евреи искренно уважают Михаила Ульянова и как артиста, и как деятеля культуры, и как гражданина, но некоторые считают, что в фильме «Тевье-молочник» он не преуспел – обеднен колорит языка Шолом-Алейхема. По-моему, они ошибаются. Если бы фильм предназначался для фестиваля в Израиле, тогда необходим национальный колорит. Но фильм предназначен для русского зрителя, который видит, что у евреев те же проблемы, что и у него самого, т. е. антисемитизм абсурден. Он нужен властям, чтобы скрыть несправедливость своего правления и, к сожалению, народу, чтобы иметь возможность в своих бедах винить кого угодно, но только не себя. Доказательством этого является шумиха, развязанная антисемитами: «Как это возможно? Артист, который для нас маршал Г.К.Жуков, играет какого-то молочника». Следовательно, Ульянов убедителен в обеих этих ролях».

Когда Олег Ефремов поставил пьесу А.П.Чехова «Иванов», он предложил главную роль мне и высказал свою интерпретацию сюжета: «Русский человек полюбил еврейку, обе семьи в ужасе, но любовь побеждает. Затем всем нам обычная история. Муж разлюбил жену и вот он мечется с криком: «Жидовка». Многие считают, что Чехов поучает русских мужиков избегать любовных связей с еврейками, а тем более женитьбы. Некоторые, и я в том числе, убеждены,

что Чехов осуждает Иванова за бесхарактерность и безнравственность. Следует всегда вести себя достойно и особенно, если разлюбил. Я, например, трижды уходил и лишь с зубной щеткой в руках. Вот так и покажи Иванова, как мужика никудышного». Я отвечал ему, что у меня нет такого опыта ухода от жен, как у него, но я доверяюсь твоему опыту и буду играть соответственно.

Хочу добавить к этому, уже от себя. Вскоре после рассказа Смоктуновского о пьесе «Иванов» я был в Ленинграде, ехал в метро и вдруг увидел, что рядом сидит известный артист Кирилл Лавров. Я поинтересовался его мнением относительно трактовки поведения Иванова самим Чеховым. Он отвечал: «Этот вопрос возник сразу после опубликования пьесы, но что думал Чехов, каждый решает по-своему. Мое мнение такое – любовь может уйти, но если ты человек, то совесть обязана остаться».

10. Я уже упоминал, что работал в ракетной фирме. С середины 50-х годов СССР стал поставлять в арабские страны мощное современное оружие. Я разговаривал со многими ракетчиками-евреями, и все они, правда, в разной степени, говорили об этом с горечью. Один широко известный специалист, генерал, Герой Социалистического труда, многократный лауреат, оценил проблему таким образом: «Конечно, ощущение не из приятных. Но творческий человек устроен таким образом, что ему независимо ни от чего всегда хочется создать что-то более совершенное. К тому же, многие искренне верят, что

американский «Ампериализм» собирается напасть на нас». Он так и сказал «ампериализм» с буквой «а» в начале слова, чтобы подчеркнуть свою иронию. К несчастью для России сейчас у многих россиян чрезмерное преувеличение опасности американского нападения, чем умело пользуются властные структуры.

В июне 1967 г. наша фирма, как и все предприятия страны, провела митинг с осуждением «агрессии Израиля». Я был известным и популярным лектором и меня, несмотря на все хитроумные уловки, обязали выступать. Хотя всем на выступление отводилось не более трех минут, я ни к одному выступлению в своей жизни не готовился так тщательно, как к этому. Очень хотелось, чтобы никогда не было стыдно за это выступление. В конце концов, я придумал приемлемый план. Полторы минуты из трех я говорил об американском империализме как враге свободлюбивых народов, а затем вдруг самым тихим голосом спросил: «Но почему же война на Ближнем Востоке закончилась очередным поражением арабских армий? Они ведь теперь вооружены отличным оружием. Мы с вами его создавали, и его высокое качество нам хорошо известно. А вот на Дальнем Востоке вьетнамские партизаны тем же оружием громят врага и не армию Израиля, а армию США, и вскоре вообще выгонят интервентов. Почему?». В зале полная тишина, в президиуме полная растерянность, а я уверенно продолжал: «А потому, что во главе борьбы вьетнамского народа стоит компартия,

а в арабских странах коммунисты не участвуют в этой борьбе и не по своей воле». Аплодисменты не дали мне возможности окончить выступление, хлопали даже те, кого я знал как явных антисемитов. Один из них подошел ко мне, пожал руку и сказал: «Молодец, Шлоймович, теперь понятно в чем дело», другой беспрерывно повторял: «Где им без коммунистов победить!».

В отчете о митинге, направленном в райком КПСС, были такие слова: «Помимо острого осуждения агрессии Израиля выступавшие указывали на необходимость всемерного укрепления руководящей роли партии».

11. После шестидневной войны 1967 г. я неоднократно обсуждал вопрос о будущем Израиля с дядей Элей, который из всех знакомых мне людей был самым сведущим в проблемах иудаизма. В отличие от меня, дядя не разделял сионистские взгляды. Он безгранично верил Томасу Морю, который еще в 16-м веке в своей «Утопии» неопровержимо доказывал, что крупная частная собственность – главный поставщик несправедливостей человеческого общества. Пока она существует, невозможно решение идеологических проблем, включая национальные. Идеология основной массы людей – это личное обогащение, и потому они не могут порвать со своим животным прошлым. В прошлом частная собственность очень способствовала прогрессу человечества, но она же его и погубит, если все будет продолжаться как сейчас. Дядя искренно восхищался успехами

Израиля, но уверял, что это не уменьшит антисемитизм, скорее наоборот, и не только в мусульманских странах: «Ко мне приезжал проконсультироваться по проблемам идиша специалист из США. Он сообщил, что немало американских профессор-интеллектуалов оценили результаты Шестидневной войны так: «Опять евреи обдурили нас».

Дядя представил новую версию сталинского преследования евреев. Он задумал решить еврейский вопрос путем их массовой высылки сразу по окончании войны, рассчитывая на «всенародное одобрение», которое было бы использовано для новых военных авантур. Он без широкой огласки изгонял евреев из партийных государственных органов. С началом «холодной войны» он приступил к выполнению своего преступного плана. В январе 1948 г. был подло убит С.М.Михоэлс – руководитель ЕАК, в сентябре ЕАК распустили, в ноябре закрыли все газеты на идиш и их издательства, а иврит был запрещен за 25 лет до этого. Начались аресты «еврейских националистов и космополитов», которые просидели в тюрьмах без суда до конца 1952 г. Чем же объясняется столь длительная задержка? Это связано с созданием еврейского государства. Сталин решил, что возникновение Израиля позволит ему ослабить западный лагерь. Поэтому СССР первым официально признал новое государство, снабдил его военным снаряжением и послал на помощь группу офицеров, которые якобы дезертировали из советской армии в Германии. Сталин знал, что в Израиле очень сильны

антибританские настроения, очень сильны социалисты и коммунисты, а стены домов в кибуцах, где нет частной собственности, увешаны его портретами. Он полагал, что Израиль станет его верным сателлитом и потому воздержался от проведения судов над арестованными, хотя антиеврейская кампания под видом борьбы с космополитами не прекращалась. Когда Сталин весной 1952 г. понял, что Израиль не станет сателлитом, начались тайные суды со смертными приговорами над совершенно невинными людьми, новые аресты, среди которых особенно рекламировалось «Дело врачей». В этот момент грязная антиеврейская кампания ничуть не уступала пропаганде Геббельса. Однако в начале марта 1953 г. Сталин или умер, или был убит своими соратниками, и новая власть решила прекратить эту кампанию, как не отвечающую подлинным интересам страны.

Некоторые «ура-патриоты» утверждают, что никакого плана по переселению евреев в отдаленные районы страны не было, поскольку никаких директивных документов по этому вопросу не найдено. Но судебный процесс в Нюрнберге также не обнаружил никаких документов «по окончательному решению еврейского вопроса».

Выслушав рассказ дяди, я спросил: «Ну, а что тут новое?». Он усмехнулся: «Есть новое и оно очень символично. Израиль своим созданием спас советских евреев от депортации и, как следствие, от массовой гибели, задержав на 4 года выполнение сталинского плана. Итак, Государство Израиль и в этом

вопросе выполнило свою основную задачу – обеспечение безопасности еврейского народа».

12. В августе 1968 г. в бурлящую Чехословакию вошли советские войска. Большинство народа восприняло это с удовлетворением, но было необычно много думающих иначе. Некоторые из них мужественно вышли на Красную площадь с протестом и были арестованы. Я никогда не был диссидентом, но в августе 1968 г. все мои иллюзии насчет будущего страны исчезли. Стало ясным, что необходимы серьезные принципиальные реформы, но существующая власть на них не пойдет, поскольку именно ее единоличное правление – главная причина экономических трудностей.

Ведь в чем по существу причина волнений в Чехословакии? Чехи хотят хорошо жить и согласны ради этого хорошо работать. А сталинизм и не хочет, и не может это обеспечить. С одной стороны, он, в силу своей органической сущности, беспомощен для организации всестороннего хозяйственного прогресса, с другой, ему нужны нищие люди, согласные работать за кусок хлеба. Не надо возражать, что, мол, Сталин умер еще в 1953 г., а только через 3 года Хрущев разгромил сталинизм. Хрущев разгромил не сталинизм, а культ личности самого Сталина, оставив сталинизм своим рабочим инструментом. Ленин учил, что каждый новый общественный строй побьет предыдущий за счет более высокой производительности труда. События в Чехословакии ясно показали, что КПСС отказалась от этих взглядов и

ориентируется не на высокопроизводительный труд, а лишь на военную силу.

13. После чехословацкой авантюры я, как тогда говорили, стал «дважды неверующим», ни в бога, ни в КПСС. Но жизнь не остановить. Я продолжал добросовестно работать, заботиться о подчиненных и часто читал лекции на самые разные темы. С лекторской работой у меня впервые возникли серьезные трудности. Меня дважды вызывали в райком и «прорабатывали» за критические элементы в моих сообщениях. Я защищался, показывая, что эти критические материалы взяты из партийной печати. Они на полном серьезе доказывали, что такие материалы можно обсуждать с товарищами по партии, а не с кем угодно. Я возражал, так как все это есть в открытой партийной печати. В общем, меня «предупредили», но выступать не запретили.

Вскоре я сам резко изменил тематику своих лекций. Наш отдел создавал различные изделия для космонавтики. Работники этой отрасли, да и сами космонавты нередко посещали нашу фирму. Я среди многих сотрудников был награжден медалями Гагарина и Циолковского. Тогда я переключился в лекциях на космическую тематику. Люди слушали об этом с огромным интересом, а я читал лекции с искренним энтузиазмом, испытывая гордость пусть за небольшую, но все-таки принадлежность к этим успехам. Особенную радость мы испытали в конце сентября 1983 г., когда система аварийного спасения, разработанная нашим отделом, спасла жизнь космо-

навтов Г.Стрекалова и В.Титова во время стартовой аварии. Потом Стрекалов приезжал к нам и сказал много добрых слов.

14. Осенью 1973 г. мы с отцом и сыном с тревогой слушали по радио разные «голоса». Шла Война Судного дня. Бои приняли затяжной характер, что крайне опасно для Израиля. Мой хороший друг сказал, что его фронтовой товарищ долго работал в Египте военным советником. Два года назад Египет не очень вежливо выдворил их из страны. Он, как специалист в этом вопросе, убежден, что война кончится полной победой Израиля и не позже, чем через 10 дней.

Уже вечером мы сидели у бывшего советника и вели диспут. Он настаивал, что Израиль скоро победит, я приводил противоположные доводы. «Вы понимаете— сказал он, египетские солдаты – ребята храбрые, но генералы совершенно не готовы к войне и, к счастью для евреев, не понимают этого». Я вновь возразил, и тогда он предложил: «Знаете что, давайте поспорим на две бутылки армянского коньяка, что через 10 дней Египет запросит мира». Я, конечно, согласился, заявив, что никогда в жизни так не хотел проиграть. А уже через два дня Ариэль Шарон переправился на западный берег Суэцкого канала.

Спустя пару дней, распивая армянский коньяк, мы обсудили много ближневосточных проблем. Об одной из них, имеющей важнейшее значение для нас, считаю необходимым рассказать. Уходя, я спросил советника: «Когда начнется новая война и как она закончится?». Он тотчас ответил: «Израиль не

проиграет, а когда случится, не знаю, но не скоро». Я молчал, а он продолжал: «Представьте, что Египет берет верх и входит в Израиль. Евреи отлично знают, что их ожидает. Что они сделают?». Я по-прежнему молчал, а он завершил так: «У меня русский менталитет, и в этом случае я бы применил ядерное оружие». Тут и я вступил в разговор: «А Вы думаете, оно у них есть?». Советник грустно улыбнулся: «Я не думаю, я знаю. Насер начал войну в 1967 г. только потому, что узнал и от нашей разведки, и от своей – через год Израиль завершит работы по созданию этого оружия». С тех пор прошло почти полвека, но я не перестаю размышлять о словах советника!

15. В самом конце 1979 г. в Афганистан были введены советские войска. Престарелые кремлевские небожители явно сошли с ума и совершили страшную ошибку. Это был именно тот случай, о которых Талейран говорил: «Это больше, чем преступление – это ошибка». Такой шаг лидеров КПСС показал, что они совершенно не понимают реальной действительности. Они намеревались дать афганцам землю и воду, не понимая, что те ничего не возьмут, а возьмутся за оружие. К чести военных следует отметить, что они, кроме своего министра Д.Ф. Устинова, были против, исходя из опыта многолетней войны афганцев с Англией. Правда, потом генералы освоились и стали использовать эту жестокую войну для быстрого продвижения воинских званий у своих детей-офицеров. Я полностью сознавал интеллектуальную беспомощность нашего руководства и не

сомневался, что война будет проиграна. Очень удивляла бездарность руководителей западных стран, которые так же, как и советские, не понимали, к чему приведет политика активного вооружения радикального ислама. Впрочем, они не понимают этого даже после падения башен в Нью-Йорке.

Многие опасались, что вину за неизбежное поражение спишут на евреев, что нередко случалось в отечественной истории. Но события в стране пошли по совсем другому сценарию, и на повестке дня появилась Перестройка.

16. В 1982 г. я впервые приехал в командировку в Свердловск. По окончании рабочего дня я спросил, как быстрее доехать до дома Н. Ипатьева – места расстрела царя Николая Второго. Мне сказали, что дом разрушен. На мое удивление, объяснили, что секретарь обкома КПСС Б.Н.Ельцин хотел «выпендриться» перед Москвой, и, несмотря на просьбы митрополита, дом был снесен. Тогда я поехал на автобусную экскурсию по городу, которая началась очень любопытно. Гид спросил: «Как наш город назывался ранее?». Мы дружно закричали, что Екатеринбург. Он спросил: «В честь кого назван наш город?». Мы также дружно ответили, что в честь Екатерины Второй. Гид рассмеялся: «Нет, это не так, город основан в 1723 г. и назван в честь жены Петра Первого, будущей царицы Екатерины Первой. Через пару лет Ельцин стал руководителем московской парторганизации. На одном из заседаний я своими ушами слышал, как, отвечая на вопрос, он сказал,

что разрушение дома Ипатьева было навязано Москвой, и митрополит не возражал. В моей следующей командировке в Свердловск я рассказал о таком двуличии. Никто не удивился, все говорили, что за внешней простотой и демократичностью скрывается честолюбивый эгоист, и страна еще наплачется от его действий. В феврале 1995 г. мой свердловский коллега приехал в Москву. Я сообщил ему, что 8 марта ухожу на пенсию, а о том, что в апреле улетаю в Израиль, на всякий случай умолчал. Он спросил, как мне видится Ельцин. Я отвечал, что недостатков у него действительно много, но мне нравится, что он не мстит журналистам за порой весьма острую критику. Мой приятель кисло улыбнулся: «Он не трогает тех, кто реально не мешает ему царствовать и обогащаться». Может быть поэтому Ельцина я сразу не зауважал.

17. Перестройка или «перестрелка», как говорилось в популярном анекдоте – самое сумбурное и самое неразумное время в моей жизни. Я ходил на митинги и разочаровывался в новоявленных лидерах. Одна группа этих болтунов просто хотела отнять власть и богатства у предшествующей группы проходимцев. Все они не думали о народе, хотя умели весьма красочно говорить о его интересах. Лишь небольшая часть ораторов выглядела подлинными защитниками народа, но их прожектерство и интеллектуальная беспомощность не вызывали сомнений. Однажды мне удалось поговорить с одним в недалеком прошлом высокопоставленным работником

партаппарата. Он с горечью сказал, что его бывшие сослуживцы активно поддерживают перестройку по самым корыстолюбивым интересам. Они, не стыдясь, говорят: «Раньше мы могли любого отправить в тюрьму или в сумасшедший дом. Но мы не могли купить дачу, автомобиль, заграничные туры. Мы обязаны были пользоваться только партийным имуществом. А если случалось что-то не так, то все отбиралось. Даже у вдовы Брежнева все отняли. А сейчас мы покупаем и дачи, и яхты, и даже самолеты».

После таких разговоров становилось страшно. Многие люди, особенно евреи, решили уехать из страны. Но я, как уже писал, работал в ракетной фирме. В прежние годы нескольких наших работников уволили, когда их дальние родственники подали заявление на выезд, а о собственном отъезде нельзя было даже мечтать. При создавшемся положении повысилась активность антисемитов — ведь даже Ельцина они объявили евреем. В 1990 г. мне исполнилось 60 лет, я стал пенсионером, но продолжал работать на фирме, положение в которой резко ухудшилось. Одним из немногих полезных мероприятий перестройки было значительное снижение финансирования военной отрасли. Правда, освободившиеся средства не шли на народные цели, а переправлялись новыми хозяевами на свои счета в иностранных банках. Но ведь именно в этом и заключалась реальная сущность перестройки.

18. Совершенно неопределенное, непредсказуемое положение в стране и беспрестанные домашние раз-

говоры о ее перспективах привели моих детей, которые и раньше в силу семейных традиций стояли на сионистских позициях, к решению совершить Алию. Они начали серьезно учить иврит и так преуспели, что вскоре стали преподавать. В 1991 г. моя дочь, 20-летняя студентка, решила уехать в Израиль. Мы с женой пытались уговорить ее сначала окончить институт, но она была непреклонна, и мы подписали согласие на отъезд. На завтра, придя на работу, я рассказал все своему другу. Он посоветовал написать заявление об уходе по собственному желанию и, как только вызовут, отдать заявление. Они так же, как и ты, не хотят публичного осуждения. Заявление я написал, но проходила неделя за неделей, а меня никто не вызывал, и я продолжал работать по «закрытой» тематике, как и прежде. Друг смеялся, что, видимо, кое в чем перестройка сказалась. В 1993 г. совершил Алию мой сын со своей семьей. Жена стала настаивать и на нашем отъезде. Был разработан такой план: я добьюсь разрешения на посещение в польском городе Краков могилы младшего брата отца, с которым я был очень дружен. Он был тяжело ранен под Берлином в конце апреля 1945 г. и умер в краковском госпитале в День Победы. Кстати, кладбище советских воинов в Кракове выглядит более ухоженным, чем многие подобные кладбища в России. Для этого мне выдадут заграничный паспорт, по которому я куплю туристическую поездку в Израиль, а через год подам заявление на ПМЖ – постоянное место жительства.

И вот я иду к заместителю директора по режиму, между прочим, действующему полковнику КГБ, имевшему при своей должности такую поговорку: «Лучше быть самоучкой, чем получать жестокий урок от самой жизни». Я нередко бывал в кабинете полковника по общественным делам, но на этот раз зашел с трепетом. Выслушав мой рассказ о Кракове, о чем я и ранее советовался с ним, он похвалил мое решение, добавив, что подпишет запрос на загранпаспорт в день моего ухода на пенсию: «Сейчас с этим делом стало намного проще – из анкет изъяли пункт об участии в секретных разработках». Я обрадовался, успокоился и решил закончить интересную работу, которую вел несколько лет. В самом начале 1995 г. я вновь пришел к нему, но он просто взорвался: «Ты сошел с ума, почему ты так задержался? В анкетах вновь ввели пункт об участии в секретных работах. Я, как обещал, подпишу твой запрос, но как решат ТАМ, не знаю». Я понял, что он даже не подписывает запрос, но дипломатично молчал.

Через три недели он вызвал меня и, не глядя в глаза, жестко произнес: «Ты всегда успешно выполнял мои партийные поручения, даже такие, в выполнении которых я не верил. Мне не хотелось, чтобы ты думал обо мне плохо, но...». У меня, что называется, душа ушла в пятки, а он продолжал: «Но, слава богу, удалось не без труда убедить ИХ, что ты за границей не будешь пьянствовать, воровать, хулиганить и главное – ругать российскую действительность». Понятно, я рассыпался в благодарностях, а он нео-

жиданно поменял тему разговора: «Что нам Израиль, он воевать с нами не собирается, а вот Украина...». Я молчал, опасаясь, что меня провоцируют, а он завершил свою мысль: «А вот Украина совсем наоборот. Народ этого не понимает, верхи тоже, а там рано или поздно власть захватят бандеровцы». Эти его слова я вспоминал часто. Последний раз, когда Киев критиковал нашего президента Реувена Ривлина за то, что он верит в московскую ложь о якобы участии украинцев в преступлениях в Бабьем Яру. Отдавая мне бесценное разрешение, полковник спросил, готов ли я к поездке и как будет по-польски «добрый день». Я растерянно отвечал, что *dzień dobry*. Он двусмысленно улыбнулся и заверил меня, что я готов к поездке в Краков. Несомненно, он все понимал.

19. В ОВИРе на мой вопрос ответили, что с этим паспортом можно ехать в любую страну, с которой Россия имеет дипломатические отношения. И вот мы улетаем в Израиль. Мама и жена на ПМЖ, а я как турист, не очень представляя свои дальнейшие действия. Символично, что это произошло 12 апреля, 34 года назад Юрий Гагарин сказал знаменитые слова: «Поехали...».

В Израиле таких туристов было немало, и после проверки документов им или давали гражданство, или предлагали выехать. Я быстро получил гражданство, но по понятным причинам работу по специальности не искал и вообще не искал никакой работы. Для хорошей работы нужно знание иврита, чего у меня не было, а идти в 65 лет в подсобники мне

не хотелось. Во многом, принятию такого решения способствовала израильская пенсия, которая существенно плодороднее российской. Впрочем, российскую пенсию мне вскоре перестали выплачивать. Чтобы ее восстановить, я пошел на прием к послу России А.Е.Бовину. Он сразу спросил: «Где я видел Вас?». Я отвечал, что участвовал в работе семинара молодых пропагандистов, где он читал курс лекций, а после каждой лекции я подходил к нему и задавал кучу вопросов по ближневосточной тематике. «Ну и что же я Вам отвечал?», поинтересовался посол. Я с энтузиазмом сказал, что по тем временам его ответы были сногшибательно острые, никто не позволял себе столь смелых заявлений. «Ну, хорошо, с чем пожаловали?». Я без всяких хитростей рассказал о своем положении, не забыв упоминуть, что уже в первые дни пребывания в Израиле зарегистрировался в российском консульстве Хайфы и участвовал в выборах в Думу, и Президента. Бовин внимательно посмотрел на меня: «Если Вы доложили все правильно, то закон на Вашей стороне. Покажите Ваш загранпаспорт... да все по закону, можете оформлять документы. Да, еще что хочу Вам сказать: Израиль – это золотое место для тех, кто хочет повысить свой интеллектуальный потолок. Не жалеете денег, а со временем у Вас, думаю, проблем не будет. Посещайте места не только из еврейской истории, но и арабской и христианской. Я, например, на днях посетил Кафр-Кана. Не хочу спорить с теми, кто утверждает, что это село не имеет ничего общего с Каной Гали-

лейской, упоминаемой в Евангелии. Помните, Иисус превратил там обычную воду в дорогостоящее вино. Сейчас эта технология утеряна и процветает прямо противоположная. Но меня больше всего обрадовало, что евреи, мусульмане и христиане живут там довольно дружно. Вот бы так по всей Стране, а то посмотришь – ваши левые трясут «дерево мира», когда его плоды еще не созрели, а правые не верят, что плоды способны созреть. Ой, да что это я все о себе! Как Вам живется на новом месте?». Понимая, что передо мной посол России, я отвечал самым аполитичным способом: «Рядом дети, могу быть им полезным, например, водить внуков в детский сад. Еще немаловажно – тут нет у меня аллергии. В Москве каждую весну во время цветения она у меня процветала. Почему-то тут ее у меня нет, нет запахов». Посол улыбнулся: «Может быть, Ваш генетический код привычен к здешнему климату. Ну, а теперь совершенно серьезно, как своему ученику, настоятельно советую не появляться в Москве до 2005 г.».

20. В Москву я приехал в 2008 году. Новая Москва мне понравилась. Появилось множество ярких современных многоэтажных зданий. Отреставрированы старинные двухэтажные дворянские усадьбы, и некоторые из них я впервые увидел в их истинном цвете. Но самое главное – жизнь простых людей явно улучшилась. Правда, в отдельных газетах и программах ТВ по-прежнему процветают антисемиты, но они теперь не упоминают евреев, а лишь израильскую агрессию против арабов. Но в других

газетах и программах ТВ выступают против антисемитизма, причем не формально, как было в наши времена, а решительно, искренне, с душой. Проявления государственного антисемитизма я не видел ни разу. Наоборот, повсюду открываются еврейские культурные центры, где все чувствуют себя спокойно и с полной уверенностью, что так будет и дальше. При посещении еврейского университета имени великого Рамбама я порадовался серьезностью изучаемых тем еврейской истории и иудаистики. Там мне рассказали любопытную, вполне возможно, легендарную историю. Перед выборами В.В.Путин пригласил иерархов всех главных религиозных общин страны и попросил их поддержать его кандидатуру. Главный раввин якобы сказал, что евреи, конечно, поддержат, ведь в истории России было всего три лидера, которые никогда не выступали против нашего народа – это Александр Федорович Керенский, Владимир Ильич Ленин и Вы, Владимир Владимирович.

Перед отъездом я зашел в свой старый дом и с горечью узнал, что никого из моих друзей детства уже нет в живых. С этим вопросом в стране по-прежнему не все в порядке, но все равно я уезжал из России, обрадованный тем, что так много изменений в лучшую сторону. Еще раз повторяю, что это было осенью 2008 г., за 5 лет до крымских событий.

21. Сейчас мне идет 87-й год. Моя мама дожила до 94 лет, сохранив ясность ума, память и дружелюбие к людям. Обычно дети живут дольше родителей, так

что у меня, возможно, есть еще целое десятилетие. Я не думаю, что этих лет хватит, чтобы увидеть подлинный мир с нашими соседями, но я счастлив, что дожил до того времени, когда защита еврейского народа перестала быть делом филантропических организаций, а стала главным делом родной еврейской Страны.

Хочу закончить воспоминания теми же словами, что и начинал: «Прочь безрадостные мысли, мы в тираж еще не вышли».



АШКИНАЗИ ЛАРИОН-БЕН-АВРААМ. ВОСПОМИНАНИЯ РЕПАТРИАНТА.

Родился в 1943 году Таджикистане, куда бабушка и мама эвакуировались из Киева. Дедушка в этом же году был освобожден из ГУЛАГА в связи с «отсутствием состава преступления», но без права выезда за пределы Магаданской области. На лесоповале он проработал 6 лет. В Киев он вернулся в 1954 году после полной реабилитации. Отец, когда я родился, находился в госпитале в г. Киров. Через год он умер, и мы так и не увиделись. Война, будь она проклята!

О Таджикистане детские впечатления у меня расплывчатые и положительные. Когда мама осталась вдовой, некоторые мужчины предлагали ей руку и сердце, и, чтобы получить от меня поддержку, дарили мне конфеты монпансье. Может из-за этого у меня сейчас появились признаки диабета. Мама всех сравнивала с отцом и так никого не выбрала. Сейчас ей 97 лет и живет она в Хайфе. Антисемитизма в Таджикистане я не чувствовал. По рассказам мамы я дома хвастался, что в садике меня зовут по отчеству: Абрамом. Ничего плохого я в этом не видел.

В 1950 году мы вернулись на Украину. В Днепро-

петровске поступил в школу и закончил 10-й класс в 1960 году. Класс был у нас дружный. В старших классах периодически влюблялся. Сначала в девочку из нашего класса, она охотно принимала мою помощь по математике, но целовалась со старшеклассником. Осознав суть дела, я влюбился в девочку на год младше. Здесь я уже был в роли старшеклассника. Наша первая встреча одноклассников произошла в 2010 году на 50-летие после окончания школы. С этими двумя «девочками» раз в год встречаюсь в Днепре до сих пор. На Украине антисемитизм чувствовался сильнее. Помню, после 20 съезда КПСС, после известного доклада Н. Хрущева мне на улице мальчишки сообщили, что Сталин оказался плохой, потому что он еврей, и фамилия Джугашвили – еврейская фамилия, и я тоже плохой. Вскоре, однако, мальчишки забыли, что я той же национальности, как и плохой Сталин. А вот в Днепропетровский университет поступить не удалось ни в качестве студента, ни на работу лаборантом. Знакомый декан сказал маме, что определенный лимит уже выбран. Пришлось опять ехать в Среднюю Азию, где я поступил в Казахский химико-технологический институт, проучился год и перевелся в Днепропетровский химико-технологический институт. Учиться было интересно. Периодически получал повышенную стипендию, что, учитывая рождение сына на третьем курсе, было весьма кстати. Средняя Азия меня не отпускала, и после окончания института взял направление на работу в Казахский научно-

исследовательский и проектный институт. Проработал там 27 лет. Начал с инженера и закончил первым заместителем директора. Работа была интересная. Разрабатывали новую технологию (научная часть и опытный завод), на основании этих разработок проектировали, а затем выполняли авторский надзор (проектная часть) и пуск химических предприятий в различных регионах Советского Союза. В процессе профессиональной деятельности пришлось много раз убеждаться в наличии многих минусов в социалистическом способе производства по сравнению с капиталистическим. Принимая решения о выделении крупных государственных средств, руководители министерств, главков далеко не всегда тщательно проверяли эффективность вложений. Иногда принимали решения вопреки экономическим обоснованиям, представленным нашим институтом. Все-таки деньги не свои. Во время перестройки М. Горбачева выяснилось, что многое, что строилось, или уже было построено, оказалось никому не нужным. Начались попытки как-то использовать. Например, заводы оборонной промышленности выпускали превосходные, крепкие, непробиваемые кастрюли и так далее.

Многие же наши реальные разработки не находили применения. Да, зарплату, премии за внедрение мы и руководство заводов получали исправно, но после подписания актов многие разработки шли на полку. Деньги-то не свои! Особенно это было связано с использованием фосфатного сырья в Казах-

стане. В СССР были два основных источника сырья: апатиты Кольского полуострова и фосфориты Карау на юге Казахстана. Наш институт и был создан для перевода предприятий Казахстана на использование именно фосфоритов вместо апатитов Кольского полуострова. Технология разрабатывалась, авторские свидетельства получались, но апатиты как более концентрированные и проще перерабатываемые были предпочтительнее. Вот и пылились на полках наши авторские свидетельства. Но вот пришла перестройка. Вопреки референдуму, Россия, Украина и Белоруссия стали самостоятельными государствами со своей таможней и т. д. Естественно, Россия приняла решение продавать апатиты не Казахстану за тенге, а Германии за марки. И тут наши разработки потребовались. К этому времени наш институт прекратил проектирование строительства и реконструкции химических предприятий из-за отсутствия заказов и финансирования. Численность сократилась в десятки раз. Основные заказы были на строительство бензоколонок, гаражей и т. д. Это было неинтересно, и трое ведущих специалистов организовали «Совместное казахско-шведское научно-инженерное общество Интерпром». Я был назначен вице-президентом и отвечал за технологию и юридические вопросы. Это была полностью частная фирма «с ограниченной ответственностью», а не кооператив. Мы предложили заводам помочь выжить в данной ситуации, используя наши наработки и научный потенциал. Предприятия согласились. Мы начали

помогать предприятиям осваивать то, что по актам было давно внедрено. Предприятия, насколько это было возможно, заработали с использованием казахстанского сырья. Мы получали хороший доход, но вдруг начался период неплатежей. Все всем должны, и никто не может заплатить: нет на счетах ни у кого реальных денег.

Предприятия стали платить зарплату своей продукцией, и рабочие пытались реализовать свою зарплату, продавая на улицах то, что получили вместо зарплаты. Так и мы стали владельцами составов с химической продукцией. Договорились о продаже продукции в Китай. Начали поступать деньги в валюте. И тут мы узнали, что обязаны обменять валюту не на свободном рынке, что было для нас вполне приемлемо, а в госбанке, где курс держится приказом много хуже для нас. Мы начали нести убытки. Тогда мы предложили китайскому партнеру оплачивать не деньгами, а продукцией, джинсами, шелковыми рубашками, зубной пастой. Товар начал приходить, положение начало поправляться. Вдруг мы узнаем, что налог на продажу товара мы должны заплатить не после продажи, а до. А деньги на налог за продажу непроданного товара нужно взять в том же госбанке под дикий процент. Я забыл, что такое химия, технология, занимался только этими проблемами. Последнее, что мы в ответ придумали – это использовать положение в одном правительственном документе, попавшем мне на глаза, о льготах на поставку в Казахстан полуфабрикатов, для сборки

которых создаются предприятия в Казахстане. Пришлось опять ехать в Китай и Южную Корею и договариваться о новой схеме. Китай переводит деньги в Южную Корею, а в фирме Голдстар полностью готовые телевизоры и магнитофоны разбирают на три блока и в разных упаковках отправляют нам, как комплектующие изделия. Мы организовываем сборку этих блоков у себя. Найти специалистов для сборки не представляло труда. Сотни бывших работников оборонных радиотехнических космических предприятий искали хоть какую-нибудь работу. Дело будто наладилось, но тут начался рэкет, но не бандитский (бандитам мы платили дань и они нас не трогали), а государственный. Начались «плановые» проверки налоговых инспекций. Я проверок не боялся, так как требовал строжайшего соблюдения всех норм и правил. Но каждая комиссия первым делом закрывала склад и открывала его тогда, когда мы загружали в машины членов комиссии понравившиеся им товары. Пошли проверки с интервалом в две недели от районной, городской, областной и республиканской налоговых инспекций. Мы радовались, что союзной инспекции уже нет. Рано радовались. Через месяц проверки «плановые» возобновились в том же режиме.

И последний гвоздь в гроб нашей организации забил Минфин Казахстана. Заместитель министра, молодая, симпатичная женщина вынесла постановление о том, что мы должны платить повышенный налог на прибыль, так как мы не производственное

предприятие, а коммерческое, обмениваем товары, которые не производим, на другие товары и продаем. Я вооружился всеми кодексами, постановлениями правительства Казахстана и поехал в Алматы. Объяснил зам. министра, что товары, которые мы продаем, получены нами по бартеру за нашу научно-техническую продукцию, и что это связано исключительно с кризисом платежной системы. Она утверждала, что это не имеет значение. Пару раз принимала приглашение в ресторан пообедать. Охотно пила, ела. А дело не двигалось. Ранее, при первичной регистрации нашей организации как совместного Казахско-Шведского предприятия, походы в ресторан достигали цели, а сейчас никак. В отчаянии, выходя из Минфина, я увидел напротив здание Минюста Казахстана. Решил попробовать последний шанс. Добился встречи с ведущим специалистом министерства, объяснил ситуацию, изложил официально, как и просили, все подробно на бумаге, и уехал без особой надежды. И вот, через несколько дней приходит официальное письмо за подписью заместителя министра юстиции Казахстана, в котором подтверждается правильность нашей позиции. Приводятся как мои доводы, так и другие, о которых я и не знал. Я окрыленный лечу в Алматы, захожу в знакомый кабинет и подаю письмо Минюста. Письмо было прочитано и со словами «ну и дураки же они», порвано и выброшено в корзину. Я, не прощаясь, вышел, и решил про себя: «пора ехать». Так я оказался в Израиле, да будет благословенна

эта страна. А наше «Совместное Казахско-Шведское научно-инженерное общество «ИНТЕРПРОМ» через несколько месяцев закончило свое существование. Какую пользу получил Казахстан, задушив наше предприятие, я не знаю.

Перед репатриацией в Израиль я приехал сюда в командировку. Повстречался со знакомыми, приехавшими ранее, и понял: моего института и научно-инженерного общества «Интерпром» здесь почему-то нет. Многие мои друзья работают далеко не по специальности и несогласно прежнему статусу, но даже при этом условия жизни (питание, медобслуживание) не стали хуже, и есть перспектива. И я решился. Приехал с женой и младшим сыном. Сначала я работал садовником у пожилой женщины из Франции. Мы расстались друзьями. Потом работал жестянщиком, радовался, что наконец-то накачаю мышцы, таская жестяные листы. Проработал несколько месяцев сварщиком в мэрии Рехасима и был уволен. Обратился за получением пособия по безработице. Выяснилось, что мне не хватает две недели рабочего стажа. Пошел дорабатывать недостающий стаж слесарем на мебельной фабрике. Мне, химику, научному работнику и проектировщику, было поручено хозяином, польским евреем, самостоятельно собрать и запустить деревообрабатывающие станки производства Польши, которые он вывез из Польши в 1948 году. Как я, таки, собрал и пустил эти станки – это отдельная история. Я благодарил хозяина, что в далеком 1948 году он превосходно законсервировал

станки, и расконсервация не требовала больших физических усилий. Когда прошел нужный мне срок, я сознался, что не слесарь, а химик и попросил меня уволить. Хозяин с неохотой меня отпустил и дал увольнительное письмо. Сказал, что он может всегда взять меня слесарем. Наконец стаж шесть месяцев я набрал и получил право на получение пособия, которое оказалось почти таким же, как и моя зарплата. Я был поражен. Получить семь месяцев «оплачиваемого отпуска» после шести месяцев работы! (Сейчас, по-моему, нужно отработать год). Требовалось только раз в неделю отмечаться на бирже труда. Дальше началась моя работа в качестве химика. Компания Леваева и Гайдамака направила меня в Казахстан для восстановления и пуска купленных ими фосфорных заводов. Вместе с А. Гайдамаком посетил фосфорные заводы в США. В Технионе в Хайфе проводил исследование в области электрохимии на кафедре промышленной химии. У меня остались теплые воспоминания о моем руководителе профессоре Ави Нир. Вдвоем с Яковом Касапо, репатриантом из Румынии, наладили переработку отходов фотолабораторий с получением чистого серебра из отработанных проявителей и закрепителей. Яков работал в Электрической компании и появлялся в лаборатории на 2 часа в пятницу, а мне предложил занять любую должность. Я выбрал должность заведующего лабораторией и по совместительству химика (делать анализы), лаборанта (мыть посуду), снабженца (покупать и привозить сырье и реагенты,

развозить готовую продукцию по всему Израилю). Мы производили 50-100 кг чистого (98,8%) серебра в месяц. Яков мне платил немного больше половины минимальной зарплаты, а вторую половину я получал от государства (стипендия Шапиро). Все были довольны. И только массовый переход на дигитальные фотографии обанкротил наш бизнес.

Отработав около 20 лет в Израиле в 71 год, я стал «пенсионером» и пошел за пенсией. Меня поздравили и сказали, что я накопил пенсию в сумме примерно 500 долларов. Я не успел обрадоваться, как меня спросили: хочу ли я получать пожизненно по два доллара в месяц или хочу получить сразу всю сумму 500 долларов. Я получил всю сумму и сейчас получаю пособие по старости с социальной надбавкой. Свои запросы мне удастся вполне удовлетворять. Да будет благословенна Земля Израиля!



**АЛЬТМАН ИЗРАИЛЬ.
НЕМНОГО О СЕБЕ.**

ВМЕСТО АВТОБИОГРАФИИ

Родился и вырос в Ташкенте, куда была эвакуирована моя семья из Харькова. Семья поддерживала еврейские традиции, но не была столь уж религиозной, хотя на Рош-А-Шана и Йом Кипур ходили в синагогу, а на Пейсах ели мацу. Мама, светлая ей память, зажигала субботние свечи и, по мере возможности, соблюдала субботу.

Школу закончил с золотой медалью, да и институт с отличием, получив красный диплом. Работал на строительно-монтажных работах, пытался поступить в аспирантуру, но, по понятным причинам, безуспешно.

Слава Богу, я правильно и вовремя понял причину и решил выехать в Израиль с женой на седьмом месяце ее беременности, а в те времена это было ох как непросто... Большинство моих родственников и друзей эмигрировали в США, а те из них, что уже приехали, со временем уехали отсюда. Мне очень обидно, но что поделать? Очень жаль, ведь их дети, а если не дети, то скорее всего внуки, а уж наверняка правнуки не будут евреями вообще...

Через пару месяцев после приезда я явился в военкомат, чем поразил их там своим появлением, а через год уже проходил срочную службу в армии, на курсе молодого бойца. В свои 29 лет я был единственный инженер и отец семейства. После армии работал на химкомбинате и в Электрической компании. Со временем мы с супругой стали вести всё больше и больше религиозный образ жизни, вырастили троих детей и воспитали их в религиозном духе. Старший сын преподаёт в ешиве, средний сын – парамедик, а младшая дочь работает секретарём в религиозной школе. Когда у моих внуков была Бар-мицва, я вспоминал, в каких убогих условиях отмечалась моя собственная Бар-мицва в Ташкенте. Даже сравнить невозможно.... У нас с супругой и хупа была в Москве.

Сегодня, будучи пенсионерами, мы с супругой помогаем нашим детям вырастить внуков. Супруга преподаёт гиюр в институте при Сохнуте и Министерстве Главы правительства. Так что мы причастны в какой-то степени к процессу еврейского воспитания и образования прибывающих в Израиль и гордимся этим...

Как-то мой друг сказал, что во мне ему нравится моя цельность, имея в виду: еврей, живущий в своей стране, в Израиле и ведущий еврейский религиозный образ жизни. Все три элемента в одном целом. Есть что-то в этом... Большое счастье принадлежать к великому еврейскому народу, который дал миру несравнимо больше, чем любой другой народ (не в обиду будет сказано), жить в своей стране, а не на

чужбине, вести единственно правильный образ жизни на основе святой Торы, благодаря которой мы ещё сохранились на этой земле...

БРИТ МИЛА

Лет двадцать пять тому назад меня вызвал к себе в кабинет рав Вайсблюм (светлая ему память) в качестве переводчика. К нему обратилась семья ново-прибывших из Одессы: муж с женой лет пятидесяти, их сын с невесткой лет двадцати пяти и трёхлетний внук. Пришли они к раву, так как хотели сделать ребёнку брит мила – в надежде получить направление через соответствующие организации в больницу, где сделают ему обрезание как положено.

Однако выяснилось, что невестка не еврейка, так что брит мила придётся отложить пока она не пройдёт гиюр, то есть примет на себя иудаизм и станет еврейкой. В этот момент наступила тишина, которую прервала свекровь, обращаясь к невестке, понятное дело, по-русски:

– Люба, мы тебя предупреждали ещё там в Одессе и сейчас ничего не поздно, ты должна решить, либо ты проходишь гиюр и вливаешься в наш народ, либо...

Меня это обращение очень растрогало, как будто я присутствую при обращении Наоми к её невестке Рут (прабабушки царя Давида). Рут, несмотря на отговоры, приняла на себя иудаизм и стала еврейкой.

И Люба ответила, что она согласна стать еврейкой (сами понимаете- религиозной еврейкой!). Я перевёл согласие Любы раву, он назначил ей уважаемого

в нашей общине человека, который взял её под опеку, чтобы она прошла гиюр (обучение, обращение в судебный раввинат, сопровождение на молитвах в субботу и праздники, кошерная кухня и т.д.).

Тут я набрался смелости, если не сказать наглости, ведь я не знаком с этой семьёй, и сказал по-русски: «Вообще-то малышу, чтобы не было страшно, неплохо было бы, чтобы с ним вместе и папе сделали обрезание...» Отец, переглянувшись с родителями, согласился, ради спокойствия сына можно и на это пойти. Рав выписал направление на отца, у которого не было проблем с гиуром.

Но я набрался храбрости, и уж точно наглости, и сказал, что и деду не помешало бы сделать обрезание... У всех, кроме рава и ребёнка, как говорится отвисла челюсть. Это же надо – невидимая наглость...

Ну, разве что ради внука, и дед пошёл на старости лет сделать брит мила. Рав, не обращая внимания на недоумение, выписал и деду направление.

Не знаю, почему, но я в тот день шёл домой в каком-то приподнятом настроении.

Через пару месяцев после беседы у рава и отец, и дед были обрезаны по всем правилам (фактически из-за внука), а через год Люба успешно прошла гиюр и лишь тогда внуку сделали брит мила.

Хотя и прошло с тех пор много лет, но я до сих пор горжусь этим. Иногда хуцпа (наглость) ради мицвы (заповеди) оправдывает себя...

БРЕХМАН КАТЯ. ЗАНАВЕС ОТКРЫВАЕТСЯ:

ВЧЕРА, СЕГОДНЯ И ЗАВТРА

Последний раз я писала о себе (свою автобиографию) в 1953 году при поступлении в Ивановский государственный медицинский институт. Сегодня передо мной непростая задача: попробовать восстановить ход событий за этот «недолгий» период моей жизни и посмотреть на себя со стороны. Итак, кто я?

Единственный ребенок в семье, желанный, рожденный естественным путем, согретый вниманием и заботой родителей и всей родни. Закончила среднюю школу с твердым намерением стать преподавателем математики в школе. К этому было призвание и предпосылки. Но... так уж вышло, я поступила в медицинский институт, и из меня получился не плохой (мнение со стороны) врач-педиатр.

В свое время мой хороший друг мне сказал: «Учитель учит детей, а врач лечит детей. Ты все равно будешь верна и предана детям. Это главное твое призвание». Эти слова оказались пророческими. Я прошла в своей врачебной деятельности все этапы педиатрической практики: от периода рождения ребенка до подросткового возраста, от микропедиатра, ясельно-садикового, школьного врача до иммунолога-диагноста и терапевта. Вела педаго-



гическую работу со студентами 6 курса мединститута и, конечно, большую общественную работу (председатель профкома детской больницы, член бюро райкома профсоюза медработников). Была награждена знаком «Лучший пропагандист области».

Детский врач Катя Брехман

А теперь ближе к моей врачебной деятельности и, прежде всего, к вопросу общения с детьми. Я всегда строила свои отношения с пациентами на равных. Я играла с ними в игру: «Мы – друзья-товарищи!» Я старалась войти в мир ребенка и подключиться к его жизни, его интересам. Я всегда понимала, что больной ребенок по всем статьям другой ребенок. Эти дети рано взрослеют и с ними нужно находить индивидуальный подход без шаблона и повторения. Я до сих пор помню многих своих пациентов. Вот некоторые из них.

Мальчик 13 лет, стационарный больной. О чем с ним говорим? Несколько простых наводящих вопросов, и я начинаю понимать, что занимает его мысли больше всего. А дальше все последующие минуты общения мы уже говорим на одном языке. И я знаю, нет, я почти уверена, он идет ко мне в кабинет с удовольствием. Он готовит вопросы или приносит свои ответы на поставленные перед ним мои вопросы. И вдруг в один из дней я спрашиваю его: «Скажи, по-

жалуйста, а что ты сегодня ел на завтрак?» – ответ после некоторой паузы раздумья: «Что-то...запивал...молоком...». Мы оба дружно расхохотались! Я уверена, что хорошее настроение с утра – это лучше любой таблетки.

А вот еще один мальчик – тяжелый стационарный больной, и еще ко всему – гиперактивный, неуравновешенный, неуправляемый. Самое сложное: он отказывается от посещения процедурного кабинета и тем самым не получает нужное лечение. Оказалось, и к такому ребенку можно найти подход. Но не просто и не одномоментно. Требовалось много терпения, и результат превзошел все ожидания. Наступил долгожданный день, когда он первый занял очередь на лечение возле процедурного кабинета. Трудно передать словами эту радость, которую испытали мы оба. Это была наша победа.

Я никогда не подкупала детей – это было моим кредо. Не хочется злоупотреблять вниманием, но еще на одной амбулаторной девочке, 2,5 лет, остановлюсь. В кабинет зашла мама с ребенком. Обычное: «Здрасте!» – Меня зовут Екатерина Александровна, а тебя как? – спросила я. Вот мы и познакомились. А дальше что-то не идет. Ребенок отмалчивается, поглядывает на маму, робеет, чем-то напуган. И здесь помогла мама: «А она с бабушкой песни поет». Вот я и зацепилась: «А что поете?» – «Очень бабушка любит исполнительницу народных песен Надежду Кадышеву». И вдруг девочка сама громко

сказала: «Напилась я пьяна», а дальше даже трудно

себе представить, что произошло. Я запела эту песню, она подхватила, и мы вдвоем спели эту песню от начала до конца (повторю: ребенку 2,5 года). Все дни (а курс лечения продолжался 7 дней подряд) ребенок приходил на процедуры с другим членом этой семьи, которым хотелось посмотреть на доктора и послушать наш дуэт. А мы, как и первый день пели эту песню от начала до конца на фоне лечебной процедуры. Расставаясь с этим милым созданием, мы обещали друг другу долго помнить эту встречу. А самое главное, без какого-либо преувеличения, ребенок очень хорошо пошел на поправку. Конечно, такой опыт повторить невозможно: каждый ребенок это индивидуальность.

У читателя невольно может появиться вопрос: а что это за метод лечения, который позволяет одновременно лечить и петь песни или беседовать на интересные, отвлеченные темы. Вот заметка в областной газете (16.02.1995): «Внимание маленьких посетителей этого таинственного кабинета детской клинической больницы №5 г. Иванова привлекает лечебно-диагностический аппарат под название «Хелпер» – новое изобретение ученых. Он красивый, не причиняет детишкам никакой боли. И хозяйка этого кабинета врач Е.А. Брехман очень гостеприимно разговаривает с детьми, так, словно все они ее юные гости – самые, самые дорогие и близкие люди. Вот и несут они ей свои секреты, делятся с ней радостью и обидами. Трехлетний Стасик – ребенок молчаливый, мало контактный. Во время приема доктор

разговаривает с мамой:

– Как вы провели выходной день?

– Всей семьей были на даче и много трудились.

– А чем вам помогал Стасик?

– Ну что вы... Какой он помощник. Он только болтался под ногами и мешал нам.

– Такой хороший мальчик не может мешать. (Пауза... Нарушил ее Стасик. С чувством горькой обиды и ущемленного самолюбия произнес, обращаясь к матери):

– Не мешал я вам, не мешал! Я деду помогал сажать картошку. Вот!

А потом повернулся к врачу и с чувством благодарности и полного доверия стал подробно рассказывать, как он помогал бабушке отбирать картошку для посадки.

... Ребенок обрел друга в лице чужой тети – доктора. Как тут не вспомнить услышанное от Екатерины Александровны:

– Ребенок в любом возрасте – это уже Человек: он вправе требовать к себе уважения, понимания и доверия. Ребенок в любом возрасте очень хочет ощущать свою полезную значимость и в семье, и в своей детской среде.

Корреспондент газеты резюмирует: «Не случайно наверно в клинике нередко услышишь от малышей: – Я на иммунитет пошла... или – Мама, меня занятия иммунитетом так вдохновляют... Вот так благодаря доктору необычный кабинет обрел популярность и своих пациентов».

Я еще ничего не сказала о новорожденных. Это совершенно другая статья. Но то, что с ними можно и нужно работать как с осмысленными, понимающими «человечками» – в этом я глубоко убеждена, и этому есть много примеров из моей 40-летней практики. Мне очень повезло, что я вращалась и вращаюсь постоянно в среде людей творческих, ищущих, нуждающихся в новых знаниях и в обобщении своего опыта. Этот опыт оказался интересным не только для меня. Поэтому мои доклады включались в повестку научно-практических конференций (Нижний Новгород, С-Петербург, Белград, Хайфа, др.), а статьи – публиковались.

... Мой математический школьный опыт помог мне и здесь в Израиле при занятиях с внуками. Ведь я до сих пор верна своей любимой арифметике. (Спасибо Марине Симкиной, которая поделилась со мной русскими учебниками по арифметике). Признаюсь, на досуге я с удовольствием занимаюсь решением примеров и задач: это одно из моих любимых занятий...

А еще есть хобби: я люблю петь. И не только петь, но и сочинять слова песен (боюсь назвать это стихами) на известные и полюбившиеся мелодии и определенно по случаю. Например, к Международному Конгрессу по пренатальной психологии и медицине в Киеве были обращены такие строчки на музыку Исаака Шварца:

Хоть разбейся, хоть умри –
Нет пути у нас иного:

Ту дорогу мы избрали,
Добровольно с ней слились,
Чтобы стал добрее мир
Без сомненья и печали.
И для этого все вместе
Мы сегодня собрались.

Припев

Этот нынешний Конгресс-
Новый стимул, новый импульс.
Наша главная забота – неродившийся малыш.
От истоков бытия и до самого рожденья
Проживает с мамой вместе
Интереснейшую жизнь!
Этот Киевский Конгресс...

Еще одна песня на музыку Владимира Шаинского
была посвящена презентации книги «Нежелатель-
ные дети» (перевод с немецкого под научной редак-
цией проф. Г.И. Брехмана):

Ребенок Желанный – Он всеми любим!
Единственный в мире и не повторим,
Единственный, неповторимый,
Единственный, очень любимый.
Счастливые дети умеют учиться,
Умеют дружить, от души веселиться!
А там, где ребенок желанный,
Хорошие папы и мамы!
Ведь так не должно быть на свете
Чтоб были ненужными дети...

Мы с вами за это в ответе,
Чтоб были счастливыми дети!

И последняя иллюстрация к 15-летнему юбилею
Дома ученых Хайфы:

1. Мы продолжаем петь, нас песня выручала
Всегда, везде, во всем – теперь не подведи...
Пусть голос уж не тот и стать уже другая,
Товарищ, друг и брат, из зала поддержки.

Припев:

*Пусть мы давно уж не студенты,
Но альма-матер снится до сих пор.
С Израилем свою судьбу соединили
И обрели студенческий задор!*

2. Мы продолжаем жить, нас ждут библиотеки,
Компьютер допоздна, и строчка за строкой,
Но медленней спешить диктует нынче эхо,
Чтоб дольше мы могли встречаться здесь с тобой.

Припев

3. И вот 15 лет шагаем вместе в ногу,
Нам есть, о чем сказать, нам есть, о чем писать,
Мы выбрали, друзья, прекрасную дорогу,
И рано нам еще о пенсии мечтать!..

Припев



БРЕХМАН ГРИГОРИЙ.

КУ-КА-РИКУЛУМ ВИТЭ-2016

Мама родила меня в г. Виннице, Овном, через естественные родовые пути, желанным ребенком, в том числе желанным по полу.

Поскольку я окончил Винницкую фельдшерско-акушерскую школу с отличием, Приемная комиссия Винницкого мединститута меня наказала, сняв с дистанции уже на первом вступительном экзамене, чтоб не мучился. Некоторым людям всегда кажется, что в этом была виновата «пятая графа», но позвольте с ними не согласиться, ибо это было сделано с добрым умыслом и согласно плана Всевышнего. Ровно через 45 лет (год в год) после этого события я был любезно приглашен в данный ВУЗ свободной Украины из не менее свободной России уже в звании профессора для участия в заседании Ученого Совета в качестве оппонента при защите диссертации. Мне были оказаны положенные по такому случаю как иностранному гостю почести, включавшие персональную экскурсию по вузу, с фотографированием, предложенную и проведенную самим ректором. Пикантность ситуации состояла в том, что он не знал о

той «подножке», которая была мне поставлена при поступлении в этот вуз, а я убедился в том, что Всевышний обладает прекрасным чувством юмора.

Спустя год, чтобы не утруждать повторно упомянутую Приемную комиссию, я предстал перед другой, которая не обратила никакого внимания на мои «недостатки», и после 48 лет я ощущал благосклонность ко мне судьбы и людей города Иванова вообще, и медицинского института (а после смены «пола» – медицинской академии – ИГМА), в частности. После счастливых студенческих лет мне последовательно предлагались клиническая ординатура, аспирантура, ассистентура, доцентура, докторантура, кафедра. Порою я капризничал, тогда уговаривали мою жену (в отношении аспирантуры,) или угрожали санкциями (когда я сомневался, братья ли за организацию новой кафедры акушерства и гинекологии на новом для вуза факультете усовершенствования врачей). Эту кафедру я возглавлял 15 лет и уехал в алию (случай, вероятно, беспрецедентный), оставаясь в этой должности. Ректор решил схитрить и предложил мне поехать в творческую командировку на 6-7 месяцев, рассчитывая на мое возвращение в вуз на ту же должность. Его можно было понять, поскольку рейтинг кафедры как обучающей структуры был достаточно высокий. На кафедре успешно велись научные исследования по двум не стандартным направлениям: 1) психосоматические расстройства в акушерстве и гинекологии и 2) пренатальная и перинатальная психология. Я приехал в Иваново

через 8 месяцев для проведения, готовившейся все это время (с моим участием) Всероссийской конференции по перинатальной психологии и медицине, с международным статусом (2001). Меня поддержали и приехали в Иваново со своими докладами и семинарами коллеги из Германии, Голландии, Великобритании, США и Мексики. По окончании успешно проведенной конференции я подал два заявления: одно об освобождении от должности заведующего кафедрой, а второе – (опять же по предложению ректора, проф. Р.Р.Шиляева) о назначении меня на должность профессора этой же кафедры на общественных началах. К этому моменту под моим руководством выполнили и защитили диссертации четыре аспиранта кафедры. Благосклонность ко мне коллег из ИГМА проявилась в последующем присвоении мне Ученым Советом звания Почетного Профессора ИГМА(2005) и Почетного Заведующего кафедрой (2010).

Меня сочли бы неискренним, если бы я утаил некоторые подробности моей биографии. Прежде всего, то, что моим верным другом, единомышленником и доброжелательным критиком вот уже скоро 60 лет является моя жена Катя, она же – мать наших двух замечательных дочерей (Галины – музыканта-психолога и Ольги – врача-психиатра-диетолога) и выдающаяся бабушка наших удивительных, интеллектуальных, преданно отслуживших в ЦАХАЛе, внуков Марка и Николь.

В пылу откровений следует признать, что за мной

многие годы тянется темный шлейф моего светлого ТЭМ-го прошлого. Бессмысленно отрицать и скрывать, что еще в студенческие годы (1957) я создал этот студенческий Театр эстрадных миниатюр а la Аркадия Райкина, который пользовался большим успехом у студентов и преподавателей, постоянно занимая призовые места и кубки. Когда в декабре 2001 года ВУЗ широко отмечал его 45-летие 5-часовым шоу всех поколений, организаторы (определенно, чтобы снять с себя ответственность!) назвали его «Брехманиана». В 2007 году отмечалось 50-летие этого Театра, который успешно продолжает свой творческий путь. Юбилейный концерт начался с открытия Памятника основателю, для чего четыре мощных тэмовца вынесли меня, сидящего в шикарном кресле и накрытого огромным шелковым покрывалом, на сцену. Ничего не подозревавшие зрители (Брехман же давно живет в Израиле), после снятия покрывала неожиданно вздрогнули и разразились овацией, увидев его – живого и невредимого, но, как положено памятнику, первое время неподвижно сидящего и не моргающего, а в последующем – говорящего, поющего и танцующего вместе со своими коллегами по ТЭМу, еще тех 60-х годов 20-го столетия. Эффект, задуманный устроителями юбилея, был достигнут!

В перерывах между написанием сценариев, миниатюр и репетиций мне удалось еще опубликовать около 180 научных статей, тезисов, докладов, подготовить и защитить две диссертации (кандидатскую – в Москве и докторскую – в Ленинграде). Мое «За-

ключительное слово» при защите докторской едва не сыграло со мной злую шутку (по мнению одного из членов Совета, уважаемого проф. С.Н. Давыдова), но не сыграло, а даже подыграло – голосование было единогласным, что, по утверждению Председателя Совета проф. Э.К. Айламазяна, не наблюдалось в течение многих лет.

Моя клиническая практика внесла серьезные коррективы в выполнение докторской диссертации. Она повседневно доказывала значение эмоционального стресса и психологических особенностей реагирования пациенток на те или иные социально-психологические конфликтные ситуации в возникновении расстройств функций и заболеваний половой системы.

25 лет тому назад (1992) я «вскочил» еще на одну научную орбиту под названием «Пренатальная и перинатальная психология и медицина», с которой познакомился в г.Кракове во время участия во Всемирном Конгрессе. Это, относительно новое междисциплинарное научное направление. изучает психическую жизнь человека до рождения, и влияние воспринятых неродившимся ребенком впечатлений на его психическое и соматическое развитие, мышление и поведение после рождения в течение всей его последующей жизни. Мне удалось разработать метод музыкально-вербального тестирования, который позволил подтвердить наличие эмоционального взаимодействия между матерью и ее неродившимся ребенком, который и стал методом диагностики

тесноты этого взаимодействия. В своем стремлении узнать, каковы пути и механизмы этого взаимодействия, я вышел за рамки медицинской науки и прикоснулся к квантовой физике, квантовой механике, волновой генетике, эпигенетике. Это позволило разработать «Концепцию волнового обмена информацией между матерью и ее неродившимся ребенком». Она была с энтузиазмом воспринята коллегами, работающими в разных странах в области пренатальной психологии, поскольку открывала возможность понять многие дотолде непонятные эффекты этого взаимодействия, в том числе – механизмы формирования пренатальной психической травмы у ребенка, проявляющейся после рождения в виде аутизма, СДВГ, депрессии, навязчивых состояний и даже шизофрении. В 2005 году в Гейдельберге (Германия) на Генеральной Ассамблее International Society of Prenatal & Perinatal

Psychology&Medicine (ISPPM) за разработку этой концепции мне была вручена Международная награда имени Эльды Мазоччи от этого Общества.

В целях популяризации полученных научных сведений о психической жизни ребенка до рождения мною предприняты переводы на русский язык монографий и статей моих коллег. Так, переведены с английского, отредактированы и опубликованы книги американского психолога Дэвида Чемберлена «Разум вашего новорожденного ребенка» (Москва 2004), греческого психиатра Афанассиоса Кафкалидеса «Знания из Лона. Аутопсиходиагностика с психо-

делическими лекарствами» (СПб 2007), немецкого психоаналитика Людвиг Януса «Эхо из лона. Стойкий эффект родового опыта» (Киев 2013). С помощью коллег, приславших свои статьи, мною создана и опубликована коллективная монография «Феномен насилия: Взгляд с позиции пренатальной психологии и медицины» на английском (Хайфа 2005) и русском (СПб 2005) языках, а также осуществлены перевод с немецкого и редактирование коллективной монографии «Нежелательные дети: рассмотрение проблемы, примеры, помощь» (Киев 2015).

После приезда в Израиль (2000) продолжал собирать и анализировать клинические наблюдения, теоретически обобщать накапливающиеся научные данные в этой области, публиковать статьи (общее количество которых дошло до 250). Ежегодно продолжалось участие с докладами на различных Международных конференциях и конгрессах: Кальяри 2000; Иваново 2001, 2002; Будапешт 2002; С-Петербург 2002, 2004, 2016; Гейдельберг 2005; Патра 2006; Москва 2007; Киев, Харьков, Винница 2010-2014; Варна 2014; Белград 2010, 2015; Хайфа 2001-2016 и др. Конференции для меня не только способ обнародовать новые идеи, обобщения и сформулировать концепции, но прежде всего – возможность получения новых знаний от моих коллег, новые знакомства, способ оценить уровень моих собственных знаний, убедиться, что не отстаю от современного состояния науки, а где-то даже оказываюсь впереди. Это также возможность убедить моих близких, что

время и деньги на поездки тратятся не впустую, что я продолжаю оставаться в строю, что каждая поездка – это «новый стимул, новый импульс» в жизни. Это важно для моей семьи: жены Кати, детей и внуков, которые в определенной мере имеют возможность гордиться отцом и дедом и стремиться в своей жизни выйти на подобный уровень. И уже сегодня я радуюсь тому, что в силу их ума, образованности, сметливости, коммуникабельности им это удастся и наша гордость друг другом оказывается обоюдной.

С этих позиций особое место в моей жизни занимает Международный Конгресс «Психическая травма: Пренатальные, Перинатальные и Постнатальные аспекты – ПТПППА-2015», организованный и проведенный в Белграде (Сербия) моими коллегами: Директором Белградского Института Экспериментальной Фонетики и Патологии Речи Др Миряной Совиль и профессором Белградского университета Диеном Раковичем. Коллеги избрали меня Президентом этого Конгресса и ключевым докладчиком.

Развитие пренатальной психологии в России потребовало организации Ассоциации пренатальной психологии и медицины (АППМ) Ивановской области(1994), а затем Российской (сначала межрегиональной) АППМ(1997) в СПб, где я был избран Президентом (инициатива наказуема). Помимо этого, избирался членом Президиума ISPPM (2002-2009). Моя научная активность была замечена, в связи с чем меня пригласили стать членом Редакционного совета International Journal of Prenatal&Perinatal

Psychology&Medicine (Германия). Та же участь постигла меня и в отношении еще четырех журналов: Вестник Ивановской медицинской академии (2005), Журнал акушерства и женских болезней (2014 СПб), журнал «Жіночий лікар» (2015 Киев) и Int.J. Prenatal &Life Sciences (2016 Greece).

Мое участие в развитии пренатальной психологии в Израиле началось с лекций и докладов в Доме ученых Хайфы, продолжается во время неоднократно организованных лекций и семинаров для акушеров и акушерок в Иерусалиме и Тель-Авиве. Важным было знакомство (2001) и сотрудничество с профессором Хайфского университета Ривкой Яхав, продолжающееся до сего времени. Она с первой нашей встречи оценила важность пренатальной психологии для страны, организовала три израильских конференции, и постоянно предоставляет аудиторию руководимого ею Междисциплинарного клинического Центра, для проведения моих обучающих семинаров.

Самым удивительным был мой возврат в акушерство и осмысление механизмов акушерских проблем уже с позиции пренатальной психологии и новых данных, полученных в течение последних десятилетий. Это позволило по-новому посмотреть на родовую процесс и описать Естественную противоболевую анти-стрессовую Систему защиты матери и ребенка в родах. А это имеет принципиально важное значение в системе подготовки беременных к родам и родоразрешению, в профилактике родовой психологической травмы матери и ребенка.

Истинное значение тех двух строчек, которые я написал в самом начале этого эссе и, возможно, насмешивших читателя, я понял через 60 лет после своего рождения, обретя знания пренатальной психологии. Осознание этого явилось побудительным аргументом для понимания того, что каждый ребенок должен родиться желанным ребенком! Каждый родитель имеет возможность усилить интеллект, жизнерадостность, уверенность в себе, доброжелательность своего ребенка еще до его рождения и уберечь его от дородовых травм! Во имя того, чтобы в мире рождалось поколение людей с лучшим качеством, свободное от дородовых психологических травм, я и мои коллеги продолжаем свою работу по изучению и популяризации знаний в области пренатальной психологии среди населения.



ЗАЙЦЕВ РОМАН. ОГЛЯДЫВАЯСЬ НАЗАД.

Да, жизнь состоит из чёрных и белых полос. Но это вовсе не значит, что в ней отсутствуют и другие, более яркие краски. И они, наверное, дают людям те жизненные силы, которые позволяют им выстоять в суровые времена чёрных полос. Людям моего возраста угораздило родиться в те тяжёлые времена, когда поощрялось доносительство, предательство даже своих близких, жестокость. Все эти мерзости закладывались в умы подрастающих детей планомерно, продуманно, подчиняя воспитание какой-то эфемерной идее. В этой атмосфере процветали зависть и подлость. И всё это нужно было руководителям “самого гуманного строя в мире” для достижения цели: “разделяй и властвуй”.

Осенью 1937 года был арестован мой отец. Вскоре пришли и за нами с мамой. Мне тогда было пять лет. Мама была на восьмом месяце беременности. Но кого это волновало? По дороге маму завезли и сдали в тюрьму, меня повезли дальше и сдали в детприёмник. По сути это заведение закрытого типа, то есть детская тюрьма. Здесь какое-то время воспиты-

вали (или перевоспитывали) детей врагов народа, и отправляли в Детские дома.

Забегая вперёд, скажу, что папа был “осуждён на десять лет без права переписки”, мама – осуждена на пять лет “по делу мужа”. В тюрьме во время ночного допроса у мамы случился выкидыш. И без того некрепкое здоровье мамы было подорвано, что явилось причиной недолгой жизни. Скончалась мама в пятьдесят три года от роду.

До ареста мамы моя бабушка не успела приехать за мной. Теперь ей приходилось испрашивать разрешение на изъятие внука из детприёмника. Добиться этого было непросто – власть предержавших волновал вопрос: “как можно доверить воспитание внука матери врага народа”? Но удалось, и бабушка увезла меня из Сталинграда в Севастополь, где она жила. Там меня застала война. Мне исполнилось девять лет. Как известно, город бомбили с первого дня войны. Сталинградские друзья моих родителей, обеспокоенные нашими судьбами, пригласили нас приехать к ним, так как это глубокий тыл. Мы эвакуировались в Сталинград. Мы – это бабушка, моя тётя с двумя детьми (девочке 5 лет, мальчику один годик) и я. Но вскоре и оттуда пришлось бежать. Нам удалось на санитарном поезде добраться до Кавказа. О приключениях в пути, в частности об обстреле штурмовиками нашего поезда, рассказывать не буду.

В 1943 году, через 6 лет, маму освободили. Во время войны мало придерживались сроков освобождения. Нужны были бесплатные рабочие руки. Мама

пробыла всего лишний год в связи со здоровьем. Она была активирована. Мама попросила, чтобы её направили на завод для работы по специальности. Она была техником-пирометристом. Её направили в Грузию на ферромарганцевый завод. Но там дальше административного здания её не пустили. Бывшая политзаключённая не могла работать на таком объекте. Пришлось ей мыкаться на разных работах. Но желание быть вместе с сыном пересилило возможности. В конце сорок третьего года я жил вместе с мамой.

За несколько дней до окончания войны мне исполнилось тринадцать лет. Детство осталось позади. Мы переехали в Крым, в Симферополь, где уже обосновалась бабушка. В Симферополе я учился в школе, занимался спортом, окончил три отделения Аэроклуба. Окончил среднюю школу в 1950 году и поступил в Днепропетровский горный институт. В 1955 году окончил названный институт и был направлен на работу в Донбасс. К этому времени я уже был женат и у меня росла дочь, которой вскоре после начала моей работы исполнился годик.

Потрудившись несколько лет в шахтах на разных должностях, перешёл на работу в проектно-конструкторское бюро Министерства угольной промышленности Украины. Десять лет работы в ПКБ увенчались защитой диссертации по специальности “Строительство подземных сооружений и шахт”.

Волею судьбы я оказался во Всесоюзном геологоразведочном институте угольных месторождений

“ВНИГРИуголь”. Институт расположен в г. Ростове-на-Дону. Здесь я прошёл путь от старшего научного сотрудника до заведующего лабораторией “техники и технологии ведения геологоразведочных работ”. На этой работе пришлось побывать в дальних уголках страны, проникнуться духом и узнать жизнь и чаяния людей этих заброшенных мест.

Нездоровье жены вынудило нас сделать новый жизненный поворот: мы переехали в Крым, в Симферополь. Я устроился старшим научным сотрудником института строительных материалов. Вскоре, учитывая обилие известняков хорошего качества в Крыму, я создал здесь лабораторию “строительства подземных сооружений различного назначения с попутной добычей строительных блоков”. Проекты лаборатории начали воплощаться в жизнь в районе Инкермана. Завершить работы мне не удалось в связи с отъездом в Израиль в октябре 1990 года.

За несколько месяцев до отъезда скончалась моя жена. Ей не удалось увидеть Израиль. Я приехал сюда вдовцом с дочерью, зятем и тринадцатилетним внуком. Сегодня этот мальчик уже муж, окончивший два факультета Техниона и три года назад получивший докторскую степень. Дочь прошла в Хайфском университете постдокторат, преподаёт экономические дисциплины в колледже. Зять получил докторскую степень в Технионе.

По приезде в Израиль я получил грант от Министерства науки и проработал в Технионе три года. (До получения гранта мне удалось в течение года

поработать сторожем какого-то склада). Возраст поджимал. Мне уже пошёл шестьдесят третий год. Я остался не у дел, что мне, как и многим, не давало покоя. Но я нашёл отдушину. Я начал писать. Мною изданы три книги: “Мозаика жизни”, “Избранные сюжеты” и “Штрихи из жизни...” Эти книги содержат две повести и рассказы. Написаны, но ещё не изданы три небольших рассказа, и работаю над новой повестью.

Какие перспективы впереди? Перспективы искать новые яркие краски в чересполосице жизни, радоваться каждому новому дню, не позволять ни одной части тела, души и мозга бездельничать. Не забрасывать творчества, даже если оно нужно только мне самому.



СЕМЕН ЗЛАТИН. В ПРОФЕССИИ – МОЯ ЖИЗНЬ

НЕЗАБЫВАЕМОЕ ПОСЛЕВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Любое начинание всегда связано с определенными трудностями, а изложить кратко вехи жизни, пройденные за десятки лет, особенно сложно. И в моих воспоминаниях прежде всего всплывают картины детства, с которых я и хочу начать свое повествование.

После окончания Отечественной войны, когда мне было 7 лет, мы с мамой вернулись из эвакуации в Крым, в Евпаторию, где я родился. Наш дом, как и многие другие в городе, был разрушен, и нас поселили в общежитие санатория, который находится на самом берегу лечебного озера Мойнаки. В этом санатории в свое время лечился писатель Н.А.Островский.

Здесь прошли памятные годы моего нелегкого детства, когда хлеб по суточной норме 500г на взрослого и 300г на ребенка давали по карточкам. Их выдавали на месяц и не дай бог их потерять! Воспоминания о хлебе и бесконечных очередях за ним не оставляют

меня до сих пор.

Хлеб без карточек можно было купить в очередях только в 2-3 коммерческих магазинах города. В один из дней на рассвете мы с мамой, пройдя пешком 2 км в центр города, заняли очередь в таком магазине, который находился по пути на базар на углу улицы Гоголя. Несмотря на раннее утро наша очередь с обязательной отметкой на руке была где-то 200-ая или еще дальше. Неподалеку стояла группа военных, укрывшись плащ палатками от дождя. А я промокший расположился недалеко в сторонке почти без надежды, что моя очередь когда-нибудь подойдет. Военных в магазин всегда запускали первыми. Когда он открылся один из офицеров подозвал меня, укрыл своим плащом и вместе с группой военных провел в магазин, где я и купил буханку хлеба. Из магазина я, также спрятавшись, вместе с ним вышел из магазина. Отойдя поодаль, поблагодарив своего незнакомого покровителя, я выпорхнул из-под его плаща и в страхе, что меня догонят и отберут буханку хлеба, так быстро рванул домой, что наверно быстрее я больше никогда не бегал. А когда пришла мама с еще одной буханкой хлеба, нашей радости не было предела.

Многие мои ровесники, с которыми я учился в школе, оставшись без отцов, погибших на войне, испытывали бедность и трудности во всем – в питании, одежде, в отсутствии угля и дров для отопления квартир. Приходилось даже рубить деревья по ночам. После войны дешевым и доступным про-

дуктом для многих была макуха (отходы после переработки семечек на подсолнечное масло), которую мама всегда давала мне в школу. А на большой перемене каждому ученику давали по кусочку твердого сахара-рафинада.

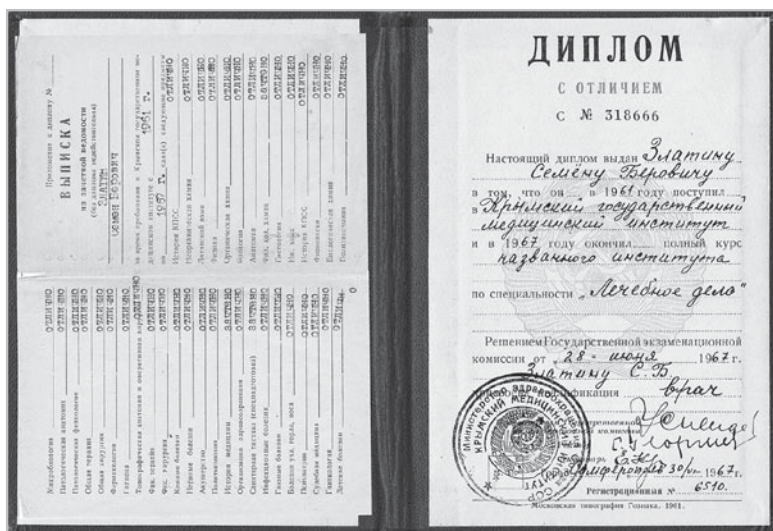
В восстановлении разрушенной Евпатории принимали участие и пленные немцы. Суровой зимой 1947 года в город прибыли вагоны с картофелем, которые они разгружали в 20-градусный мороз и складировали в подвале нашего дома. Руководство попросило маму варить его для них. И всю ночь в нашей маленькой комнате в ведрах на плите, отапливаемой углями, аппетитно парил кипящий в мундире картофель, и мама тут же раздавала его приходившим и замершим с холода грузчикам. Но больше всех был доволен я; впервые после войны наелся горячей картошки, приправляя ее только солью без масла. И это было незабываемо вкусно!

На берегу лечебного озера, где мы жили, находилась общекурортная грязелечебница. Сюда на автобусах со всех госпиталей и санаториев доставляли на лечение инвалидов и участников войны, многие из которых с травмами и ранениями с трудом передвигались на палках и костылях.

А в летнее время нескончаемым потоком тянулись к озеру страждущие избавиться от болезней, травм и недугов. И своей лечебной грязью, и рапой это озеро действительно исцеляло, возвращало и восстанавливало здоровье тысячам больных, которые приезжали сюда со всех уголков Советского Союза.

Моя мама, Златина Бетя, светлая ей память, во время и после войны многие годы работала в госпиталях и санаториях. Большую часть времени школьных каникул я проводил у нее на работе и видел счастливые лица уезжающих после лечения со слезами радости на глазах. Многие из них оставляли в санатории свои средства передвижения – палки, костыли и уже без них возвращались к своим семьям, родным и близким.

Эти картины горя и радости возвращенного здоровья несомненно повлияли на мой выбор профессии и в стремлении помогать людям. Не буду рассказывать о трудностях, с которыми мне, по известной причине, пришлось столкнуться при поступлении в мединститут, но окончил я его с отличием. В институте было правило – отличники, кто хотел в дальнейшем заниматься наукой, должны отработать 3 года в одной из южных республик. Я выбрал Казахстан.



С дипломом врача – в далекий Кустанай. Я прибыл в город в августе 1967 года. В городском отделе здравоохранения мне предложили работать участковым врачом, преподавателем в медицинском училище и педагогическом институте, где также готовили медсестер. Я был доволен назначением, так как занятия со студентами требовали систематической подготовки, что несомненно расширяло мои познания в медицине.

Прошло почти 50 лет, но в моей памяти остался день, когда я впервые переступил порог больницы и предстал перед заведующей терапевтическим отделением Савицкой Л.В. Мне передали 2 палаты по 6 больных в каждой и класс для учебных занятий со студентами. Заведующая представила меня врачам и медсестрам отделения. Заканчивая встречу, она, как бы в невзначай, попросила меня посмотреть первого больного.

В те, так быстро ставшие далекими годы, в периферийной больнице, кроме электрокардиограммы, не было других методов диагностики заболеваний сердца. И многое определялась аускультацией, т.е. выслушиванием больного стетоскопом. Поставить диагноз таким образом довольно сложно. В современной медицине с применением компьютерных программ уровень диагностики несомненно стал намного выше. За моими плечами были знания, полученные в институте и на дополнительных занятиях в кружке на кафедре терапии. На выпускном государственном экзамене они оценены отметкой «отлично

с отличием», которая официально стоит у меня в дипломе. На основании осмотра и обследования больного я пришел к выводу, что у него сложный порок сердца и продолжать медикаментозное лечение нецелесообразно; ему необходима операция на сердце. Заведующая отделением была удивлена такой решительностью начинающего врача и попросила записать мое заключение в историю болезни.

И оно сыграло свою роль. Через несколько дней был созван консилиум из ведущих врачей больницы и областных специалистов. Самое интересное, что из рядовых врачей пригласили только меня, месяц назад получившего диплом. Мне было очень волнительно и в тоже время приятно, что опытные специалисты с вниманием отнеслись к моему диагнозу и я вместе с ними принимаю участие в дальнейшей судьбе больного. Мои выводы подтвердились. Через некоторое время больного отправили и успешно прооперировали в столице республике Алма-Ате.

Работая в больнице, мне не раз приходилось вступать в дискуссии с опытными специалистами, отстаивая свою точку зрения и правоту по поводу диагноза и тактике лечения. Так постепенно укреплялся мой авторитет врача, и заведующая отделением прислушивалась к моему мнению по поводу сложных больных.

Памятен и такой случай. В палате уже месяц лечилась пожилая женщина с очень сильными головными болями и гипертонической болезнью. В то время не было большого выбора лекарственных средств, в

том числе и для снижения давления. Это были резерпин, дибазол, магnezия и несколько других. И несмотря на некоторое снижение давления, ее основная жалоба на мучительные головные боли была постоянной. В связи с отъездом врача в отпуск мне временно передали палату с этой больной. Я видел ее лицо, уставшее от болей и бессонных ночей, полное переживаний, надежд и просьб помощи от молодого врача. Меня не отпускали мысли, как можно ей помочь.

И я почти нашел ответ на интересовавший меня вопрос о причинах головных болей. Они, по-видимому, связаны со спазмом сосудов головного мозга. Еще студентом я читал об этом в книге профессора Б. Е. Вотчала «Очерки клинической фармакологии». А одним из препаратов, который может помочь при этих состояниях является кофеин. Не сразу с моим предложением согласилась заведующая отделением. Но я все-таки убедил её и с большой осторожностью назначил его больной, не прерывая ранее назначенное лечение.

На следующее утро я делаю обход, захожу в палату и вижу такую картину. Больные лежат на кроватях, а моя пациентка молится на коленях. Я не стал ей мешать и тут же покинул палату. Вслед за мной вышла больная и говорит: «Семен Борисович, вчера вечером, когда она приняла лекарство, головная боль у нее исчезла и ей сразу стало легче. Впервые за многие бессонные ночи прошли ее мучения, и она молится за ваше здоровье». На обходе больная встрети-

ла меня с доброй улыбкой, ее состояние значительно улучшилось, и она не предъявляла никаких жалоб. Вскоре, получив рекомендации по дальнейшему лечению, она выписалась домой. И кто знает, может ее молитвы и помогают мне сохранять здоровье. Невозможно описать случаи удач и неудач; от последних— глубокая

боль в душе и раны в сердце остаются на долго.

Дело в том, что мне не раз приходилось проявлять настойчивость в решениях, от которых зависели здоровье и жизнь больного. Прошло более 50 лет, но не стирается в памяти конфликтная история во время врачебной летней практики на 5 курсе института.

В палате, которую мне студенту поручили вести в больнице, лежала девушка 17 лет. Как следовало из истории болезни у нее было одно из заболеваний легких— плеврит. При первом же осмотре ее состояние с отдышкой и посиневшими губами сразу вызвало у меня тревогу за ее жизнь и здоровье. Я предложил курирующему меня врачу срочно провести дополнительное обследование и принять действенные меры к её лечению. Моё предложение не вызвало у него никакой реакции и не нашло отклик ни в его душе, ни в сердце. Я не спал всю ночь, возмущаясь его поведением. Видя его равнодушие к тяжело больной, я на утренней планерке не сдержался и доложил о необходимости принятия срочных мер. Заведующая отделением и врачи поддержали меня и больной срочно был сделан рентген. Он выявил, что причиной тяжелого состояния является накопивша-

яся жидкость, что делает необходимым ее срочного удаления. Но лечащий врач, из-за своих амбиций, отказался делать необходимую пункцию и настаивал на продолжении назначенного им лечения. На консилиуме врачей этот вопрос был решен, и я изъявил желание выполнить ее.

Поскольку я никогда раньше не делал эту процедуру, то по учебникам тщательно проштудировал технику её проведения. Она предусматривала сделать прокол, откачать из плевральной полости накопившуюся жидкость и ввести антибиотики. На следующее утро вместе с медсестрой я приступил к ее выполнению. Но увы, прокол сделан, а жидкости нет. И как я ни старался ее откачать, она не пошла. В какой-то степени я был к этому готов; подобные случаи в медицине известны. Это связано с тем, что при длительном воспалительном процессе в плевральной полости образуются спайки и при попадании в них достать жидкость становится практически невозможным. Представляю, как злорадствовал, стоявший рядом над душой врач-куратор, не изъявивший никакого желания поправить меня или помочь мне. Я доложил об этой неудаче заведующей отделением. Она рекомендовала повторно провести эту процедуру вечером, когда в отделении будет меньше суеты и доброжелателей. Мудрая женщина, как она была права!

Придя вечером, сам волнуясь и переживая больше, чем больная, я успокоил ее, рассказав, что процедура поможет и она обязательно выздоровеет. И все

прошло как нельзя удачно и спокойно. Было забрано 700 мл жидкости и введены антибиотики. Утром на планерке я наглядно продемонстрировал врачам банку с жидкостью, убедительно доказывая, что эта она сдавливала легкие и не давала свободно дышать больной. А на обходе с улыбкой встретила меня красивая и очень обаятельная девушка. Лабораторный анализ жидкости помог установить причину воспаления, на что и было направлено лечение, которое стало успешным. Через некоторое время она уже покидала больницу со словами благодарности от родителей и слезами радости на ее глазах.

И тогда, и сейчас меня не покидает мысль, что не всегда врачи со стажем, которым доверяет большинство пациентов, лучше молодых. Сплошь и рядом могут быть исключения; еще есть совесть, чувство долга и ответственность врача за жизнь и здоровье, доверенную тебе больным человеком.

Дело в том, что в те далекие 70-е годы еще не было таких как сейчас кардиологических, пульмонологических и других специализированных отделений, в которых работают профильные специалисты. В те годы в одной палате лежали больные с различными болезнями. Это обязывало врача знать, как можно больше. И значительную часть свободного времени я проводил за книгами, повышая свои знания. Врачу это особенно необходимо, так как в медицине постоянно внедряются новые методы диагностики и лечения.

За быстротекущими событиями на работе, работа-

ми в поисках съёмного жилья и в обустройстве быта незаметно наступила непривычно холодная зима, а вместе с ней и мой первый вдали от семьи Новый год. По традиции к нему готовились и в больнице, украшая палаты и отделения. Палаты, которые я вел как лечащий врач, являлись и базой для занятий со студентами. Они откликнулись на мое предложение их украсить. В воскресенье перед наступлением Нового года, когда был только дежурный персонал, полные молодого задора и энергии они удивительно и с необыкновенной фантазией их преобразили. Нарядили ёлки, нарисовали сказочные пейзажи на окнах, развесили изготовленные пушинки и оригинальные красочные гирлянды. Это были ленты из разноцветной фольги, остающейся при изготовлении крышек, которыми в те годы закупоривались бутылки с молоком, кефиром, сливками и другими молочными продуктами. Слухи о необыкновенно украшенных палатах сразу прошёл по всей больнице. Не было ни одного сотрудника или больного, кто не пришел бы полюбоваться этим сказочным новогодним убранством. А больные встречали гостей с добрыми улыбками и хорошим настроением, подчеркивая каждый раз, что этот подарок им сделали студенты. Даже директор и завуч медицинского училища не отказали себе в удовольствии прийти посмотреть украшенные палаты, поздравить больных с Новым 1968 годом и поблагодарить студентов за работу, очень важную для хорошего настроения и успешного лечения.

С того памятного года уже прошло почти 50 лет, а часть этих разноцветных гирлянд я бережно храню у себя как память о своей молодости, о прекрасных студентах и моих первых пациентах в больнице, которым я от всего сердца всегда старался помочь. Стало традицией в моей семье всегда украшать ими новогоднюю елку.

А в поликлинике мне поручили самый отдаленный в городе врачебный участок. Важная составная часть работы участкового врача – это диспансеризация, т.е. выявление и постановка на учет больных с хроническими заболеваниями сердца, легких, желудка и других. Как мне сказала работавшая десятки лет медицинская сестра здесь еще никогда не было участкового врача. И мне пришлось начинать всё сначала. Примерно в течение полугода мы приглашали больных на приём, проводили их обследование, лечение и диспансеризацию, привели в порядок необходимую документацию.

В соответствии с требованиями на амбулаторной карте стоявшего на учете больного должна быть цветная полоса и буква «Д» (диспансеризация) с определенной для каждого заболевания цифрой. Однако среди сотен стоявших на полках вплотную друг к другу амбулаторных карт эти обозначения на титульных обложках были скрыты и на поиск нужной затрачивалось значительное время. Чтобы упростить их поиск я решил дополнить обозначение этих карт. Я вспомнил о новогодних елочных гирляндах и попросил студентов, чьи родители работали на

молокозаводе, принести вновь несколько разноцветных лент. Участковая медсестра вместе со студентами оклеили торцы карт стоявших на учете больных; при этом каждое заболевание имело свой цвет. Теперь в регистратуре поликлиники карты диспансерных больных моего участка напоминали красочные подписные книжные издания, где торцы карточек больных с гипертонией были красными, страдающих язвенной болезнью желудка – желтыми, другие – зелеными и т.д. Теперь легко было найти карточку диспансерного больного с тем или иным заболеванием. Моему примеру последовали и другие врачи поликлиники.

Постепенно мой участок, где многие годы не было врача, был признан одним из лучших и это было весьма приятно. Но здесь проявилась и обратная сторона – когда приезжали из Минздрава республики я и мой участок как один из лучших всегда подвергался проверке. И моя работа не осталась незамеченной.

Неожиданный поворот судьбы. Накануне Первомайских праздников из Евпатории в отпуск приехала жена Лида. И надо ж такому случиться, что именно в этот день завуч медицинского училища передала мне, что звонили из областного отдела здравоохранения и предложили прийти к ним сразу после праздника. И тут сразу нехорошие мысли: «Наверно кто-то написал жалобу». Видя мое волнение, она старалась успокоить меня, сказав, что мы дали Вам самую хорошую характеристику. Вот так в переживаниях и неведении, при поддержке друг друга про-

шел наш совместный Первомай.

И в первый рабочий день после праздника весь в волнении я на приеме у заведующей обздравотделом. После непродолжительного разговора она обратилась ко мне со словами: «Семён Борисович, мы ценим Вас как врача, о Вас очень хорошо отзываются пациенты, коллеги по больнице и медучилищу. Предлагаем Вам перейти на работу заместителем заведующего городским отделом здравоохранения по медицинской части». Ушат воды! Никогда в мыслях у меня не было желания стать руководителем. Я планировал отработать врачом три года и вернуться в свой институт. Тем более у меня на руках была выписка— рекомендация Ученого Совета в аспирантуру после того, как я отработаю 3 года в Казахстане. А тут мне предлагают новую должность и в придачу квартиру в центре города. Я понимал, что, согласившись на эту работу, уже не смогу вовремя уехать на учебу в институт. И ещё мысли и сомнения: «Я начинающий врач и как смогу делать замечания и указывать на недостатки главным врачам и заведующим отделений больниц и поликлиник, которые работают здесь десятками лет». С этими сомнениями я мог поделиться только с женой, потому что здесь в этом далеком в Кустанае у меня больше не было ни родных, ни близких. У нас не было решения. Я никуда не ходил и не отвечал, думал пронесет, врачей много, найдут другого.

Но через несколько дней звонок: «Вас приглашает председатель Горисполкома Лобанов Михаил Лазаревич». Это уже серьезно. В то время — это единствен-

ный в Советском Союзе мэр города– еврей, который в своё время работал совместно с Ф. Э. Дзержинским и пользовался у жителей большим авторитетом. Он преобразил город строительством благоустроенных жилых домов, новых парков и скверов, асфальтовых дорог, украшенных цветами и деревьями. Я впервые был на приеме у такого высокопоставленного лица. Встретил он меня очень тепло. Поинтересовался откуда я, как мне живётся и работается вдали от дома и семьи. В ответ на его предложение о новой работе я высказал свои сомнения, мол, как я молодой специалист смогу руководить. А он в ответ: «Мы уверены, что справишься. У нас не так много таких активных докторов. Когда-то ж надо начинать. Иди и смелее приступай к работе».

В этом далеком городе, куда меня забросила судьба из самой Евпатории, я жил с необъяснимым чувством вдохновения и огромного удовлетворения от ежедневной работы и необъяснимой внутренней необходимости в ней. Мои дела и начинания всегда находили поддержку у моей дорогой жены Лидии, которая оставалась и продолжала работать в Евпатории врачом стоматологом. Я понимаю, как нелегко ей давалось решение отпустить меня в неизвестный Кустанай и одной ждать меня три года на руках с только что родившимся сыном. По крайней мере так мы планировали. Приехав в отпуск, она как будто предчувствовала предстоящие изменения в нашей жизни. Этот ее приезд был как нельзя кстати, и мы вместе решили вопрос о моем переходе.

На новой работе – старые проблемы. Поиск решений. Мой первый рабочий день в должности заместителя заведующего городским отделом здравоохранения начался со знакомства с больницами и другими медицинскими учреждениями города. Признаюсь честно, что я чувствовал себя весьма неловко и неуютно, когда меня представляли в коллективах. Желая успешной работы, выступающие говорили о своих проблемах, которые не решались годами. И я своими глазами реально увидел всю бедственность положения в котором находились родильный дом и детская больница. Последняя была особенно в удручающем состоянии. В моем представлении она требовала неотложной помощи; отваливающаяся штукатурка на стенах, подтекающие трубы и краны, неисправная канализация и т.д. А в родильном доме не решалась проблема с централизованным отоплением; своя котельная не обеспечивала зимой достаточным теплом. И это в роддоме!

Почему эти проблемы здесь не решались годами? Как помочь и где выход? Теперь мысли об этом теперь меня одолевали постоянно. Люди изливали свои беды. Они надеялись на меня, и я теперь отвечаю за работу медицинских учреждений. У меня постепенно созрел план их решения и помощи.

На участке, где работал уже почти год, у меня сложились хорошие и добрые отношения с многими пациентами. Среди них были и руководители строительных организаций. И мое обращение в новой должности к директорам строительного техникума,

профтехучилища и управляющему водоканалстроя (к сожалению, запомнил фамилии) не осталось безответным. Они оперативно откликнулись на предложение провести ремонты этих очень важных для города медицинских учреждений. Мои начинания были одобрены председателем горисполкома Лобановым М.Л. Благодаря студенческим строительным отрядам персонал детской больницы встречал зиму в отремонтированном здании и с исправленной сантехникой, а родильный дом впервые за десятки лет получил в подарок от строителей водоканала централизованное теплоснабжение от расположенного недалеко химзавода. И большинство работ было выполнено на энтузиазме студентов строительных отрядов. Это был год 100-летия со дня рождения В.И. Ленина, и я молодой специалист был награжден правительственной наградой – Юбилейной медалью.

В городе не хватало медицинских работников; участки обслуживали фельдшера и несколько врачей, прибывших после окончания института. Для меня, жителя солнечного Крыма, не привыкшему к таким холодам, очень чувствительными оказались морозы, доходившие до 30 градусов и сопровождавшиеся пронзительными ветрами. Порой они были настолько сильными, что трудно было устоять на ногах. И к больным на вызов легче было идти вместе с другими пешеходами, спрятавшись от ветра за грузовой автомашиной, медленнодвигающейся по скользкой дороге; правда за автобусом было несколько комфортнее. Я не был готов к такому суровому клима-

ту и буквально замерзал, обслуживая вызовы больных на участке. По моей просьбе сестра моей жены Мария срочно выслала мне из Винницы настоящий бараний чудо-тулуп. Его огромным меховым воротником я укрывался с головой, оставляя лишь узкую щель, чтобы видеть дорогу. В новой должности мне не давала покоя мысль, как облегчить работу моих коллег, продолжавших работать на участках.

Человек предполагает, а бог располагает. Я не оставлял и свою работу в больнице. И вот в январские дни ко мне в палату поступает подросток, отец которого заместитель начальника областной автоинспекции. После трех недель успешного лечения и выздоровления его сына я набираюсь смелости и обращаюсь к нему с просьбой оказать помощь врачам и фельдшерам, выполняющим тяжелую работу на участках. В это время даже природа помогала мне; суровые зимние дни и шквальные ветры были тому подтверждением.

К встрече я подготовил проект удостоверения медработника, оказывающего помощь на дому. На нем, помимо должности и фамильных данных, был изображен видный из далека большой красный крест. Суть моего предложения была в том, что, проголосовав на дороге таким удостоверением, медработник мог попросить водителя, следующего попутно в направлении вызова, подвести его к месту жительства больного. Внимательно выслушав меня, он забрал его. И вскоре мое предложение было утверждено совместным решением госавтоинспекции и горздра-

вотдела, доведено к сведению водителей личного транспорта и руководителей автохозяйств о помощи медработникам. Такие удостоверения были выданы врачам и фельдшерам, обслуживающим вызовы на дому. Теперь им не приходилось в мороз и вьюгу добираться пешком к пациентам или обратно домой и не грех им было, устав после работы, заскочить в магазин или на рынок. Они это заслужили. Сразу появились врачи, желающие обслуживать вызовы на дому. А в больнице с доброй иронией говорили: «Вон, новый заместитель пересадил всех участковых на машины».

Думаю, что этого не произошло, если бы я лично не познал трудности работы участкового врача. И мне, их испытавшему, было приятно, что я помог людям, которые изо дня в день, годами, честно и добросовестно выполняли свой профессиональный долг, оказывая помощь и возвращая здоровье людям.

Еще одно мое нововведение помогло врачам поликлиник в работе. Ежедневно на приемах они, в том числе и я, выписывали больным массу рецептов, что забирало драгоценное время. По моему предложению врачи–специалисты подготовили прописи рецептов, наиболее часто выписываемых ими лекарств. Бланки этих рецептов были отпечатаны в типографии, розданы врачам поликлиник и теперь им оставалось написать только дату и фамилию больного. Эта новинка и мое полезное начинание несомненно облегчило работу и уменьшило бесконечную писанину. Прошли многие годы и сейчас врачам в этом

помогают компьютеры, о которых мы тогда еще ничего не знали.

Несмотря на большую занятость, волнения и переживания за судьбы больных, работа доставляла мне большое удовлетворение. Сейчас, спустя годы, все больше одолевают мысли, как можно было работать в горздравоотделе, порой 2-3 ночи подряд дежурить в больнице, днём вести приемы в поликлинике, преподавать в медучилище и в пединституте, вылетать по санитарной авиации и оказывать неотложную помощь тяжело больным в самых отдалённых районах области. И в то же время, готовиться к поступлению в аспирантуру, сдавать кандидатские экзамены по иностранному языку и философии. И самое удивительное, что сутками поглощенный работой, я не чувствовал усталости. И это от сознания того, что приносишь пользу людям.

А моим отдыхом была организация со студентами КВНов и голубых огоньков в училище, выступления на концертах и руководство художественной самодеятельностью в клубе медицинских работников и даже драматическим коллективом в клубе железнодорожников.

А уехал я из Кустаная не через 3 года, как мы планировали первоначально, а через 4. Конечно меня тянуло домой в Евпаторию, где я родился и вырос, где прошли годы моей учебы и памятного послевоенного детства.

Я переживал и за одиночество мамы, которая по-прежнему жила там одна и периодически гостила у

нас в Кустанае. Нелёгкая судьба выпала на её долю. В начале войны—это эвакуация из Крыма со мной на руках, укрывая собой при бомбёжках, тяжёлая работа в госпитале города Соляны Азербайджанской ССР, а после войны в санаториях. Свою жизнь она посвятила мне. Её муж и мой отец Златин Борис погиб в боях под Витебском.

Для тысяч семей война принесла трагедии и беды. Она не обошла стороной и большую семью моей жены Лидии. Её мама Заславская Аня и отец Заславский Бенцион с детьми не успели эвакуироваться из местечка Бершадь Винницкой области и пережили все ужасы фашистского гетто. Ее отец помогал партизанам, шил для них одежду и валенки. Без предателей не обошлось, и немцы расстреляли его у всех на глазах. Её мама прожила тяжёлую и сложную жизнь, и сама подняла пять своих дочерей: Женю, Марию, Риту, Раю и мою жену Лиду. Все они получили высшее образование – врачи и учителя. Мы, оставшиеся в живых дети, высоко ценим мужество и героизм, выполненный ими гражданский долг и чтим светлую память своих родителей.

Из Кустаная меня не хотели отпускать с работы и даже предложили должность заведующего облздра- вотделом во вновь создаваемой Аркалыкской области. Но я знал—это не моё. И я не мог отказаться от своей мечты. А домой меня отпустили только при предъявлении документа о зачислении в аспирантуру. Находясь в отпуске, я предварительно сдал все экзамены и был зачислен на кафедру курортологии

и физиотерапии своего института. Это давало мне возможность заниматься научной работой в своем родном городе Евпатория.

Здесь всё начинается вновь. С нелегким сердцем я уезжал из Кустаная, который стал для меня хорошей школой становления как врача и организатора, отвечавшего за медицинскую службу областного города.

Вернувшись домой в Евпаторию, свои первые свои шаги я вновь начал с рядового врача терапевта в санатории Октябрь. Здесь, как и в большинстве здравниц, работали врачи пенсионного возраста. Мне, как самому молодому, поручили вести тяжелый контингент с заболеваниями суставов, а также инвалидов и участников войны. При поступлении в отделение у большинства больных отмечались боли, деформация, припухлость и ограничение подвижности в суставах, затруднения при ходьбе, подъеме и спуске по лестнице, нарушение координации движений и снижение двигательной активности в повседневном бытовом самообслуживании.

И я начал осваивать кажущуюся легкую, а в действительности сложную науку курортологию, включающую различные виды и методы бальнеогрязелечения, физиотерапии, реабилитации и ряд других. В свободное время я штудировал литературу, которая была в медицинской библиотеке при курортном управлении или выезжал в библиотеку своего института.

Можно годами спокойно и однообразно работать

в санатории, применяя общепринятые рутинные методы лечения. Однако – это не в моём характере. Ознакомившись с проблемами курортной терапии и курортологии, я самостоятельно определил для себя тему диссертационной работы, разработал план и методы её выполнения. Она касалась вопросов повышения эффективности курортного лечения больных с заболеваниями суставов и медико-экономической оценки отдалённых результатов. Большинство из поставленных мною проблем ранее не изучались, и Учёный совет Крымского мединститута утвердил её к выполнению.

Мной полностью овладела идея оптимизации процесса курортного лечения, восстановления движений в суставах, повышения функциональной активности и работоспособности больных.

Через некоторое время по моему проекту в санатории в виде небольшого стадиона был построен городок лечебной физкультуры и реабилитации. Посильную помощь и участие в его строительстве принимали и отдыхающие. Городок состоял из окружающей его по периметру дорожки, с участками последовательно покрытых песком, гравием, булыжником и брусчаткой. В нем были установлены невысокие барьеры и препятствия, лестницы с разновысотными ступеньками для подъёма и спуска, низкий бум, следовые дорожки для ходьбы и другими приспособлениями для разработки суставов и улучшения движений. В этом городке больные занимались под наблюдением инструкторов и выполня-

ли упражнения с все возрастающей нагрузкой.

В комплексе с бальнеогрязелечением эта новая форма занятий в специализированном городке физкультуры во многом способствовала улучшению двигательной активности больных и повышению результатов курортного лечения. Впоследствии такие реабилитационные городки были внедрены и построены во многих санаториях Украины.

Большая наука приходит на курорт. Хочу отдать должное руководителям Евпаторийского курорта. Моё новаторство и труд не остались незамеченными. И в 1975 году меня назначили главным специалистом курорта и перевели работать в одну из лучших здравниц – санаторий имени 40-летия Октября (сейчас Гелиос).

На его базе было создано отделение курортной реабилитации Института ревматизма Академии медицинских наук СССР, руководителем которого я и был назначен. В это время по решению Министерства здравоохранения СССР Институтом изучалась проблема этапного лечения больных с заболеваниями суставов, осуществляемая по принципу «стационар–поликлиника–курорт». Из этого института на курортное лечение и реабилитацию по бесплатным путевкам направлялись в отделение больные с такими тяжелыми, инвалидизирующими заболеваниями, как ревматоидный артрит, анкилозирующий спондилоартрит, системная склеродермия, деформирующий артроз и другие.

И теперь на меня ложилась большая ответствен-

ность за проведение этого важного этапа восстановительного лечения больных. Я в полной мере осознавал это перед ними и перед большим коллективом ученых и высоко профессиональных врачей ведущего в мире Института, которым руководила видный ученый, академик АМН СССР, президент Европейской лиги ревматологов Насонова Валентина Александровна. Её глубокая человечность и доброжелательность, стремление помочь мне, врачу с периферии, просто покорили меня.

Здесь же судьба свела меня с многими известными профессорами, докторами наук, руководителями отделений, откуда больные поступали к нам на лечение. Это такие известные ученые, как Агабабова Э.Р., Астапенко М.Г., Павленко Т.М., Трофимова Т.М. и другие. С большой теплотой и благодарностью я вспоминаю этих учителей и наставников, которые во многом способствовали моему становлению как специалиста – ревматолога. Совместная с ними работа, осмотры и консультации больных, бесценные советы и рекомендации стали для меня высокой научной и практической школой, которую я прошел в этом поистине храме медицины и науки.

В Евпаторию нередко приезжали больные с активным воспалительным процессом и опухшими суставами, что значительно ограничивало возможности лечения на курорте. В те далекие 70-е годы для уменьшения болей и воспаления в суставах в Институте ревматизма начал успешно применяться метод внутрисуставного введения лекарственных

препаратов. Освоив его, я впервые в Союзе внедрил этот метод в практику курортного лечения. После таких инъекций у больных уже в санатории явно уменьшались воспаления и боли, исчезала припухлость суставах, что давало возможность проводить курортное лечение.

Но мои новаторские начинания, встречая препятствия коллег, всегда преодолевались с трудом. В санатории они отрицательно отнеслись к моему нововведению и обосновывали это тем, что в медицинской литературе описаны случаи осложнений при этой процедуре. И если читающий эти строки думает, что у меня в работе было все гладко, то глубоко ошибается.

Однажды меня как ведущего специалиста курорта пригласили на консультацию к больному с тяжелой формой ревматоидного артрита. Он приехал из сельской местности, где вряд ли ему могли бы оказать эффективную помощь. С воспаленными и деформированными суставами больной передвигался с трудом, опираясь на костыли. В течение первой недели мы сделали ему внутрисуставные инъекции. После них воспаление и припухлость в суставах исчезли, и стало возможным проводить бальнеолечение в сочетании с физиотерапией, массажем и лечебной физкультурой. По окончании курса его состояние здоровья значительно улучшилось, он бросил костыли, свободно стал ходить и был очень доволен лечением. Я и его лечащий Кашуро В.Г. вполне были удовлетворены результатами и вместе с ним разделяли его

хорошее настроение. Со словами глубокой благодарности он выписался из санатория и уехал домой.

Спустя 1-2 недели звонит мне следователь из прокуратуры и спрашивает: «Вы делали уколы и лечили такого-то больного?». Оказывается, он уже давно затребовал и анализировал историю болезни. «Конечно», – ответил я. – «А вы знаете, что по дороге он умер». У меня и лечащего врача конечно стресс. Мысли не давали покоя: «Может причиной стало осложнение от инъекций?» Через несколько дней все стало на свои места. Оказывается, как информировал нас следователь, больной, встретив земляка на станции пересадки, выпил так, что, споткнувшись на лестнице, упал и погиб, скатившись со второго этажа. Мне было глубоко жаль больного, ведь мы с лечащим врачом сделали все возможное, чтобы восстановить его здоровье. Прошло более 40 лет, а этот трагический случай по-прежнему будоражит мою память.

Внедрение этого метода внутрисуставных инъекций позволило значительно улучшить результаты курортного лечения больных с заболеваниями суставов. За многие годы работы взрослым и больным детям мною было сделано сотни таких инъекций и не было ни одного случая осложнений. В настоящее время они широко применяются в лечебных учреждениях.

Восстановлению движений и реабилитации больных уделялось важное значение. С этой целью кабинет ЛФК был оборудован непосредственно в корпусе

проживания. Здесь в любое удобное время они могли заниматься физкультурой. Помимо стандартного оборудования нами были разработаны и установлены специальные стенды для улучшения движений в суставах и пальцах рук. А выполнение упражнений на время придавало им соревновательный характер и во многом стимулировало больных. Сокращение времени их выполнения в процессе курса лечения служило объективной оценкой улучшения и восстановления движений в суставах.

На этом мои изыскания и поиски в повышении эффективности лечения не закончились. Действие факторов курортного лечения (грязей и минеральных вод) во многом связано с их тепловым влиянием на организм. И меня длительное время не покидала мысль, как соединить воедино функционально-стимулирующую терапию, т. е. лечебную физкультуру с действием тепла. Не зря утверждается, что мысль материальна. И долго витая, эта идея в конце концов материализовалась.

С целью повышения эффективности восстановительного лечения при поражении суставов кистей и стоп, лучезапястных и голеностопных суставов мною был разработан, изготовлен и внедрен комплект термальных предметов для индивидуальных занятий лечебной гимнастикой. (Удостоверение БРИЗ Крыммединститута за 314 от 30.12.1973 г.)

Преимущество применения этих теплых предметов в лечебной гимнастике вместо обычных холодных состоит в одновременном воздействии двух

факторов – физических упражнений и тепла, что усиливает терапевтический эффект. При этом наступает улучшение кровообращения в сухожилиях и мышцах, снижается их спазм, интенсивность болей, облегчается возможность более активной разработки суставов и восстановление их функций. Что мы в итоге и наблюдали у наших больных.

Наш санаторий стал важной базой для Института Ревматизма АМН СССР. И наша совместная работа была направлена на решение главной задачи – повышение эффективности курортного лечения больных, страдающих заболеваниями суставов и позвоночника. На курорте централизованно были созданы объединенные клиничко-биохимические, иммунологические лаборатории, центры рентгенологии и функциональной диагностики. В общекурортной грязелечебнице Мойнаки, где ежедневно отпускались несколько тысяч процедур, функционировала биотелеметрическая лаборатория, где изучение ответных реакции организма и обследования проводились непосредственно во время приема больными процедур грязелечения.

Для обобщения и распространения опыта в лечении и реабилитации больных в санатории был создан возглавляемый мною научно-организационный отдел, на базе которого был открыт кабинет передового опыта. В большой и многогранной работе активное участие принимали ученые и многие врачи курорта. Это профессора Мольская Н.Е., Дриневский, Н.П., Каладзе Н.Н., кандидаты наук Перельму-

тер Д.Л., Лосев В.Б., Фишер А.И., опытные врачи и специалисты – Мельников А.А., Котиков В.Е., Гурова В.В., Сухонос В.В., Сиротина Г.С. и многие другие. Они внесли значительный вклад в развитие курорта. На базе санатория проводились пленумы ученых, научно-практические и клинические конференции, учебные семинары для врачей и медсестер. Перенимать опыт нашей работы приезжали специалисты из Польши, Болгарии, со всего Советского Союза и даже из Сахалина.

По заданию министерства здравоохранения коллективом ученых и врачей была подготовлена книга «Курортное лечение», изданием которой я руководил и принимал самое непосредственное участие. В ней был отражен накопленный опыт и методы комплексного курортного лечения различных заболеваний у взрослых и детей. В помощь врачам эта книга была выслана во все курорты Советского союза. Санаторий стал ведущим в стране научно-методическим центром по курортному лечению артрологических больных и ему был присвоен статус Республиканского базового санатория. А я был награжден Знаком «Отличнику здравоохранения».

Не хлебом единым ... Отдавая себя сполна своей профессии, я не оставался в стороне и от общественной работы. Для меня стало большой неожиданностью, когда мне предложили возглавить в Евпатории вновь создаваемую еврейскую общину. За короткий промежуток времени с группой энтузиастов мы уточнили количество и состав евреев, проживающих в

нашем городе, определили малоимущих и нуждающихся в различных видах помощи, составили группу волонтеров, имеющих личные автомобили, а также умеющих выполнять бытовые услуги и ремонтные работы.

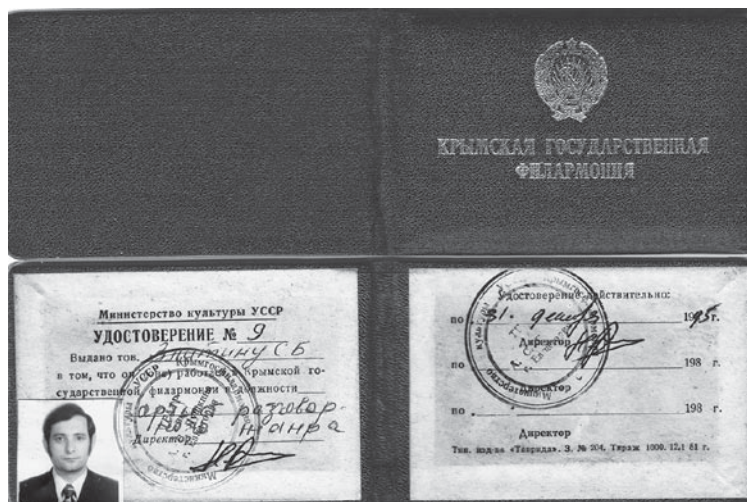
После чего обратились в организацию Джойнт, которая материально поддержала наши начинания. На выделенные средства были наняты сотрудники и организована служба по уходу за инвалидами и престарелыми. В центре города и в 10 метрах от остановки трамвая была открыта столовая, где под контролем врача диетолога, которого я пригласил из санатория, стали питаться более 90 членов общины, а нуждающимся обеды доставлялись на дом. Организация Джойнт активно помогала нам в работе и выделяла средства на зимние вещи, продуктовые посылки для нуждающихся и т.д.

В пользу общины у Горисполкома была отвоевана и синагога, где десятки лет находились городские склады. На общественные средства и с помощью волонтеров нам удалось отремонтировать ряд помещений и организовать там «Теплый дом». Здесь стали отмечать традиционные еврейские праздники, проводить пятничные и субботние молитвы. Была организована и еврейская школа для детей, а взрослые начали овладевать ивритом. Таким образом в нашем городе возрождались традиции еврейской жизни, и я как руководитель принимал в этом самое активное участие.

Не оставил я с детства впитавшуюся в меня свои-

ми корнями любовь к сцене. Первые мои выступления в 4-5 летнем возрасте начались во время войны в госпитале, где работала моя мама. Прямо в палате я становился на стул и перед ранеными с выражением читал «...Жди меня, и я вернусь...». А после войны в возрасте 10-11 лет меня так тронул рассказ А.Толстого «Русский характер», что я выучил его наизусть и читал со сцены. 20 минут его прочтения – это были слезы зрителей в зале, которым я со своим детским проникновением передавал трагедию любви и горечь переживаний, которые война преподнесла героям этого рассказа.

А потом я заразился эстрадой, юмором и конфетансом и в далеком фестивальном 1956 году, будучи школьником, стал лауреатом Украинского республиканского фестиваля художественной самодеятельности. И так это осталось на всю жизнь. В институте –КВН, а в Кустанае – руководитель самодеятельности медицинских работников и драматического коллектива при Доме культуры железнодорожников. В Евпатории я выступал от общества «Знание» с сеансами коллективного гипноза или с вечерами юмора перед отдыхающими здравниц. И настолько сильно составлял конкуренцию артистам, что мне официально предложили выступать с концертами. Я прошел аттестацию и мне было присвоено звание и выдано удостоверение артиста Крымской государственной филармонии. Приятное и неожиданное событие. Совмещая с основной работой, я выступал порой даже с известными артистами эстрады.



Но в 90-е годы пришло время перестройки, распался Советский Союз. Курорт постепенно начал терять свое значение Всесоюзной здравницы, многие профсоюзные и ведомственные санатории перешли в частные руки и стали работать только сезонно. Такая же участь коснулась и моего санатория. Институт ревматизма закрыл свое отделение, которому я отдал многие годы своей жизни и труда. К моему большому огорчению он стал обычным санаторием, принимающим на отдых и оздоровление всех желающих. Значительно уменьшился приток отдыхающих и тысячи людей и специалистов этого известного курорта оставались без работы.

И люди стали завидовать евреям, говоря им порой: «Вам хорошо, есть куда ехать». И действительно стали уезжать, и две сестры моей супруги Рая и Рита со своими семьями тоже решили ехать. А моя дорогая

жена Лида не могла пережить разлуку с ними и также решила последовать за ними. При достаточном благополучии, наличии квартиры, дачи, машины и хорошей работы мне нелегко давалось это решение. И как я мог не согласиться с ней, ведь мы со студенческих лет преодолевали вместе жизненные трудности, переезды, разлуки, горечь утрат близких и родных.

На израильской земле – трудности в съеме квартиры, владения языком и главное – устройство детей. Не даром говорят, что время лечит. Постепенно все стало на свои места и наша семья благополучно прошла абсорбцию. Сын Боря, также окончивший Крымский мединститут, работает в Израиле в больнице. Дочь Наталья последовала моему примеру и с отличием окончила факультет психологии Хайфского университета. Израильская земля помогла нашим детям найти свое счастье в жизни, благополучно сложились у них семьи. А мы помогаем им и радуемся за наших детей и внуков.

И мне не пришлось долго пребывать в унынии. Нас очень хорошо, по-доброму встретили соседи по съемной квартире, предложив вполне приемлемую мебель, кухонные принадлежности и т.д. А когда я оказал помощь и поднял на ноги соседку, которую свалил радикулит, она буквально через несколько дней после приезда трудоустроила меня преподавателем в медицинский колледж.

Затем судьба привела в Дом Ученых Хайфы. По моему предложению и при поддержке его предсе-

дателя доктора Александра Бахмутского и заместителя мэра муниципалитета Хайфы Юлии Штрайм была организована «Школа здоровья золотого возраста», первые уроки которой я успешно провел в Мигбацей-диюрах Хайфы. Мое начинание получило свое развитие. Теперь организованные мной школы при поддержке муниципалитетов успешно работают в Тель-Авиве, Тверии, Афуле, Нагарии и в других городах. В Израиле мною издана серия книг о здоровом образе жизни, о природных лечебных факторах Израиля, о профилактике и лечении заболеваний суставов, опубликован ряд научных и популярных статей о здоровье.



Занятие в Школе здоровья

Наверное судьба благосклонна ко мне. Я выжил под бомбежками в годы войны, преодолел трудности, когда по известной причине не хотели принимать студентом в мединститут, а затем и в аспирантуру, даже после выполнения обязательств и четырех лет работы в Кустанае, зависть коллег по работе. Да разве все перечислишь; понадобится еще столько же страниц.

Во всех моих делах и начинаниях всегда помогала моя дорогая жена Лида – надежда и опора в моей жизни. И так вместе 50 лет, поддерживая друг друга и преодолевая все трудности и преграды на жизненном пути, мы отметили в Израиле серебряную свадьбу.

На этой Земле Израиля в нашей семье зародилась хорошая и добрая традиция. Ежегодно мы стараемся поддержать и помочь кому-то, кто попал в беду или испытывает трудности в жизни. В этом году мы выслали помощь моему другу по институту Володе Гончарову. Прекрасный товарищ, душа студенческих компаний, талантливый пианист и руководитель ансамбля в институте. Спустя десятки лет я узнал о его трагической судьбе. Врач, спасавший людей в Чернобыле, стал инвалидом, потерявшим зрение, и теперь в бедности и в одиночестве встречает старость. В Киеве при получении им отправленных нами денег сотрудники почты поинтересовались, кто их прислал. И когда он сквозь слезы рассказывал, что это из Израиля его друг по институту– они рыдали вместе с ним. И слушая об этом, я тоже плакал от

обиды за его так трудно сложившуюся жизнь. Так и хочется сказать – в меру сил и возможностей следует спешить делать добро. Для этого мы и живем на этой благословенной земле.

Годы жизни показали – несмотря на все трудности, опускать руки, сдаваться и останавливаться нельзя. Пока есть физические силы надо, вдохновляя себя, настойчиво идти к намеченной цели. Что мне и пришлось делать всю свою сознательную жизнь.

Врачи лечат болезни, а здоровье надо добывать самому. Мой врачебный и жизненный опыт показал, что большинство задумывается об этом поздно, когда приходят болезни. А начинать бы надо с детства, и уроки здоровья должны стать обязательными в школах.

Здоровье во многом определяет нашу жизнь и судьбу. И даже зная хорошо основные постулаты здорового образа жизни, теоретически помочь себе нельзя. Только реализуя их на практике, можно созидать и укреплять свое здоровье. Станьте его творцом и созидателем. Не упустите драгоценное время.



КОГАН ИОСИФ. О МОИХ РОДИТЕЛЯХ.

Коган Иосиф Шмулевич родился в 1932 г. в Одессе. Мой отец, Коган Шмуль Иосифович, родился в 1907 г. в местечке Бершадь Винницкой обл. в семье мелкого торговца. В 1920 г. осиротел, когда родители умерли после погрома, и с 14 лет был рабочим, активным комсомольцем, коммунистом, красным командиром. Женился в 1931 г.

Моя мать, Берензон Рахиль Мееровна, родилась в 1908 г. в Одессе, в семье бывшего ешиботника (выпускника религиозной школы), который в поисках работы приехал в Одессу из Восточной Польши, но за неимением вакансии раввина стал кустарем-одиночкой (была такая категория в годы НЭПа). Мама окончила трудовую школу и всю жизнь работала бухгалтером. С отцом она познакомилась в Одесском Доме еврейского народного творчества. Отец прекрасно танцевал еврейские народные танцы, а мама была примой в драмкружке.

Отец окончил рабфак, а затем в 1937 г. Одесский институт инженеров морского флота по специальности экономист. Работал заведующим отделом Одес-

ского Революционного архива, но после моего рождения был уволен по доносу и исключен из партии за то, что моя мать, вопреки его желанию, сделала мне обрезание, не желая позорить своего отца. Это, впрочем, спасло моего отца от расстрела в 1937 г., когда расстреляли всю верхушку Революционного архива.

Я родился в 1932 г. и мне было уготовано совсем не то будущее, каким оно оказалось, поскольку у меня выявились незаурядные музыкальные способности.

В 1940 г. я был принят по классу скрипки во всемирно известную Одесскую музыкальную школу проф. Столярского, из которой вышла куча мировых звезд (например, скрипачи Иегуда Менухин, Яша Хейфец, Давид Ойстрах, пианист Эмиль Гилельс). Но я поранил себе палец, и учеба была отложена на год, а в 1941 г. началась война. Музыка осталась лишь в душе, а потом уже в виде домашней фонотеки.

Отца, работавшего в Черномортехфлоте, эвакуировали с семьей в конце июля морем на землечерпалке в Бердянск, потом в Ейск, потом на все 4 стороны. Мы оказались в Тюмени, откуда и ушел отец на фронт, потом жили в Череповце. Жили как все, голод как-то пережили. Отец остался жив, и в 1946 г. все вернулись в Одессу. А вот родители матери не сумели эвакуироваться и погибли.

Школу я кончил в 1949 г. (седьмую по счету за период войны), медали не заработал, поступил на механико-технологический факультет Одесского политехнического института. Учился хорошо, но из-за

своего несдержанного языка был отчислен в 1952 г. из института и исключен из комсомола «за ошибки в политических суждениях». Убежал в г. Каховку на стройку коммунизма (подальше от КГБ), но, когда страсти утихли, вернулся в Одессу и пошел работать токарем на завод на Пересыпи. Через пару месяцев после смерти Сталина меня на заводе нашел горком комсомола и восстановил в своих рядах.

Обратно в институт мне путь был закрыт, и я с потерей 2 лет по благу поступил на механический факультет Одесского мукомольно-элеваторного института, который и кончил с отличием в 1956 г. Почти весь наш выпуск по комсомольскому призыву поехал на вновь осваиваемые целинные земли. По 1960 г. работал инженером-механизатором и инженером-электриком на элеваторах Восточного Казахстана. Я даже был там членом бюро райкома комсомола, вступил в КПСС. Впервые в Союзе автоматизировал сушильно-очистительную башню, написал несколько статей. Пытался поступить в аспирантуру ВНИИ-Зерна, но срезался на экзамене по Истории КПСС.

Четырех лет оказалось мне достаточно, чтобы слегка прозреть и понять, что я не на своем месте. Поэтому в 1960 г. ушел на вновь строящийся Усть-Каменогорский завод приборов автоматики и там быстро дорос до главного конструктора, а затем начальника испытательных лабораторий. Попутно кончил в 1964 г. Всесоюзный заочный машиностроительный институт по новой специальности: инженер-механик по приборам точной механики и автоматики.

В 1962 г. женился на Малкиной Елене Ефимовне, прибывшей в Усть-Каменогорск по назначению после окончания вуза в Днепропетровске. Познакомился с ней, как и мои родители, в художественной самодеятельности, в хоре. В 1964 г. родился сын, а в 1970 г. – дочь.

Но меня продолжало тянуть в науку, и я ушел в 1965 г. на кафедру автоматики местного технического вуза – Усть-Каменогорского строительного-дорожного института на должность доцента. А параллельно в 1966 г. поступил в заочную аспирантуру Института проблем управления (автоматики и телемеханики) АН СССР, благо работа на заводе благоприветствовала деловым связям с этим институтом. В 1970 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Ради защиты диссертации пришлось на время уволиться из вуза, где я работал, но после защиты обратно туда не взяли. Мой научный руководитель, к.т.н. В.Н.Дмитриев, был очень хорошим, но наивным человеком, он хотел меня оставить в Москве при академическом институте, но безрезультатно. Пришлось мне принять в 1971 г. приглашение местного педагогического вуза и стать там заведующим кафедрой общетехнических дисциплин на индустриально-педагогическом факультете. Там я организовал в подвале небольшую научно-исследовательскую лабораторию, где, благодаря хоздоговорам, что-то пытался сделать в области науки. Печатался, получал авторские свидетельства, написал свою первую книгу.

Так бы я и застрял в Усть-Каменогорске, если бы

не жуткая экология этого города, как центра цветной металлургии, в результате чего все члены моей семьи болели, а маленькой дочке врач даже дал справку, что если не сменит место жительства, то погибнет. И только эта справка помогла мне сняться с партийного учета и, как следствие, уволиться из института в 1979 г.

Но еще до увольнения я целый год искал себе место где-нибудь в средней или северной России, разослав свои документы в 50 вузов (искать место в южной России или Украине было бессмысленно). Лишь в четырех вузах дело было почти на мази, но в итоге срывалось из-за вмешательства парткомов. И только в Кировском педагогическом институте (сейчас – Вятском) случилась оказия, им срочно была нужна кандидатура на заведующего новой кафедрой машиноведения, и ректор института пошел против парткома.

Киров – центр машиностроения, вокруг леса, воздух чистый, так что дочка быстро выздоровела. В Кирове были те же «условия» для занятий наукой, что и в Усть-Каменогорске, продолжалась та же научная самодеятельность. Но к Москве я уже был гораздо ближе, что оживило личные контакты. Несколько раз выезжал с докладами на международные научные конференции. Вскоре получил ученое звание профессора.

Еще в конце 60-х годов в качестве научного хобби стал работать в области обобщения и систематизации физических величин. С конца 80-х годов занял-

ся этим вплотную и в 1993 году опубликовал книгу на эту тему.

Всего мною опубликовано больше сотни научных работ (перестал их считать), включая 4 монографии и 22 авторских свидетельства на изобретения.

Теперь несколько слов о детях. Сын развивался закономерно, если бы не перестройка, из-за которой он ушел в бизнес с его взлетами и падениями. Дочь кончила исторический факультет Пермского университета, но не смогла найти себя в новой жизни, и в 1996 г. репатрировалась в Израиль. Я же в это время был выбран председателем еврейской общины Кирова, доработал в вузе до 1998 г. (до пенсии) и в 1999 г. с женой тоже репатрировался в Израиль. За нами через полгода последовал сын, но он в Израиле не прижился, и вскоре уехал в Москву, где и обзавелся семьей, занимается бизнесом. Дочь окончила в Хайфе второй университет, стала социологом, и тоже обзавелась семьей, живем с ней рядом. Внуки еще маленькие, о них говорить рано.

У меня еще есть два брата. Средний брат, 1938 г. рождения, фрезеровщик высшего класса, жил в Одессе, с 1994 г. живет с семьей в Новой Зеландии. Младший брат, 1946 г. рождения, стал вместо меня скрипачом, был концертмейстером в Алма-Атинской и Сухумской филармониях, сейчас работает в оркестре Мариинского театра в Санкт-Петербурге.

В Хайфе мне повезло, я был принят на работу в 2001 г. по программе Шапиро (программе помощи ученым-репатриантам) в лабораторию проблем тур-

булентности факультета аэронавтики всемирно известного Техниона (Израильского технологического института) ученым-исследователем, там помогал готовить диссертации русскоязычным аспирантам. С 2004 г. окончательно ушел на пенсию.

Впрочем, ученые выходят на пенсию только формально. Дети помогли с жильем и с компьютерной техникой, а мне этого для научной работы достаточно. Все свои научные наработки выкладываю в созданный мною сейчас сайт www.physicalsystems.org.

Josef Kogan



ЭМИЛЬ КОГАН. О СЕБЕ ЛЮБИМОМ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Предложение написать о своих воспоминаниях, главным образом, касающихся периода нашего пребывания в Израиле, вызвало у меня скептическую улыбку. Уже сколько лет только и делаю, что рассказываю или пишу свои воспоминания. Одним словом, живу, только прошлым, оставляя потомкам свои воспоминания о «героических годах», в которых, как я понимаю, ничего героического не было. На этот раз, с таким предложением написать каждому о себе, обратилась к нам членам Дома Учёных Хайфы наша коллега Ирина Римская. Я уже и не удивляюсь такому предложению, ибо в Израиле, а видимо и не только здесь, к этому жанру обращаются сегодня многие. Ветераны войны вспоминают свою героическую молодость, ветераны труда, великие подвиги на трудовом фронте и чем дальше отодвигается дата свершения этого героизма, тем эти подвиги всё больше и больше растут в собственных глазах самих участников и, конечно же, в глазах близкого

им окружения. И что ещё очень удивительно, что этих ветеранов со временем становится всё больше и больше. Это происходит так регулярно и с таким усилением и ускорением, что ни один закон физики не поспевает за скоростью и глобальностью роста числа таких личностей и их героизма уже не только в собственных глазах, но и в глазах их окружения. Уже без капли стеснения находятся такие «герои», которые с гордостью надевают награды своих родителей, или просто купленных на чёрном рынке у таких же бессовестных торговцев наградными медалями и орденами. Их возраст никак не совпадает с возрастом действительных участников тех боевых событий. Благо, и на их счастье, их наградные документы никто и никогда не проверял. Свои же, заработанные награды, надевают участники боевых действий, получившие их в более поздние времена. Порой они были получены в несправедных делах, «защищая Родину и свой Народ» от внутренних «врагов», и противников живущих в других странах, чаще всего, никогда не посягавших на нашу с вами свободу и независимость.

Но всё-таки, раз я пообещал написать, то для Книги воспоминаний постараюсь рассказать о том, как и чем я занимался после «репатриации» нашей семьи в Страну Обетованную – Эрец Исраэль, и я должен выполнить своё обещание.

Заранее предупреждаю, что многое из того, что происходило до описываемых мною настоящих событий, и кое о чём, происходившем уже здесь, в Из-

раиле, я уже рассказывал в своих ранее написанных книгах «Берега» и «Семейные истории». В этих же новых воспоминаниях, я постараюсь рассказать о буднях, в которых последние годы протекала моя и жизнь нашей семьи в новой для нас стране.

НАША ЖИЗНЬ В ИЗРАИЛЕ

Несмотря на то, что, конечно же, нельзя назвать нашу жизнь в эмиграции особенно успешной, но, справедливости ради, скажу, что новая страна дала нам приют, возможность приобрести крышу над головой, чего мы лишились, уезжая из своего дома, который назывался Советский Союз, и безбедно прожить здесь более четверти века. В Израиле мы вырастили сына, дали ему образование. Во время воинской службы в Цахале наш сын Давид прошёл курс обучения и стал офицером Армии Израиля, получив звание старшего лейтенанта.

По окончанию им этого Курса, мы с Мариной были приглашены его командованием на процедуру празднования получения выпускниками офицерского звания и вручения им знаков отличия. Это празднование у них называлось «Текес». Выпускники с оружием в руках, строем, торжественным шагом, промаршировали по плацу, окруженному зрителями, служащими курсов, родственниками и другими приглашёнными гостями. Картина парада выпускников на глазах у родных, близких, друзей и одноклассников наполнила сердца присутствующих радостью и гордостью за наших мальчиков и девочек, а сегодня

уже офицеров, выпускников курсов. После парада, с торжественной речью, обращённой к выпускникам, молодым офицерам, выступил Начальник Курсов, генерал Яир Голан, занимающий сегодня уже пост Заместителя Начальника Генерального Штаба.

Через какое-то время, после парада, пообщавшись со своими близкими, выпускники и гости были собраны в актовом зале, где должны были выдавать молодым офицерам погоны, закрепляя их на плечах прямо здесь же на сцене. Это делали офицеры, преподаватели Курсов, и здесь же проходило вручение дипломов об окончании курсов. Со словами благодарности выступили выпускники и одному из первых предоставили слово нашему Давиду. Мы с Мариной сидели, затаив дыхание – волновались. Но он с этим справился. А мы с Мариной вспомнили, как ещё недавно, в 2002 году, Давид с симпатичной девушкой-выпускницей вдвоём, вели торжественное собрание выпускников школы «Бусмат», которое проходило в «Зале Конгрессов».

До призыва в армию, по договоренности с представителями армии, и за счёт Государства, Давид закончил обучение в «Технионе», Хайфском Техническом Университете, получив степень Бакалавра химии. Однако, во время службы в Войсках тыла, армия не смогла найти ему применения по выбранной ими же и полученной в «Технионе» специальности и после трёхлетней службы, присвоив очередное звание капитана, отправила его в запас. Теперь Давид должен был до определённого возраста, ежегод-

но, призываться на службу – милуим, а это означает, что он на время будет возвращаться в свою часть, и нести службу для поддержания уровня своей боевой готовности.

Пока Давид служил в армии, у него была возможность поступить и продолжить учёбу в «Технионе», но только на факультете, не требующем его постоянного там присутствия и прохождения лабораторных занятий. И он поступил на факультет «Управления производством». Когда же он освободился от армии, то продолжил учёбу, занимаясь там стационарно, посещая все лекции непосредственно в аудиториях Технического университета. Проучившись два года, он получил степень Магистра (или Мастера) Управления производством.

А чем же в это время занимались мы его родители, мама и папа и, конечно же, бабушка, его любимая бабушка Клара? Должен сказать, что мама Девика Марина продолжала трудиться в Морской Агентской Компании, специализирующейся на перевозках контейнеров на различных судах и по различным направлениям. Это занятие непростое, требующее знаний, опыта, напряжённого внимания и работы, которая заключается в том, чтобы контролировать поступление контейнеров с грузом в порт, и надлежащее оформление документации на эти контейнеры и все необходимые бумаги, сопровождающие грузы. После отхода судов из порта, информировать получателей груза о времени их подхода в порты назначения.

Что же касается меня, то после получения довольно серьёзного медицинского вмешательства в процесс моего возвращения в жизнь, в семью и общество, я практически мог заниматься только временной подработкой, подменяя капитанов на небольших судах, используя свой опыт и морские сертификаты, которые я периодически обновлял, проходя за границей необходимые курсы обучения.

В это время у нас в доме появился новый член семьи – Редик. Это небольшая рыжая собачка из породы пинчеров, хулиганистая и озорная, но до чего же она стала для всех нас родной! Теперь у меня стала задача совершать с Редиком ежедневные прогулки по три раза в день, которые мы с ним выполняем регулярно уже пятнадцатый год.

Большим счастьем я считаю, что все эти нелёгкие годы жизни в стране, которая не сразу стала нашей, с нами была наша мама Клара, она же и бабушка Давида. Знать, что по возвращению домой, тебя всегда ожидает родной человек – это важная поддержка в жизни каждой семьи (у кого такая бабушка конечно имеется). Когда в детские годы было необходимо, то бабушка провожала Девика в школу, она же его и встречала. Бабушка, конечно же, не могла ни проконтролировать, ни помочь внуку в выполнении школьных заданий. Иврита она не знала и в ульпан не ходила, но проследить за тем, чтобы ребёнок вовремя поел, позанимался или выполнил домашнее задание по музыке, это было бабушке под силу, у неё было музыкальное образование, а фортепьяно у нас было в доме всегда.

Находясь большую часть времени дома, и с 2000 года, получив пособие по инвалидности, которое я заслужил исключительно героическими испытаниями, которые достаточно успешно на мне проводила все эти годы израильская медицина, я стал членом Дома Учёных Хайфы, где мне поручили стать сопредседателем Дискуссионного Клуба, и Членом Совета Дома Учёных. В мои обязанности входило, вместе с другим сопредседателем Виктором Сыркиным, планировать доклады и докладчиков на предстоящий месяц, в выделенные для нашего Клуба дни. Однако, в связи с далеко не совершенным нашим здоровьем, мы попросили ввести в нашу группу сопредседателей ещё одного члена и нам позволили ввести Вениамина Арциса. Теперь мы этим вопросом занимаемся втроем. Надо сказать, что порой нам удаётся организовать встречи с интересными докладчиками и тогда заседания проходят с большим вниманием и интересом. Порой уровень докладов в различных секциях производят удручающее впечатление. Особенно, когда научные и псевдонаучные темы подкрепляются никому в аудитории непонятными математическими формулами, и это – вместо понятного и внятного объяснения физических процессов или явлений. Математические выкладки необходимы в научных журналах, где они формулами должны подтверждать физические явления или наоборот, подводить учёных к каким-либо новым явлениям. Наш Дом Учёных не Проектный институт и не Конструкторское бюро. Наши учёные могут предлагать

свои разработки или предложения в компетентные научные учреждения, но мы такими не являемся и сами, до сих пор, не научились доводить до сведения необходимого адресата свои предложения. И я прекрасно понимаю, что разработанный мной и предложенный план создания Израильского Транспортного Коридора, представленный вниманию членов Дома учёных и доведенный до сведения Министра транспорта, это неверный способ добиться его реализации и строительства. По крайней мере, если он и был воспринят министром, то был предложен вниманию общественности как его личный план без ссылки на автора. Он это может себе позволить, и, больше того, думает, что он может всё. Израиль – страна эмигрантов. У новых граждан меняются страны проживания, меняются и общественные режимы, а вот человеческие нравы, а скорей безнравственность людей – они интернациональны и безграничны!

Учитывая, что Дом Учёных составляют главным образом люди преклонного возраста, то постепенно меняется контингент активно посещающих наши заседания, и этот естественный процесс его сменяемости иногда заставляет нас подумать о более бережном отношении друг к другу.

Оказавшись в стране «свободного мира», многие из нас даже не заметили, что круг интересов стал расширенным и доступным. Среди моих знакомых мало кто может сказать, что его возможности увидеть разные страны ограничены. За эти годы моя семья побывала во многих странах, да и я, капитан,

как человек, всю жизнь отдавший морским путешествиям, тоже воспользовался такой возможностью, чтобы посмотреть кое-что за рубежом, но уже в качестве туриста.

Работая в системе Торгового флота, я всю жизнь мечтал заняться операциями международной торговли, но уже не как перевозчик и руководитель организации перевозок, а как коммерсант, определяющий конъюнктуру, динамику и уровень рынка, занимаясь его прогнозом, и держа руку на пульсе спроса и предложения. Мне по известной причине, как и многим в стране исхода, в советское время этого добиться было невозможно. Я пытался воспользоваться знакомством и в позитивном понимании протекцией через руководящего работника «Совфрахта», но, как вы вероятно догадываетесь, были причины и обстоятельства, ограничивающие мои возможности, на которые не могли повлиять даже мои влиятельные знакомые. Организовать такого же рода работу уже здесь, в Израиле, как человек, имеющий необходимые в Союзе знакомства, связи и репутацию, имеющий уважительные взаимоотношения с ответственными работниками в СССР и СНГ, я тоже не сумел, но здесь уже по другим причинам. Видимо, имеются какие-то обстоятельства, по которым человек не может вписаться в уже существующую структуру, тем более, сформировавшийся как личность, и не желающий подстраиваться к несправедливым порядкам окружающего его общества. Так и получилось, что я оказался «везде не своим».

В определённом смысле, в лучшем положении оказался наш сын Давид. Имея степень магистра, и хорошее знание английского, он занялся маркетингом и продажей электронного оборудования в компании, его производящей. Практически в каждой стране Европы и стран бывшего СНГ у этой компании были свои дистрибьютеры, с которыми он вёл регулярные переговоры по реализации продукции. Работа требовала регулярных встреч и знакомств с покупателями и разработки с ними дальнейшей стратегии и перспективных планов реализации. Он регулярно имел контакты и встречи со своими дистрибьюторами, находящимися практически во всех странах Европы, странах бывшего СНГ и ЮАР. В принципе эта работа Давиду нравилось, да и заработная плата его удовлетворяла. Но когда появилась возможность попробовать свои силы для получения образования в одном из самых престижных университетов Америки, то он решил проверить эту возможность для себя.

Кроме занятости в Доме Учёных, я был принят в коллектив вокального ансамбля «Гармония», Ансамблю был необходим голос баритонального звучания. Петть вторым или третьим голосом в ансамбле довольно сложно. Изучавшие музыкальную грамоту и умеющие читать ноты могут без особого труда запоминать свою партию, а люди, поющие в ансамбле или хоре, должны воспринимать свою партию на слух и её запоминание занимает больше времени. В таких случаях очень легко сбиться на основную мелодию, звучащую у партии первых голосов. В нашем

ансамбле я один из тех, кто музыкальной грамоте не обучен и поэтому обречён на сложное запоминание. Но другой возможности у меня нет. Ансамбль создавался как исполнитель песен на идиш, но после того как поменялся руководитель, репертуар стал понемногу меняться и сегодня мы исполняем кроме песен на идиш, иврите, русском, у нас в репертуаре прибавились песни на итальянском, испанском, английском. У меня есть мечта исполнить несколько песен на грузинском. Грузинское многоголосье всегда привлекало как слушателей, так и исполнителей. Но сложно было найти ноты и слова из популярного репертуара грузинских романсов. И вот, наконец, ноты одного такого романса мне записал мой молодой друг и дважды земляк композитор Миндиа Хитаришвили. Ноты были записаны для аккомпанемента на фортепиано для двух голосов. Это романс «Мхолод шен этрс» мне действительно очень хочется исполнить, но для этого необходимо ещё подобрать второго исполнителя с первым голосом.

Чем больше думаю о написании повествования о своей персоне, тем больше понимаю, что теперь, уже говоря о себе, мне больше хочется рассказывать о своих близких, и о своих друзьях. Так вот, мне не так давно позвонил старый приятель и предложил возглавить хайфскую организацию беженцев, граждан, которые эвакуировались во время Великой Отечественной Войны из впоследствии оккупированных немцами территорий. Мы должны будем представлять общество, как часть Всеизраильской общины

«Пострадавших в Холокосте». Я давно не занимался такими общественными делами, себе не оформлял документов на получение пособий, хотя наша семья пострадала и очень. После освобождения Киева, мы так и не вернулись в оставленную там квартиру. А мой отец, всегда помня о трагедии Бабьего Яра, просто не мог перебороть в себе чувство горечи от произошедшей во время войны трагедии. Даже, когда мы всей семьёй посетили Киев в 1970 году, находясь в районе Подола, недалеко от бывшего нашего дома, папа попросил приостановить нашу машину, не приближаясь к этому месту. Мы постояли, помолчали, пока папа мне не сказал, «Поехали». Так вот беженцами были мои родители, а мы с моим братом тогда были малыми детьми. Папы и моего брата давно уже нет, они покоятся на кладбище в Батуми, а мама покоится уже здесь на городском кладбище в Хайфе. Только сейчас, прошло несколько месяцев, как я на себя оформил и подал все необходимые документы для получения предназначенных законом привилегий.

Но городской Муниципалитет Хайфы, несмотря на мои обращения в их адрес о предоставлении «Обществу беженцев» рабочего места в здании нашего Дома репатриантов, и обращение к руководству Всеизраильской организации «Пострадавшие в Холокосте» о разрешении открытия счёта в банке нам отказали. Просто не посчитали важным и необходимым выполнение этих просьб. А требование собирать Членские взносы от членов организации, не имея

счёта, я считаю противозаконным. Это обстоятельство вынудило меня отказаться от возложенных обязанностей. И, честно говоря, приняв такое решение, я перестал переживать, нервничать и успокоился. Страшно не люблю, когда на меня возлагают обязанности, несовместимые с возможностью их выполнения. А числиться руководителем «для галочки» мне никогда не было интересно.

А теперь, как пишут в детективных романах, я продолжу повествование о дальнейших событиях, происходящих в нашей семье. Мой сын Давид, после заключения брака и организации «Хупы» и свадьбы с очаровательной и тёплой девушкой Лилей, стал готовиться к сдаче экзаменов в один из самых престижных в мире университетов Соединённых Штатов. После успешного их завершения, он был допущен для проверки знаний английского языка, который он тоже достойно выдержал. Приём моего сына на обучение со степенью Магистра студентом на такую же степень Магистра, но только престижного американского университета и по ускоренной программе, подтвердил Университет в Иеле. В семейном кругу мы отрегулировали финансовые нюансы этого непростого решения. И вот уже Лиличка и Давид отправились в Нью Хевен, где находится Йельский Университет. Давид приступил к занятиям, а Лиля начала проходить интервью по специальности «Программирование» и встала на медицинский учёт в ожидании рождения ребёнка. 19 декабря 2014 года у наших детей родился сын, и наш внук

Адам (Грегори) Давидович Коган. В марте месяце мы с Мариной вылетели, в Америку, в Нью Хевен и увидели своего внука. С тех пор регулярно продолжаем следить за всеми изменениями его всестороннего развития. Естественно, вернувшись домой в Хайфу, мы регулярно общаемся по Скайпу. Пока у Давида шла напряжённая учеба, Лиля благополучно прошла интервью в очень крупной международной компании и была приглашена на личное интервью, собеседование в Сизтл, непосредственно к руководителю проекта. Марине пришлось на несколько дней взять на работе отпуск и вылететь в Америку для ухода за ребёнком. Эта, на мой взгляд, ни с чем несравнимая поддержка дала положительный результат, Лиля была принята на работу, и Марина вернулась в Хайфу. У них появилась возможность взять опытную няню, которая умеет ухаживать за нашим маленьким мальчиком. А у Лили теперь интересная и хорошо оплачиваемая работа.

Новая квартира, в которую мы переселились, находилась на улице Радак №20 «А» и располагалась в старом двухэтажном доме, построенном для английских офицеров в период английского мандата. До нашего вселения мастера выполнили освежающий, «косметический» ремонт. Один из двух балконов, соединили с небольшой кухней, превратили в столовую, предварительно его застеклив. Практически наша квартира превратилась в четырёхкомнатную с балконом.

Год спустя мы начали укрепление и оборудование

крыши над нашей квартирой. Мастера покрыли её плиткой, провели электричество, окружили забором и сеткой и что ещё очень важно отгородили эту территорию забором, установив в нём дверь. За это время Марина регулярно приносила землю с удобрениями и высаживала в горшках цветы. Сейчас эта крыша выглядит как большой сад-веранда. Кроме цветов у нас в саду растут саженцы лимонного дерева, апельсинового, растёт миниатюрное гранатовое деревцо и ёлочка, уже начал виться виноград. Над верандой натянуто два тента, под которыми стоит летняя тройка-салон, два кресла и полу-диванчик, вокруг такого же журнального столика. А рядом с розеткой с выключателем для лампы-фонарика стоит столик, на котором установлена автоматическая кофеварка и электрочайник. Под вторым тентом стоит стол с четырьмя стульями. Рядом с розеткой стоит радиоприёмник. Это описание оборудования крыши нашего дома как место отдыха, выполнено, как говорится, «в одно касание». Преобразование крыши в сад-веранду, улучшило гидро- и теплоизоляцию квартиры, компенсируя отсутствие у нас двора, места для отдыха, прогулок, спортивного комплекса на окружающей дом территории. Но как оптимисты, мы предполагаем, что этот район в ближайшие годы преобразуется в лучшее место для проживания и отдыха. А пока наша деятельность по улучшению быта не заканчивается, и как всё хорошее она должна иметь своё продолжение. Человеческая фантазия как тяга к красоте и совершенству не имеет предела.

И опять у нас в семье радость, 23 августа 2016 года у наших детей в Ванкувере, где они теперь живут, родилась девочка по имени Эмили (Клэр) Давидовна Коган. Теперь мы с Мариной дважды бабушка и дедушка. Это очаровательная девочка, родилась крупным ребёнком с тёмными глазками и чёрными волосиками. Мы уже её любим, и каждый день наблюдаем за её ростом. А Давид продолжает поиски работы, и проходить интервью в интересных для него компаниях. Моя жена уже заказала билет, чтобы лететь в Канаду. Я ей просто завидую. Она обнимет наших детей и, что самое главное, сможет прижать маленькую Эмили и уже поиграть с нашим Адамом. Хочу сделать пояснение, что в обоих случаях имена нашего внука и нашей внучки произносятся с ударением на первый слог. Записывая эти строки, я подумал, что уже достаточно писать опусы «О себе любимом», и пора приниматься за написание книжек «Сказки для внуков и внучек».

Чтобы не возникали никакие сомнения у Тебя, мой любезный читатель, поясняю, я бы тоже мог вылететь вместе с Мариной, но там, в Канаде сейчас от неё больше пользы, это первое, а второе, уважаемый, Ты, наверное, забыл про нашу собачку Редика? А мы о нём забыть не можем, просто не имеем права. Он же у нас член семьи и просто так оставить его мы не можем.



**ЛЕРМАН БЕРТА.
СОРОК ЛЕТ
В АКАДЕМИЧЕСКОЙ НАУКЕ**

Безоблачное детство в белорусском городе Гомель и переезд в 1939-ом году в Брест по месту службы отца, лейтенанта Красной армии. В 1941-ом к нам без всякого объявления ворвалась война – 22 июня в 4 часа начался мощный артиллерийский обстрел города, а около 7 часов утра отец смог нас – маму, меня и маленького брата – вывезти из города на военной грузовой машине. Какое-то время мы провели в военном блиндаже, затем шли пешком с отступающей армией и продолжили путь опять на военной машине. В этот наш единственный день на войне мы пережили и обстрел какими-то людьми нашей машины еще в городе, и бомбежку в чистом поле, и пулеметную стрельбу из низко пролетавших самолетов. И все же остались живы и 23 июня на рассвете добрались до старой границы Западной Белоруссии и СССР. Здесь с нами попрощался отец – он воевал и пропал без вести в сентябре 1941 г. А нас доставили в военный городок под Минском и вместе с другими семьями военнослужащих через несколько дней эвакуировали в Саратовскую область. Через полгода

мы переехали к родственникам в Томск, а в 1943-ем вернулись из эвакуации вместе с военным заводом, на котором стала работать мама. Мы поселились в г. Загорске Московской области и обрели, наконец, постоянное место жительства.

В 1949 г. я закончила школу с серебряной медалью и мечтала поступить на химфак МГУ, но знающие люди мне объяснили, что у меня «не та фамилия». И тогда я подала документы в Московский Институт тонкой химической технологии им. М.В. Ломоносова, но вскоре получила письмо, что в приеме отказано из-за отсутствия общежития. И чтобы поступить, пришлось забыть об этом принюте иногородних и полгода ездить на лекции и занятия из Загорска (70 км. от Москвы), затрачивая 5 час. на дорогу туда и обратно. Мои силы были на исходе, но сработала народная дипломатия, и я все же получила место в общежитии.

Быстро, как теперь кажется, пролетели годы учебы в институте и 7 лет работы на Уфимском заводе синтетического спирта, куда я попала по распределению и «дослужилась» до начальника сектора Центральной заводской лаборатории. В 1961 г. для молодых инженеров-химиков, работавших в Башкирии, появилась возможность поступления в Москве в «целевую аспирантуру» при Институте органической химии Академии наук СССР, в который меня и приняли после сдачи экзаменов. Об этом НИИ я ничего не знала, и лишь позднее поняла, что лучшего выбора я вообще не могла бы сделать; похоже,

что этот институт сам меня выбрал. Там работали ученые с мировым именем – цвет и гордость мировой химической науки, была прекрасная научная библиотека. И без всякого преувеличения можно сказать, что этот институт оказался моим Кембриджем, моим Гарвардом.

Как и все аспиранты, в первое полугодие я прошла курс по технике перевода научной химической литературы с английского языка на русский и в дальнейшем могла свободно читать статьи по своей тематике в иностранных журналах. Мне, инженеру-химику-технологу, пришлось заново осваивать технику лабораторной работы и научиться писать статьи; первые уроки в этом мне преподавал мой замечательный научный руководитель профессор Анатолий Львович Либерман.

И вот были поставлены все сложные и зачастую опасные опыты, написана и защищена кандидатская диссертация, и в 1967 г. я приступила к работе в Институте химии Башкирского филиала АН СССР. Мне этот институт показался захудалым, а предложенная работа совсем неинтересной. Но через несколько лет все чудесным образом переменялось – директором стал академик РАН Сагид Рауфович Рафиков, который пригласил молодых ученых из Казахстана и Новосибирского Академгородка, появилось много аспирантов, была определена новая тематика исследований, и в последующие годы институт был на взлете.

Я перешла в лабораторию, руководителем которой

стал Генрих Александрович Толстиков, молодой талантливый ученый, еще только готовившийся к защите докторской диссертации, а со временем ставший академиком АН РАН. Сфера моих научных интересов определилась как химия каркасных (объемных) и сераорганических соединений. Прежде всего моей небольшой группе было предложено заняться адамантаном – первым из известных объемных структур, в котором 10 атомов углерода расположены так же плотно как в алмазе. Впервые это вещество было обнаружено в нефти чешскими учеными, затем в разных странах началось изучение его химических свойств, однако к началу нашей работы были описаны реакции адамантана с довольно узким кругом реагентов, хотя уже было известно, что одно из аминопроизводных адамантана обладает противовирусным действием и под названием «римантадин» его выпускают (причем до сих пор) в Риге как прекрасное средство против вирусного гриппа.

Чтобы начать наши исследования, нам предстояло еще и «достать» этот самый адамантан, поскольку в СССР как реактив его еще не выпускали. Вместе с тем в Москве с адамантаном уже работали и мне удалось «заполучить» некоторое его количество из рук московских коллег. И однажды нашей группе подарили такие стихи: «Всех дороже и милее нам родной адамантан – симпатичный, симметричный он нам в дар природой дан». И насчет дара это было точно.

В те годы изучение реакций адамантана стало

очень модным направлением, но нам удалось найти свою «нишу». Полученные результаты исследований мы опубликовали в 1971 г. в журнале «Известия АН СССР, серия химическая», а затем в 1972 г. – в международном журнале «Tetrahedron Letters», издающемся в Лондоне. Перевод этого сообщения на английский язык вначале сделала переводчица, работавшая в Институте, но как оказалось, это был типичный перевод несведущего в химии человека. И мне пришлось поработать самой, предварительно изучив стиль этого журнала. Позднее мы еще не раз публиковались в разных зарубежных журналах, и переводы статей на английский язык я успешно делала сама.

В 1974 г. я доложила результаты нашей работы в Киеве на Украинской республиканской конференции «Химия и перспективы применения углеводородов ряда адамантана и родственных соединений» и узнала, что по этой тематике ведутся работы в Москве, Киеве, Вильнюсе, Риге и в других городах. Позднее подобные конференции проводились регулярно в разных городах Советского Союза.

Дальнейшая работа нашей группы была направлена на систематическое изучение новых путей построения полициклических и гетероциклических структур и разработку удобных методов синтеза функционально замещенных каркасных соединений. Особое внимание мы уделили изучению скелетных перегруппировок, которыми часто сопровождаются реакции каркасных соединений. Изученные нами

примеры взаимодействия каркасных соединений с хлорсеросодержащими реагентами позволили обнаружить новые типы реакций и предложить удобные пути перехода от доступных соединений к различным новым соединениям каркасной структуры.

На одном из этапов нашего исследования мы приступили к изучению реакционной способности адамантилиденадамантана – соединения, в котором двойная связь включена в жесткую полициклическую систему; это соединение привлекло внимание физиков, поскольку под действием энзимов из него генерируется неустойчивый интермедиат, распад которого сопровождается яркой хемилюминесценцией, что находит применение как метка в биологических исследованиях. Прежде всего, мы усовершенствовали способ получения этого уникального соединения, доведя его выход до 98 %. Сведения об этом способе были напечатаны в международном журнале «Synthetic Comm.» (1991). Затем мы ввели этот алкен в реакцию с двуххлористой серой. И здесь нас ожидал большой сюрприз – реакция проходила необычно, приводя в определенных условиях к каркасному эпитиосоединению, строение которого было подтверждено всеми доступными нам методами. Краткое сообщение об этой новой реакции в виде письма в редакцию было отправлено в журнал «Известия АН СССР, серия химическая», однако в публикации было отказано, так как рецензент усомнился в строении описываемого соединения. И тогда пришлось прибегнуть к тяжелой артиллерии – рентгенострук-

турному анализу, который был выполнен в Москве в Институте элементоорганических соединений АН СССР и полностью подтвердил предлагаемую нами структуру. Мы опубликовали эти результаты вначале в журнале «Tetrahedron Letters» (1980 г), а затем и в «Известиях АН СССР» (1982 г).

По прошествии еще нескольких лет руководитель лаборатории Г.А. Толстикова как-бы невзначай спросил меня, не собираюсь ли я обобщить полученные результаты. Вопрос застал меня врасплох, я даже сразу не поняла, что речь идет о докторской диссертации, но позднее засела за автореферат. Когда я показала его шефу, он все одобрил, но был очень сдержан и мне показалось, что он рассчитывал на мой отказ. И тут началось – одна сотрудница института, узнав от меня, что я работаю над диссертацией, в сердцах воскликнула: «А как же титульная нация?». Меня обошли приглашением на Международную конференцию в Москве, хотя ранее мой доклад был принят; на конференцию я все же поехала. Более того, мне предложили написать солидную книгу по материалам других групп, но затем вопрос отпал, хотя я уже потратила немало времени. И еще настойчиво предлагали возглавить какой-то важный проект, связанный с промышленностью. Я понимала, что меня хотят отвлечь от работы над диссертацией и решила не сдаваться; и, как ни странно, мне это удалось.

В ноябре 1987 года в Киеве я защитила докторскую диссертацию на тему «Новые реакции хлорсеросо-

держащих электрофилов и скелетные перегруппировки в синтезе и превращениях (гетеро)каркасных и гетерополициклических соединений». Защита проходила в Институте органической химии Академии наук Украинской ССР и прошла успешно.

Как это принято, в начале моей диссертации был представлен литобзор на тему «Скелетные перегруппировки каркасных соединений со средними циклами». В 1991 году этот обзор был напечатан в журнале «Успехи химии».

В моей группе продолжалось изучение реакций в ряду замещенных адамантилиденадамантанов и адамантилиденнорборнанов и по полученным результатам еще одна сотрудница защитила кандидатскую диссертацию. А мне предложили стать ученым секретарем впервые образованного при Институте совета по защитам докторских диссертаций. В то же время я продолжала научную работу и подготовила обзор на тему «Каркасные и полициклические пространственно затрудненные алкены», который был в 1994 г. послан в журнал «Успехи химии». Как ни странно, но на этот обзор поступил отрицательный отзыв; его написал молодой химик, работавший в совершенно иной области. Обзор передали другому рецензенту, и он написал лишь одно слово — «печатать». Обзор напечатали в 1995 г. и на него стали охотно ссылаться. А совсем недавно, уже проживая в Израиле, в один прекрасный день, включив свой домашний компьютер, я заметила закладку «Из книг по химии», а когда кликнула, то узнала, что этот об-

зор включен в Электронную энциклопедию по органической химии. На другой день из Уфы по скайпу мне позвонили мои прежние сотрудники; они тоже узнали эту новость. И теперь полный текст этого обзора представлен в трех местах Интернета: в Электронной библиотеке, в моих трудах по химии и в разделе «Диоксетаны».

В 1995 г. мне предложили работать в Башкирской академии наук и до конца 2000 г я была ответственным секретарем журнала «Вестник Башкирской академии наук». Но химию я не оставляла, и в 1997 г. в журнале «Успехи химии» был напечатан мой третий обзор под названием «Скелетные трансформации гетерокаркасных соединений, затрагивающие гетерофункцию».

Всего за время моей научной работы было подготовлено и опубликовано в зарубежных и отечественных изданиях 3 обзора, более 32 статей и сообщений, получено 9 авторских свидетельств на изобретения. Я принимала участие в работе 12 научных конференций и выступала с докладами на Украинской республиканской конференции в Киеве (1974 г.), на международной научной конференции по органическим синтезам в Москве (1986 г) и на международном симпозиуме по химии органических соединений серы в Риге (1980 г), а также на других конференциях, проходивших в Киеве, Риге, Ереване и Волгограде. Трое сотрудников моей группы стали кандидатами наук.

Обобщая итоги моей научной деятельности в об-

ласти органической химии, не могу не сказать о моем научном руководителе Генрихе Александровиче Толстикове. Как сейчас общепринято считать, за годы своей работы в Институте органической химии Уфимского научного центра РАН (1968 – 1993 гг.) он стал создателем и лидером крупной научной школы уфимских химиков-органиков. С 1993 г. и до своей смерти (2013 г.) он работал в Новосибирском Институте органической химии Сибирского отделения РАН. За все время научной деятельности Генриха Александровича докторами наук стали 30 его учеников. И я горжусь тем, что также вхожу в это число.

В Израиль я репатрировалась в феврале 2001 года и уже через месяц стала работать в Технионе как научный сотрудник на стипендии Шапиро. А через 2 года ушла, как говорится, на вольные хлеба – увлеклась природой Израиля и стала писать эссе об исторически знаменитых библейских растениях, а также знакомить с ними слушателей на заседаниях Дома ученых Хайфы.



МОГИЛЯНСКАЯ ЕВГЕНИЯ. ИЗ РОССИИ (С-ПЕТЕРБУРГ) – В ИЗРАИЛЬ

Мои родители Могелянские – Михаил Наумович – авиационный инженер и Мариам Мовшевна – химик технолог. Во время войны папу эвакуировали из Ленинграда с военным заводом в г. Чкалов (сейчас называется Оренбург).

Мама родилась во Франции, в Тулузе в 1913 году, когда её папа учился в университете на химическом факультете. Маму спросили, когда она устраивалась в г. Чкалове на тот же военный завод: “Тулуза? Тульской губернии?” Мама промолчала. И её тоже взяли на работу.

Родилась я 15 июля 1944 года в Раменском (Московской обл.), когда родители возвращались из эвакуации в Ленинград, и папа временно работал на аэродроме “Раменское”, а в сентябре семья вернулась в Ленинград уже со мной – двухмесячным ребенком.

Учёбу в школе (№ 299, у Пяти углов) совмещала с большим количеством разнообразных кружков: спортивная гимнастика, плавание, а также во Дворце пионеров: художественного слова, балльных танцев, конструкторский и др. В пятом классе была чемпионкой

школы по шахматам, а в восьмом – председателем совета дружины. Закончила школу в 1961 году с серебряной медалью. Все школьные годы считала, что буду инженером, но в 10-м классе мне понравилось помогать всем одноклассникам готовиться к выпускным экзаменам. В итоге поступила в педагогический институт (ЛГПИ им. А.И. Герцена) на математический факультет. В ЛГУ на матфак евреев практически не принимали. Типичная причина – “не раскрыта тема сочинения” на экзамене по литературе.

Все студенческие годы была отличницей, ленинским стипендиатом. На 4-м курсе в 1965 году вышла замуж за однофамильца Могилянского Александра – международного гроссмейстера по международным (стоклеточным) шашкам.

После окончания аспирантуры в 1969 году по распределению уехала в Елабугу, но через 6 месяцев ушла в декрет и вернулась в Ленинград. Когда сыну исполнился год, развелась.

Диссертацию на соискание степени кандидата физико-математических наук защитила в 1972 году. Основным результатом диссертации– решение проблемы Тамуры опубликовали в американском математическом журнале *Semigroup Forum*, хотя тогда уже работала на кафедре высшей математики ЛИАПа (Ленинградский Институт аэрокосмического приборостроения), одного из самых “секретных” и антисемитских ВУЗов Ленинграда. Работала там доцентом почти до 70 лет, чуть меньше 45 лет. Очень любила читать лекции и вести практические занятия.

Теперь наш ВУЗ называется ГУАП (Государственный университет аэрокосмического приборостроения). Некоторое время преподавала высшую математику ещё и студентам Иерусалимского университета, которые 2 года учились в Ленинграде, а третий и четвёртый курсы заканчивали уже в Израиле.



На последней лекции в ГУАП

Больше полувека была участником полугруппового научного семинара и ежегодных конференций “Герценовские чтения”, в том числе и международных.

Создателем теории полугрупп считается мой научный руководитель Евгений Сергеевич Ляпин – учёный с мировым именем, автор первой монографии “Полугруппы”, вышедшей в 1960 году. Более полусотни его учеников живут и работают сейчас во многих странах, в том числе, в Америке, Израиле, во мно-

гих городах России.

В январе 2013 года, в возрасте около 70 лет, приехала в Израиль, а родители и сестра с племянницей – в апреле 1990 года. Приехать раньше считала невозможным для себя, так как понимала, что в “солидном возрасте” освоить язык (основной “инструмент” преподавателя) так, чтобы преподавать в ВУЗе, у меня не получится. (К тому же “энергетика Ленинграда” не отпускала.) Приехав в Израиль, не прекратила научную деятельность. В 2014 г. по скайпу делала сообщение на конференции в честь 100-летия моего научного руководителя Ляпина Евгения Сергеевича.

В марте 2016 года выступала на конференции, которая проходила в университетах Тель-Авива и Иерусалима и была посвящена 90-летию уникального математика Бориса Исааковича Плоткина (эмигрировавшего из Риги).

Недавно узнала, что мой научный результат – решение проблемы Тамуры – включён в учебник “Finite semigroup and universal algebra”, Jorge Almeida, World Scientific. Series in Algebra. Американский математик Тамура (японского происхождения) сформулировал вопрос: существуют ли неизоморфные полугруппы с изоморфными глобальными полугруппами (полугруппами всех непустых подмножеств относительно поэлементного умножения подмножеств). Долгие годы многие, в том числе и я, публиковали результаты, в которых из изоморфизма глобальных полугрупп следовал изоморфизм самих полугрупп. В 1972 году мне удалось построить бесконечное множество неизо-

морфных полугрупп с изоморфными глобальными.

Являясь членом “Клуба учёных “ Нагарии с первых месяцев после приезда (с 2013 года), сделала ряд докладов. Очень сожалею, что заседания в ДУХе (Дом Учёных Хайфы) проводятся в то же самое время, что и у нас, в “Клубе учёных” Нагарии. Поэтому приезжать в Хайфу удавалось очень редко. Рада, что присутствовала на заседании в честь 15-летия ДУХа. Пригласила с докладами к нам в Нагарию. Оставлена заявка на моё выступление в ДУХе ещё в 2015 г.

Всю жизнь мечтала водить машину. Но только на 6-м десятке получила водительские права и смогла купить первую машину (старенькую “пятёрку” – “Жигули”). Вот уже скоро четверть века “в булочную – на машине”. В 90-е годы с удовольствием работала волонтером-водителем в хэсэде в Ленинграде. Девиз хэсэда – “все евреи ответственны друг за друга” – прекрасно сочетался с моим -“чем могу – помогу”.

Не имея в семье “правильного еврейского воспитания”, немного компенсировала, принимая активное участие в жизни замечательной благотворительной еврейской организации “Хэсэд Авраам”.

В Израиле с первых дней искала и нашла “ волонтерскую работу”. Удалось организовать 4 бесплатных кружка для пенсионеров. Расширялся круг общения не только по ульпану, но и по экскурсиям, кружкам, концертам и др. Познакомилась и общаюсь со многими очень интересными людьми.

В первые месяцы подтвердила водительские права, что в Израиле женщине в 70 не совсем тривиально.



Так что езжу не только на велосипеде, но и на машине. “Ситроен Ксара”, купленной по цене велосипеда.

Замечательный климат Израиля и жизнь в дивном городе Нагария позволяют мне купаться ежедневно круглый год !

Хочется заметить, что эмиграция в 90-е годы была “внешней”, а у тех, кто в России остался тогда - “внутренней”. Жизнь в России кардинально поменялась. Когда уезжали 26 лет назад и более, казалось, что уезжают “навсегда” и никогда не увидятся с теми, кто остаётся.

Теперь, при наличии современных способов связи, нет такого резкого “отрыва” от остающихся родных, друзей, от страны, из которой уезжают.

И в заключение. Хочется быть полезной своей замечательной новой родине.

Ноябрь, 2016 г., emogil@mail.ru



НАДЕЛЬСОН СВЕТЛАНА. О СЕБЕ

Родилась я 31 июля 1951 года в городе Иркутске, в Восточной Сибири.

Мои родители преподаватели. Мама, Людмила Соломоновна Каплан – Княжанская (8.03.1923 – 4.02.1966гг), родилась в Леккерте (еврейское местечко около города Кривой Рог Днепропетровской области) – преподаватель русского языка и литературы, директор школы. Во время войны была в эвакуации, переехала в 1950 году в город Иркутск в связи с замужеством. Мама была очень чуткая, добрая и хорошая женщина. К Сибири она привыкнуть не смогла и страдала вдали от родных и близких. Жила письмами и редкими поездками на родину.

Отец Каплан Ефим Вульфович (19.03. 1919 года – 4.11.1967гг), выпускник Иркутского Института иностранных языков, преподаватель немецкого языка в техникуме. Прошел войну, плен, побег из плена. Не любил вспоминать пережитое. Родители – хорошие люди, но не были счастливы друг с другом.

Есть сестра родная, Лариса Винокурова-Каплан (родилась 29 июня 1955 г., в городе Иркутске), врач

по образованию, живет в городе Иркутске с мужем, Александром Винокуровым.

Я склонна к постоянному анализу. Беру на себя всегда больше, чем успеваю сделать. Только одно кончается, как другое начинается.

Общественницей была всегда. Но близких и понимающих меня людей почти нет. Временами веду «дневник жизни». Любознательна. Люблю учиться. Читать. И делиться всем, что знаю. Сама преподавала в университете.

Занималась научной работой (но не глубоко, так как темы моего исследования были мне самой не интересны; и вуз экономический не тот закончила, что был бы мне по душе).

Работала научным сотрудником лаборатории социальных исследований при Институте иностранных языков имени Хо Ши Мина, где и преподавала.

Участвовала в составлении планов социального развития Братской и Усть-Илимской ГЭС, их лесопромышленных комплексов, а также других крупных предприятий Сибири. Были частые научные командировки в Москву, Новосибирск, Ленинград.

Потом, в связи с замужеством (муж, Надельсон Александр, родился 13 июня 1950 г.), переехала в город Владикавказ. Здесь в Высшем зенитно-ракетном училище и университете имени Коста Хетагурова много лет, вплоть до репатриации в 2000 году, преподавала такие дисциплины, как политэкономия, менеджмент, маркетинг. Мною написано более 25 научных работ и диссертация.

Всегда любила учиться и училась много. В школе ниже пятерки у меня даже текущих оценок никогда не было. В Иркутске закончила математическую школу с золотой медалью. Ее директор Дриц Иосиф, рекомендовал мне – победительнице многих исторических олимпиад, поступать на исторический факультет университета. Но я всегда «витала в облаках», и, когда мы с мамой пошли отдавать документы в какой-либо вуз, то по пути от педагогического института до университета попался Институт народного хозяйства, где нас уговорили подать документы.

После первого курса я поняла, что все это не по мне. Но, когда к декану пришла забирать документы, то он уговорил остаться: «Да мы ведь на тебя, Света, уже послали документы – будешь ЛЕНИН-СКОЙ СТИПЕНДИАТКОЙ. А когда закончишь институт, то сможешь быть преподавателем по любой дисциплине, что проходишь.»

И вот я, закончив с отличием сей вуз, выбрала самую непонятную, абстрактную науку из всех «экономик» – политическую экономию. Преподавателем вуза по ней и проработала 26 лет. Я делилась со студентами всем, чем жила, использовала в преподавании художественную литературу. Организовывала разные эксклюзивные мероприятия.

В свое время проходила стажировки, курсы повышения квалификации преподавателей общественных наук при Киевском университете и т.п.

Закончила аспирантуру при кафедре политической

экономии Московского педагогического института имени В.И. Ленина. Прошла успешно предзащиту кандидатской диссертации, но защитить ее не успела (а уже была дата назначена), так как развалился Советский Союз, и моя научная тема «Социальное планирование в условиях. ...» стала более не актуальной.

В другой области могла бы более проявить себя. Саша (супруг) говорит, что во мне пропала «большая актриса»... Отзывчива. Эмоциональна. Всегда всем готова помочь, даже когда не просят: не равнодушная. Собой во многом не довольная. В то же время – оптимистка; довольствуюсь имеющимся малым.

В Израиле закончила несколько курсов, в том числе Туристическую школу при Хайфском университете. Имею свидетельство Министерства туризма.

Работала и на всяких непрестижных работах: метапелет, уборки. Бывало, утрами открываешь глаза, чувствуешь себя рабыней, и думаешь: где я, что со мною. Бывало, что у меня было более 10-ти работодателей, и перебегала с одной работы на другую. Весь день, кроме краткого ночного сна и восстановления сил. При этом с минимальной оплатой труда. Плюс всегда учеба: иврит, разные познавательные лекции. Уже после Второй Ливанской войны я увлеклась туризмом. Большую роль здесь сыграл Александр Непомнящий, публицист, общественный деятель. Меня поддержали Роман и Инна Чернявские. Инна –замечательный экскурсовод от Всевышнего. Три года я работала с ними, организовывая некоторые их поездки.

С 2009 года я создала свой Проект «По тропам еврейского мира». Занимаюсь в настоящее время просветительской деятельностью. Организую разные эксклюзивные мероприятия. Выступаю также в роли гида, ведущей группы «подруг -Тхия – Возрождение» и т.п.

Имею двух детей. Сын, Каплан Хаим, родился 12 октября 1977 г. в городе Иркутске. Я дала ему имя Эдик, по приезду в Израиль – стал Хаимом. Он помнит, любит своего деда, моего отца, Каплана Ефима – Хаима. Теперь сын живет со своей семьей в Бейт-Шемеш, под Иерусалимом. У него замечательная жена Юдит и четверо сыновей 17, 15, 9 и 7 лет. А совсем недавно у них родилась и долгожданная дочь.

Сын с 15-ти лет постоянно учился в религиозных школах, преподавал Талмуд, иудаику. Теперь – второй год он учится в городе Иерусалиме на медбрата в Институте Махон Лев, получает высшее образование.

Моя дочь, Надельсон Эмилия, родилась 25 декабря 1989 года в городе Владикавказе Северной Осетии. В Израиле она закончила Академию музыки при Тель-Авивском университете. Третий год – преподаватель фортепиано.

Дети у нас очень хорошие: скромные, родственные, любящие учиться, близкие нам душою... И внуки – хорошие. Всем им хочется пожелать доброго здоровья, мирной жизни и счастья на этой Богом данной Земле!



НЕЙМАН ДАВИД. ВОСПОМИНАНИЯ

Родился в г. Одесса 2 июля 1929 года.

Я выпускник Советской школы. Прошел, соответственное возрасту, октябрятское, пионерское, комсомольское “образование”. В сознательной жизни отмечу отдельно – комсомол. Это период моей учебы в институте, где на рядовом, комсомольском, уровне проводилась интересная для нас работа. Мы прошли школу коллективизма в разных вариантах: воспитательном, гражданственном, трудовом, учебном, самодеятельном и других проявлениях.

Утром, 22 июня 1941 года, война застала нас с отцом в городе Ляховичи, Барановической области Белоруссии, в гостях у моего дяди. Отец не виделся с братом с 1922 года. Меня с папой около 12 часов посадили на грузовую машину с беженцами. Въезд в Минск до глубокой ночи, был закрыт... – город бомбили. Мы видели горящие самолеты на аэродроме. С пересадками 24 июня вернулись в Одессу. 8 августа, вечером, погрузились на теплоход. Утром 9 июня – Херсон... Пересадка на открытые платформы... Дальше – Днепропетровск, Армавир, Станица Ла-

бинская, Куйбышев, Ташкент, 8 сентября – Фергана. Получили на подселении у хозяев-узбеков одну комнату.

После первого урока в школе, получив первый раз в жизни “жидовская морда”, ушел из 7-го класса школы. Пошел работать (необходима была рабочая хлебная карточка). Работал ткачом, ткал головные платки. Окончил экстерном школу в 1946 году. Прошел конкурс и поступил в Ташкентский медицинский институт, который окончил в 1952 году. С первого по пятый курс включительно, каждый год с октября по декабрь у всех студентов Узбекистана был трудовой, дополнительный, семестр – уборка хлопка, борьба за урожай! Жили мы в конюшнях, в коровниках. Спали на соломе. Там я освоил верховую езду. С огромного поля нужно было от сборщицы хлопка везти хлопок на сборный пункт. Весь день в седле... Выработалась кавалерийская походка... Научился обращаться с лошадьми: седлать, запрягать, треножить, арканить из табуна... Мне подарили офицерское седло. Так я с ним не расставался. Ночью использовал вместо подушки.

Ещё была у меня дополнительная нагрузка – снабжать кухню топливом (это я делал с утра). Забирался на высоченный ветвистый тополь, срубал и отпиливал сухостой. Никого вокруг нет, солнце, птичьих голоса... сам, незаметно для себя, начинал насвистывать, петь. Поэтому мне присвоили кличку “птенчик”. Эту кличку мне было особенно приятно слышать через 35 лет, на очередной встрече вы-

пускников. Мирьям очень удивилась, услышав её.

По окончании института я по распределению попал на Турксиб ж.д. Так как я окончил санитарно-гигиенический факультет, то меня назначили (сразу...!) начальником санитарно-эпидемиологической станции на станции Луговая (120 км. от гор. Джамбула, 400 км. от гор. Алма-Ата и в 150 км. от гор. Фрунзе). Титул, обязанности, ответственность.

Надо отметить, что я с детства мечтал быть хирургом. Подавал заявление на лечебный факультет, но встретив одноклассников по 9-ому классу, переписал заявление. Мне ребята объяснили, что много хирургов работают в институтских клиниках, также выпускники санитарного факультета..., а так, в своей компании, лучше... Запрет работы в лечебной сети вышел, когда я занимался на 4-ом курсе. Успешно пройдя конкурс, я был зачислен студентом 2-ой группы санитарно-гигиенического факультета в 1946 году. Одновременно с занятиями в институте я работал мастером ткацкого цеха до окончания 3-его курса. С этим совместительством я справлялся. Правда, приходилось недосыпать, уставать. Но кто в молодости обращает на это внимание? После окончания 3-го курса я уже начал работать как медбрат. Использовал любую возможность чтобы присутствовать на операциях.

Особенно врезалось в память утро 6 октября 1946 года, когда, вместо занятий в институте, большинство студентов были направлены в аэропорт Ташкент для приема пострадавших во время ночного

землетрясения в Ашхабаде, происшедшего в 1 час, 14 минут (время московское) или 4 часа, 14 минут местного времени. Непрерывно пребывали самолеты с пострадавшими. Носилок совсем не было. Травмированных, вместе с наваленной на них штукатуркой, дранкой, глиной (крыши одноэтажных домов покрывали толстым слоем глины), на кроватных сетках, на матрацах или на дверях заносили в самолет... Травмы всевозможные... Оказав необходимую помощь (иммобилизация, перевязки, контроль жгута и др.) на машинах скорой помощи и на открытых грузовиках, травмированных направляли в больницы. Со слов летчиков, пострадавших эвакуировали и в другие крупные города.

За время студенческих дежурств (в то время моя хирургическая клиника дежурила по городу 1 раз в 5 дней) запомнились отдельные случаи. Операция АППЕНДЕКТОМИЯ. Наркоз масочный, эфирный через маску Эсмарха. Пациентка – бывшая дворянка, преподаватель литературы, в стадии “возбуждения” при наркозе “выдала” такую “родную речь”, услышав которую даже старые боцманы и старшины покраснели бы... Эта учительница, жена офицера, большую часть своей жизни провела в военных гарнизонах...

Или – запущенный ПАРАПРОКТИТ. Больного доставили ночью по “скорой”. В ожидании осмотра коляска, на которой он находился, стояла около перил лестницы. Больной метался от боли. Когда, вскорости, к нему подошли, то увидели его распластанным

вниз головой, верх ногами на этих перилах лестницы. Эта поза уменьшила ему боль...

Однажды, во время практического занятия по хирургии, сообщили, что поступает юная девушка, которая с целью самоубийства проглотила пачку швейных иголок..., предположив, что её ждет мученическая смерть, и, уже испытывая множественные “проколы” в животе, она вызвала “скорую помощь”... Наш преподаватель, доцент Гафуров, умница, психолог смог успокоить панику у больной, вызвал у неё улыбку, и разъяснил, что она в надежных руках, и при первом же явном признаке опасности у нас есть возможность её ликвидировать. С момента иглоглотания прошло больше двух часов. На рентгенобследовании было видно, что иголки по очереди проходят по двенадцатиперстной кишке. Снимки показали пациентке, объяснив, что ей придется самой, в своем кале выискивать иголки. Так это и произошло. Без всякого вмешательства иголки за 2 суток вышли самостоятельно... Эта девушка поняла ЦЕНУ ЖИЗНИ! А биологически, почему не была проколота стенка кишки, вполне объяснимо. Можно постоянно наблюдать прохождение дождевого червя или гусеницы, или пиявки по лезвию бритвы, не повреждая своего тела... ТАК УСТРОИЛА ПРИРОДА!

В 1956 году ко мне обратился пациент с жалобами на неприятные ощущения в области заднего прохода. При осмотре была обнаружена большая реберная рыба кость, от рыбы (вобла), которую он запивал

пивом. Острие этой кости уперлась в анулярный безмышечный, участок прямой кишки. Что в этом случае интересно: кость, пройдя сильно разбавленный желудочный сок, не декальцифицировалась....

Итак, 24 июля 1952 года, после оформления во Врачебно-санитарной службе (ВСС) Турксиба, я прибыл к месту назначения на станцию Луговая (координаты описаны выше). Прежний начальник СЭС, Панна Ивановна Пивоварова, уже два года ждала смены. Она перешла на лечебную работу (начмед. больницы). Так что я был желанный.

Штат СЭС:

1. Начальник – 1 ставка;
2. Эпидемиолог – 0,5 ставки;
3. Помэпидемиолог – 1;
4. Помсанврача – 2
5. Бухгалтер (Михаил Яковлевич Сиротин) – 1;
6. Старший дезинфектор (Кравченко) -1
7. Дезинфектора -2;
8. Конюх-возчик (Александр Карпович Гладченко) – 1;
9. Секретарь -1;
10. Деда- кочегары – 3;
11. Ночной сторож – пьяница с собакой – 1;
12. Секретарь парторганизации, совместной с больницей (хотя в больнице был только один член партии), он же разъездной фельдшер – Богатырев – 1, крепко любил выпить;
13. На ст. Луговая был СКП (санитарно-контрольный пункт) во главе с Пьянковым, толковым, трезвым санитарным фельдшером + 4 сменных

сан. фельдшеров. Их обязанность – проверять все пассажирские поезда.

14. На ст. Мерке, 40 км. от ст. Луговая, был противомаларийный пункт.

15. 2 лошади: Арка и мерин Орлик. Арочка нам 4 марта 1953 года подарила Мартика, которого я баловал, за что получал нагоняй от Александра Карповича.

16. Баклаборант.

На вооружении СЭС был мощный пристанционный санпропускник, с сухожаровой камерой. За год лимит угля – 150 т. А также были: передвижная сухожаровая камера, “сан-бак-лаборатория” в проходном коридоре, с керосиновым термостатом.

В течение нескольких дней ознакомился с обстановкой, и со мной знакомились – персонал СЭС и больницы и, особенно будущие подшефные (ОРС, ресторан, сады, школа, учреждения ЖКК и др.). До предоставления постоянного жилья определили на постой в гостиницу поездных бригад. Питание в вокзальном ресторане. Директор ресторана стремился меня взять на довольствие... Но, в борще часто попадались “пережаренный лук”, попросту говоря обычные мухи. Чтоб доказать, что я ошибаюсь, директор ресторана съел выловленную муху... И даже не улыбнулся... По эпидобстановке я не мог допустить этих нарушений. Да об этом речь впереди!

На 2 августа 1952 года, в субботу вечером, воскресенье и на ДЕНЬ ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНИКА, был назначен официально (на местном уровне) день приема-сдачи...Присутствовало всё руководство

станции во главе с узловым парторгом, вся медицина и санслужба – около 50 человек. Привезли ящики пива (особый дефицит на станции, но разведка донесла, что я водку запиваю пивом...) и «московской особой», о толковой закуске позаботились сотрудники. Подобные застолья здесь привычны... Для меня было ново то, что пили не из рюмок, а из тонких 250 гр. стаканов и закусывали столовой ложкой домашнего сливочного масла. Когда я, после соответствующего тоста, спокойно, после стакана водки, запил стаканом пива и заел маслом – был вопль: “наш человек!!” В дальнейшем я был хозяином стола. Выволакивал из-под стола и передавал для отрезвления нуждающихся в этом спецперсоналу. За столом остались начальник станции Яков Емельянович Левшин, начальник паровозного депо Пряхин и начальник восстановительного поезда Сурганов. Мы решили: хватит наливаться! На другое утро на опохмелку не пошел, не нуждался, очень удивив приглашавших.

Санэпидобстановка: сплошная дизентерия. Частые случаи дифтерии и носительства палочки Люфлера (дифтерии), скарлатины. Несколько случаев брюшного тифа. Ожидается очередная эпидемия кори. Почти 100% завшивленность казахского населения... Редкие случаи малярии. Много случаев гонореи. Туберкулез, особенно, среди чеченского населения. Несколько случаев бешенства среди животных. Страшная антисанитария! Незакрытые свалки. Тучи мух, оккупирующих пищевые предприятия. Отсутствие промышленных холодильников. Ледники, ле-

том без льда... Пищевое предприятие можно найти по запаху испорченного мяса...

Среди прочих первоочередных дел я взялся за сан. бак. лабораторию. Моим соседом по гостинице оказался начальник стройбата, строившего военный учебный аэродром. Кроме других, интересующих меня и его вопросов (помывка для солдат и пр.), я выяснил, что в топку полевых кухонь идет архидефицитный строевой лес.!!! Мы договорились, что я ему из своего громадного лимита отправлю нормальные дрова, а от него буду брать строевой лес. Я сразу смог отправить полувагон (60 м3) дров. Со своими «дедами» я договорился, что они по моим чертежам построят здание – лабораторию. Здание будет из «лампача» (саманные кирпичи) 40 × 20 × 20 см. Они, мастера на все руки, за 1,5 месяца всё выстроили. Я с ними, не скупясь, рассчитался «дровами» – то есть лесом, «сороковкой». Начал оборудовать лабораторию... Наш бухгалтер, фантастически честный человек, заявлял, что это незаконно... Как без утвержденных документов что-то строить... Грозил, что у меня будут неприятности... Но мне 23 года, у меня печать и право «первой подписи» и т.д. – мне «было море по колено...» За время строительства из ВСС приезжали руководители отделов. Похваливали меня за активность в работе, но никто не спросил, «где документы?» В конце декабря 1952 года явился с плановой проверкой фининспектор ВСС. В неформальной обстановке он был приятелем нашего бухгалтера. Также – фанатик бюджета. Также – фантастически честен. Также бывший фронтовик.

Также завзятый рыболов-охотник. Но..., во время ревизии ... спал в конторе на столе, питался в столовой. А все вышеприведенные качества откладывались на 2-3 дня, в счет отпуска, после ревизии... Так он, приехав ранним утренним поездом, до начала нашей работы, увидев выстроенное здание, как только я появился, задал мне вопрос – “ДОКУМЕНТЫ?” я, пожалуйста, представил ему годовой бюджет, где были указаны, в графе “текущий ремонт”, несколько сот израсходованных рублей на покупку гвоздей, извести, мела, краски... на все расходы были квитанции... и мною выполненный “чертеж” дома. Надо было на него посмотреть! На лице сменился весь набор эмоций. Он даже потерял очки... Хохот усиливался, когда я, в очередной раз показывал на строку в годовом бюджете... Короче. Если бы я на станции в быту не был бы прозрачен, если бы все заинтересованные и незаинтересованные службы не были уверены, что я не взял себе ни щепки, ни гвоздя, и не было никакого урона государству, я бы, кроме похахатывания и похлопывания меня по спине, получил бы хорошую СТАТЬЮ... А к зиме хотели бы со мной расправиться большие люди, вплоть до прокурора отделения дороги. Однажды на совещании он высказался так: ... “Там, на Луговой, есть начальник, который не дает работать ОРСу и другим...”.

Ко времени ревизии у меня был неплохой актив: значительно снизились дизентерия и брюшной тиф, исчезла дифтерия, резко сократилась смертность от кори и другие плюсы...

Интересные события развернулись на самой станции Луговая. В середине января 1953 года я получил сообщение, что на ст. Мерке (40 км. от Луговой) – случаи сыпного тифа. Дело в том, что на ст. Мерке отдыхают наши поездные бригады. А, как я уже отмечал, что среди казахского населения 100% завшивленность. ЭТО ЧРЕЗВЫЧАЙНАЯ ЭПИДЕМИОЛОГИЧЕСКАЯ ОПАСНОСТЬ!!! На очередном оперативном совещании при узловом парткоме я доложил о своих соображениях и предложениях. Вдруг встает новый начальник КГБ и с ехидством меня спрашивает: “Как это так, что через 35 Советской власти у ВАС 100% завшивленность? ВЫ ЧТО?!” А за пару дней до этого в газете ”Правда” и по радио все время шли сообщения о разоблаченных врачах-евреях, убийц в белых халатах и др. сообщения... Проводились митинги... Я со всеми возмущался... Но, когда я на этом совещании почувствовал обращенный ко мне вопрос,... я не растерялся, попросил разрешение выйти. Через дорогу была школа. Я зашел во второй класс, казахский, положил на учительский стол лист белой бумаги и попросил положить на него самую большую вошь...! Сказав, что кто положит самую большую, тот будет молодцом. Здесь надо сказать, что я в школе пользовался непрекаемым авторитетом (впервые провел поголовный медосмотр, выявил и направил на лечение многих больных и т.д.) Через несколько минут я вернулся на оперативку, поставил на стол ведущему половину пенициллинового флакона, еще копошащихся

вшей... Это был эффект разорвавшейся бомбы! Первый вопрос: где ты это взял?! Я дал адрес... Результат – были мобилизованы все силы и средства. За сутки весь станционный поселок и жители, прилегающие к ж.д., были помыты и вещи их прожарены в стационарной и передвижной сухожаровых камерах. Сыпной тиф к нам не прошел!

В конце января 1953 г. я имел чем отчитаться за работу. Вопрос со строительством лаборатории перешел в анекдот. Хотя я был единственный на дороге еврей начальник, никто на меня косо не смотрел. Руководители всех подразделений Врачебно-санитарной службы относились ко мне хорошо, особенно начальник отдела кадров (бывший земский врач, прошедший фронт, по основной специальности врач отоларинголог) – Сычкарь. Он во мне нашел внимательного слушателя. Сколько я узнал методов лечения, интересных случаев из врачебной практики!

Главный хирург Службы, он же секретарь парт. организации Службы – Брук Александр Маркович, узнав, что я хочу работать хирургом, взял надо мною шефство.

Я не мог ужиться с Начальником нашей линейной больницы Сахаровым, Иван Ивановичем, хотя он дал мне 0,5 ставки общего врача в больничной амбулатории. Причин много: я не терплю взяточников (он, на улице, выписывал больничные листы...), очень низкой квалификации, «абортмастер» платный (в 1952 г. аборты были запрещены) с неблагоприятными последствиями. Постоянные нарушение санитарных-

эпидемиологических правил и т.д. На приём приходили больные со всевозможной хирургической патологией. Подлежащих оперативному лечению отправлял в Отделенческую больницу на ст. Джамбул (3 часа поездом), приходилось заниматься и лечить (хир. обработка раны, вскрытие абсцессов и флегмон (“Очерки гнойной хирургии Воино-Ясинецкого” моя настольная книга), вправление переломов и вывихов (R-кабинет работал) и пр. приходилось заниматься и лечить острые случаи гонореи (студенческий кружок на кафедре кожных болезней). Больных сифилисом отправлял в Джамбул.

Много было больных с патологией органов пищеварения. Из хронических больных запомнился один с хроническим гастритом. Фамилию не помню, а имя-отчество: Николай Иванович, машинист грейферного крана со склада топлива. До меня он приходил с болями 1-2 раза в месяц. Через 3 дня жена приходила для закрытия больничного листа... За несколько лет амбулаторная карта превратилась в толстый фолиант... После обследования, убедившись в диагнозе – обострение хронического гастрита, я, во время третьего его обращения, заставил его расписаться в амбулаторной карте с предупреждением о возможных последствиях для его здоровья... Он, с улыбкой, без пререканий, расписался... и... перестал посещать амбулаторию. Его сослуживцы говорили, что он не пропускает работу. Однажды, во время какого-то праздника, в центре шеренги, занявшей всю ширину улицы, я увидел его смеющегося, от шеренги

отделилась, обняла и расцеловала меня его жена... Он перестал курить и болеть! Я, впоследствии, присылал к нему больных для санпросветработы...

В конце декабря 1953 г., за 2-3 недели до моего Годового отчета в Службе, я был вынужден, за неоднократные вопиющие эпидемиологические нарушения Начальника больницы (Сахарова), наложить на него “административный штраф”. Вдруг мне звонит Начальник Службы и просит отменить этот штраф. Дело в том, что родная сестра начальника жила и работала в соседнем совхозе и по всяким вопросам, больше хозяйственного и медицинского характера, обращалась к Сахарову... Я объяснил начальнику службы, за что наложен штраф. Я ему сказал, что этот штраф наложен после согласования с Начальником Эпидемиологической Службы за игнорирование элементарных эпид. правил. Я начальнику Врачебной Службы подробно объяснил опасность ситуации. В ответ я получил увещевания, что “надо жить дружно...”. Я не выдержал: после слова “дундук” я положил трубку...

После защиты очередного Годового отчета: моего выступления, выступления начальника больницы и всех инспекторов Службы, у которых в мою сторону были положительные заключения, я положил на стол Начальнику Службы заявление с просьбой о переводе меня на лечебную работу (этот вопрос я предварительно согласовал с Гл. хирургом дороги). Через месяц я “передал печать” новому начальнику... И отбыл на “рабочее место” в хирургическое отделе-

ние Дорожной больницы ТУРКСИБа, где я пробыл 4 недели и был переведен главным хирургом дороги в отделенческую хирургическую больницу на ст. Алма-Ата 1.

Дело в том, что в хирургическом отделении дорожной больницы – базы институтской кафедры, было много ассистентов, клинических ординаторов и просто больничных хирургов и мне, кроме держания крючков, никакой специализации не грозило... За время месячной работы начальник хирургического отделения и гл. хирург дороги увидели, что я владею операционной техникой (будучи студентом, я много участвовал в операциях), владею диагностикой (было несколько примеров). Начальник хирургической больницы на ст. Алма-Ата 1. Бронислав Антонович, возглавлявший эту больницу ещё с довоенных времен, прошел войну и вернулся, спокойного, требовательного характера, хлебосольный. Сотрудники больницы были “членами его семьи”. Мы часто были его гостями.

В операционной беспрекословной хозяйкой была старшая операционная сестра – Зиночка. Она вместе с Брониславом Антоновичем ушла на фронт. Надежный, скромный человек. В самых экстремальных ситуациях ей было позволительно сойти со своего места, сдвинуть замешкавшегося хирурга, исправить положение и вернуться на своё рабочее место, не произнеся ни одного слова.

В один, для меня, прекрасный день, около 5 часов вечера, Бронислав Антонович сказал мне, чтобы я

оперировал поступившего больного с приступом острого аппендицита. Ассистировать мне будет Зиночка (она же и операционная сестра). После этого случая ко мне начали относиться как к равному. Так как я и жил в больнице и участвовал во всех urgentных случаях как ассистент, мне доверяли принимать самостоятельные решения. После нескольких месяцев такой стажировки, меня направили хирургом в Отделенческую больницу ст. Чу, Сарышаганского отделения ТУРКСИБа. Отделение около 30 коек, в их числе 8 коек (палата) – гинекология, роддом на 8 коек. Штат: 2 хирурга, 1 акушер-гинеколог. Второй хирург – мой однокурсник с лечебного факультета Морис Менделевич (фамилию не помню). До этого у нас было “шляпочное” знакомство в институте. Моих лет. Женат. После перенесенного в детстве полиомиелита, из-за вялого паралича, передвигается с аппаратом. По характеру – стоик. Характерами мы сошлись. Были полное взаимопонимание и взаимопомощь. Ни разу, до его переезда на работу в гор. Касимов в 1956 г., не было между нами проблем.

Кроме работы в отделении, каждый из нас вёл по 3 часа амбулаторный приём. Нередко мы вместе были заняты в операционной. Амбулаторные больные ожидали... Специфика! Я организовал пункт переливания крови, в котором была большая нужда. Договорился с Дорожной станцией переливания крови о снабжении ампулами с консервантом, организовал большую группу доноров. Донорам за сдачу крови платили и кормили обедом, давали по “100 граммов”.

У нас всегда был большой запас крови разных групп. 3 раза в неделю проводили плановые операции. Ургентные – очень часто: хирургические обработки после травматической ампутации под колесами поезда, ножевые ранения грудной и брюшной полости, травмы черепа (проникающие), завороты кишок, аппендектонии, внематочные беременности и прочий перечень обычных хирургических операций.

Приведу несколько, особо запомнившихся. Однажды вечером меня вызвали в детское отделение к 2-ух летней девочке. С диагнозом “острый живот» начал операцию под наркозом. После вскрытия брюшной полости обычным разрезом в правой подвздошной области, я обнаружил большую опухоль. Так как я оперировал с операционной сестрой, и обнаружилась нештатная ситуация, я вызвал болеющего уже 3 дня (крупозная пневмония) Мориса. Он с высокой температурой (38,5 гр.) быстро явился (жил в 100 метрах от больницы), вдвоем мы разобрались. Обнаружили две громадные опухоли на ножках идущими к матке. Мы их удалили. Благополучно окончили операцию. Ребенок проснулся. Отправили, вместе с мамой, в палату. Я об этом немедленно доложил нашему “бате” – дорожному хирургу. В дальнейшем, при оформлении протокола операции и детального ознакомления с семьей девочки, выяснилось, что это дочь начальника ж.д. отделения милиции, ещё был 5-ти летний сын. Была организована срочная доставка тканей в Дорожную больницу Алма-Аты своими сотрудниками. На другой день мы получили гистоло-

гический анализ: АДЕННОКАРЦИНОМА ОБЕИХ ЯИЧНИКОВ. Послеоперационный период протекал нормально. Через 3 дня ребенок ходил. Через 5 дней, после консультаций с онкологами, девочку перевели в Алма-Ату. Ребенок прожил еще около двух лет... К нам не было никаких претензий. Наоборот, мы с её отцом были в хороших отношениях в личных и производственных. Наши пути часто пересекались. В наших краях была очень тяжелая криминальная обстановка. Мне хочется добавить, что он, Смирнов, Борис Николаевич, прошел фронт, был машинистом паровоза, который, по призыву партии, пошел работать в милицию...

Однажды, около 16 часов, мы с Морисом оперируем “заворот сигмовидной кишки”- запущенный случай. Идет удаление. Вдруг мы слышим, через деревянную перегородку, топот ног нескольких человек. Наш АНГЕЛ-ХРАНИТЕЛЬ – “баба Нюра”, Анна Ивановна, операционная санитарка, проработавшая в этой операционной 30 лет, хранительница хирургической и человеческой чистоты, безотказный донор (гр.1, резус-отрицательная) – наша МАМА, бросилась навстречу... Мы слышим её громкий голос: “НЕ ПУЩУ! НЕ МЕШАЙТЕ!” увещательный голос нашего “бати” – ну Нюра..., я только один... С ворчанием она одела на его лысину колпак и пустила в операционную. Он увидел ход операции, пробурчал – “сукины дети” и вышел. Оказалась, что Анна Ивановна не пустила в операционную Начальника нашей Врачебной Службы (тоже хирург) и инспек-

тирующего Главного хирурга МПС.

Надо учесть, что к операциям на толстом кишечнике в больницах допускаются хирурги не ниже 1 категории. А у нас не было никаких категорий... Случившийся “разбор полётов” был для нас приятный... Помню до сих пор подробности огнестрельного ранения, дробью, 15-ти летнего парня, которого, случайно ранил его 12-летний брат, с расстояния 12 метров. Весь заряд дроби, вместе с пыжом, осколками 2-го левого ребра, находились в подмышечной впадине и в плевральной полости, при коллабированном легком. Шок 2-3 степени. Доставили через 25-30 минут после ранения.

Операцию (один с операционной сестрой Зиночкой, стаж работы в этом отделении 18 лет, сверхсверхнадежная) проводил после вагосимпатической блокады, под местной анестезией по Вишневскому. Через венесекцию, наладил надежную трансфузию жидкостей. Помогала с трансфузией и прочим врач-педиатр (надежная, проверенная). К счастью, не были повреждены крупные сосуды и нервы плечевого сплетения. Мне удалось быстро удалить все травмированные, нежизнеспособные ткани, загерметизировать плевральную полость. Что особо сейчас интересно, я вспомнил, что во время операции я разговаривал с больным. Во время операции было перелито 1000 мл. крови и других противошоковых жидкостей. Через собранную нами вакуумную систему мы расправили легкое. Послеоперационное течение протекало гладко, без нагноения. В даль-

нейшем движения в левом плечевом суставе восстановились.

Ещё, мой, уже авантюрный случай. 1956 год. По направлению Республиканского туберкулезного института, я госпитализировал женщину 50-ти лет, для предоперационной подготовки по поводу РЕЗЕКЦИИ КОЛЕННОГО СУСТАВА. Больная, пролежав неделю, заявила, что будет оперироваться у меня. На мои объяснения, что я никогда таких операций не делал и не имею морального права, она не реагировала... Твердила своё: “Почитай, подумай...”. Она лежала в коридоре, где и другие до- и послеоперационные больные. Видела нашу круглосуточную работу. Каждое утро спрашивала – “готовлюсь ли?” У меня было много руководств по оперативной хирургии, в том числе и “Костные операции при туберкулезе” проф. Корнева. “Топографическую анатомию”, я сдавал на пятерки... Постепенно подготовился к операции... На листике бумаги, которую положил рядом, написал по пунктам весь ход операции. В дальнейшей моей хирургической практике сделал 4 подобные операции. Но на свою ПЕРВУЮ выбрал самый сложный вариант... “ЗАКРЫТАЯ РЕЗЕКЦИЯ КОЛЕННОГО СУСТАВА по КОРНЕВУ”.

Операция “прошла как по нотам” – четко, быстро. Быстрее, чем в других подобных... Послеоперационный период на отлично. Приехал наш “БАТЯ”, Александр Маркович Брук. Доцент, фронтовик... Обход. В коридоре лежит больная, на которой “кокситная гипсовая повязка”. Докладываю, у “БАТИ очки пое-

хали на лоб”... Я оправдываюсь (не смел делать такую операцию, стаж оперирующего хирурга – меньше двух лет...), объясняю, что больная настояла... Он переключился на больную... Она считает себя победительницей... В присутствии больных дал мне подзатыльник – похвалил!.. Потом всегда мне вспоминал.

Ещё интересная ситуация: наш акушер-гинеколог вышла замуж и уехала... Мы должны были обеспечить urgentную помощь. Я взял на себя роддом. Моррис – гинекологию... Деление условное. Было очень много криминальных аборт. Во время одной “чистки”, больная сделала неожиданное резкое движение, я почувствовал НЕСТАНДАРТ и увидел на кюретке сальник... Я СОВЕРШИЛ ПЕРФОРАЦИЮ СТЕНКИ МАТКИ И ПРОНИК В БРЮШНУЮ ПОЛОСТЬ... Следовало произвести лапаратомию и зашить образовавшееся отверстие. Вызвал Морриса для ассистирования. После окончания операции я позвонил домой дорожному акушер-гинекологу. Её реакция: Поздравляю с крещением в гинекологи! Она сказала, что так бывает у большинства.

И ещё из акушерства. В роддом меня обычно не вызывали, кроме тяжелых родов. Акушерки сверхопытные, стаж в этом роддоме 20 и 30 лет, но на тяжелые, длительные роды меня вызывали. Однажды, после родов, при проверке плаценты, обнаружилось что одна долька плаценты осталась в матке. Внешние проявления: матка не сократилась и кровь алая... Как мне говорили дорожные специалисты, мое дело

стоять рядом и делать умный вид – руководить... акушерка сама знает. .. Случилось другое: эти “бабушки”, мне симпатизировали и хотели меня учить. Теоретически я знал, как поступать. Но не мог представить, чтобы моя рука могла войти в матку через влагалище.... Я об этом сказал. “Бабушки” ответили, что это врачебная манипуляция и заставили меня её выполнить. После дачи общего наркоза, соответствующей обработки кисти и предплечья, я, проник в матку, дно которой доходило до печени... нашел, неотторгнутый фрагмент плаценты, сдвинул его с места... Произошло то, о чем написано в руководствах – **МАТКА БЫСТРО СЖАЛА МОЮ КИСТЬ ДО БОЛИ... И НАЧАЛА СОКРАЩЕНИЯМИ ИЗГОНЯТЬ МОЮ РУКУ.** Когда моя рука родилась – матка сократилась до обычного размера. Кровотечение прекратилось. Мои “бабки” торжествовали, меня поздравляя.



ЛИХТЕНШТЕЙН ИСАННА. ЧТО ЗАПОМНИЛОСЬ

«Мы вышли из детства». Нечто подобное приходилось слышать неоднократно, пока эта фраза не стала банальной и, казалось, лишенной смысла. И, все же с годами мысль о том, откуда мы, кто мы, неизбежно возникает, вначале робко, а потом все более властно и внятно.

Все больше думаю о пережитом, в котором бесспорно, отражена сложная эпоха коварного двадцатого века. Думаю о близких, о приметах времени безвозвратно исчезающего. Как-то невзначай поняла, как много получено в отчем доме: чувство защищенности, взгляд на мир, первые прочитанные книги, услышанные стихи, занимательные рассказы о прошлом, о родственниках и друзьях, о встречах на жизненном пути.

Так появились мои непритязательные заметки, в которых отражено запомнившееся и, повлиявшее на последующую жизнь не только мою, но детей и внуков, воспринявших стиль и нравственные основы предков. Мне представляется важным сохранение семейных традиций.

Я происхожу из русифицированной, атеистической, интеллигентной еврейской семьи. Родители отца Ефрема Исааковича Лихтенштейна жили на границе с Польшей в местечке Подволочиск (мать) и в Пинске (отец) что, возможно, повлияло на интересы и пристрастия.



*Исаак Ефремович Лихтенштейн –
земский врач (дед)*

Бабушка Софья Львовна Мандельблат окончила польско-немецкую гимназию, владела этими языками почти на уровне русского языка, который считала родным. Идиша не знала, что достаточно странно, потому что ее родители читали и писали на нем свободно.



*Софья Львовна Мандельблат-
Лихтенштейн (бабушка)*

В годы второй мировой войны заведовала бактериологической лабораторией на мясокомбинате в Оренбургской области в городе Сорочинск.

Ее отец, Лейб Мандельблат, средней руки купец, по делам часто бывал в Вене. Человек властный, до-

статочно строгий не жалел денег на образование детей. В годы революции все потерял, обнищал, убит в Проскурове в 20-годах во время петлюровского погрома. В этот же погром попал и мой дед Исаак Лихтенштейн, но его спас... уличный фонарь. Один из погромщиков закричал: «доктора отпусти».

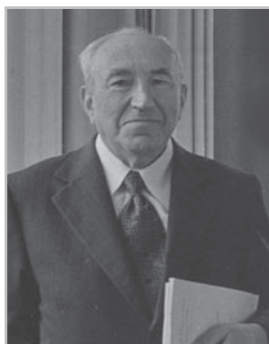
Бабушкина мать Блюма Хазен – Мандельблат, домохозяйка, мягкая, красивая, музыкальная убита в 1942 году фашистами.

В семье было 5 детей: двое, Роза и Вера, впоследствии погибли в оккупации, Иосиф – в 1938 расстрелян ОГПУ, через много лет реабилитирован. Другой брат Семен Львович окончил юридический факультет киевского университета, позднее преподавал в нем. В прошлом году в Санкт – Петербургской библиотеке имени Салтыкова – Щедрина удалось обнаружить в разделе редких книг небольшую книжку его юношеских стихов «Напевы», изданную в 1918 году в Крыжопле. Талантливый, музыкальный, образованный человек Семен Львович Мандельблат неизменно становился центром притяжения в любом обществе.



Семен Львович Мандельблат

Очень интересна семья брата прабабушки Блюмы, Менаше Хазена. О главе семьи, к сожалению, почти ничего неизвестно, кроме того, что он являлся автором одной книги, или книг? О чем?



*Ионусон Менашевич Хазен –
профессор*

Я встречалась с его сыновьями и дочерьми, особенно часто с Ионусоном Менашевичем, (1901-1979) полковником, доктором медицинских наук, профессором, одним из зачинателей космической медицины. Ионусон Менашевич создал медицинскую концепцию подготовки космонавтов к полетам. Он утверждал необходимость активной деятельности космонавтов при подготовке к полету, а не пребывание на уровне Белки и Стрелки. Его взгляды вызвали протест ученых более близких к власти. Однако, в конечном итоге, предложенная им теория восторжествовала, что, впрочем, не помешало его увольнению. Он один из авторов первого словаря космической медицины и организатор чтений Циолковского в Калуге, о чем есть материалы, присланные из музея Циолковского. Ионусон Менашевич опубликовал несколько десятков научных статей, отличался принципиальностью и честностью. В архиве семьи есть автографы Гагарина, Быковского, Поповича и других космонавтов...

Второй брат, Моисей – профессор московского института инженеров транспорта, автор интересных работ и книг.

Горестная судьба постигла третьего брата, Юлия, юриста по базовому образованию – солиста Львовского театра оперы и балета (псевдоним Лоринский), убитого с семьей фашистами. От него чудом сохранились фотографии в ролях, рецензии, единичные сувениры.



*Солист Львовского театра оперы и балеты
Юлий Лоринский
(Юлий Менашевич Хазен)*



*Юлий Лоринский
в опере Верди «Аида»*

Почти ничего неизвестно о родственниках отца по линии Лихтенштейнов, исключая деда Исаака Ефремовича, рассказ о котором впереди. Живя после революции в Польше, они лишились возможности общения с оставшимися в СССР родственниками. В 1939 году, будучи в командировке во Львове, отец познакомился с кузеном доктором Фремусом Лихтенштейном. Они очень понравились друг другу, предполагали дальнейшие встречи, но повидаться еще

раз было не суждено. Началась война. Фремуш погиб при разгроме партизанского отряда в районе Львова, о чем писали в газете «Медицинский работник». Из публикации узнали о его трагической судьбе.

Вот, пожалуй, и все, что я о них знаю.

О семье матери Раисы Моисеевны Гойхберг известно больше.



*Раиса Моисеевна Гойхберг –
Лихтенштейн (мама)*

Дедушка, Моисей Самойлович Гойхберг-Тульчинский родился в Могилев-Подольском, где продолжали жить его родители и какое-то время братья и сестры. Родители дедушки, родились в середине XIX века в черте оседлости, но, тем не менее, знали грамоту, владели не только идиш, но и русским. Прабабушка Сарра Халифман-Гойхберг много читала и даже писала романы, посылая их на суд Шолом-Алейхему. К сожалению, ответы писателя не сохранились, но речь о них в семье шла.



*Моисей Самойлович Гойхберг,
доцент киевского института пи-
щевой промышленности
(дед по линии матери)*

Сарра Халифман владела аптекой, не приносящей дохода, поскольку по доброте душевной без ограничений отпускала лекарства в долг, забывая или стесняясь напоминать об этом. В конце концов, сын Моисей (мой дед), устав оплачивать неустойку, попросил ее не заниматься филантропией и закрыть аптеку, что и было сделано. Среди ее родственников (семья брата) Халифманов были ученые, писатели. Иосиф Аронович Халифман, лауреат государственной премии, автор популярных произведений «Пчелы», «Шмели и термиты», «Муравьи». Книга И.Халифмана с дарственной надписью маме привезена нами в Израиль.

В целом семьи Гойхбергов–Тульчинских, как и Халифманов, отличались широтой интересов и талантов. Среди маминых кузенов были лауреаты государственных премий, профессора, (Леонид и Михаил Тульчинские), ведущие строители Братской и Усть-Илимской ГЭС (Григорий Тульчинский), он же руководил строительством ГРЭС во Вьетнаме и Индии, С Григорием Тульчинским встречалась не только в Украине, но и в Дели. Тульчинский Анатолий Аронович, к.т.н., лауреат Государственной премии СССР, зам. начальника НПО электромеханики в городе Миасс Челябинской обл.

Наум Самойлович Тульчинский, (брат дедушки Моисея), член киевского обкома партии, был оставлен во время войны на подпольную работу и погиб в перестрелке.

Дмитрий Самойлович Тульчинский, член редкол-

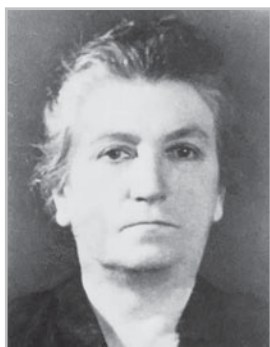
легии газеты железнодорожников, попал во время войны в плен. И только его жизнелюбие, остроумие, тонкое знание психологии помогло уцелеть и бежать из плена.

Со стороны маминой родни по материнской линии, Слободянских были врачи, в дореволюционные годы один из родных считался казенным раввином. Мамина тетья Эстер Слободянская лечилась в Крыму в туберкулезном санатории у доктора Альтшуллера, друга и лечащего врача Антона Павловича Чехова. Писателя в живых уже не было, но аура существовала. Доктор Альтшуллер предлагал тете с другими больными покинуть объятый войной и революцией Крым, с чем она не согласилась. Деньги на лечение, как и на образование, давал Борис Гойхман, брат маминой бабушки Рахили Гойхман–Слободянской, (родом из Касрилова). Он был образованным состоятельным человеком, купцом первой гильдии, получившим право жить в Киеве и других городах Российской империи. Две его дочери бежали из СССР, переправившись на лодке через Днестр. Впоследствии одна из дочерей Вуня стала коммунисткой, погибла во время бомбардировки, убегая из Румынии в страну «победившего социализма».

Мамин дедушка Пинхас Слободянский, родом из Хмельника, выучившись, работал счетоводом у брата жены, упомянутого Бориса Гойхмана, владевшего сахарным заводом в Проскурове и лесным хозяйством.

Люди, которых бегло упомянула, родились и вы-

росли в черте оседлости, сумели выучиться и найти свое место в жизни и в дореволюционные годы.



*Розалия Петровна Слободянская –
зубной врач*

Дед и бабушка жили в 1915 – 1917 году в Петербурге, дед учился на юридическом факультете университета.

В семье две дочери – Раиса (моя мама, врач) и Бася – врач

Дед и бабушка, театралы, живя в Петербурге, старались ничего не пропускать. Однажды, возвращаясь с концерта, опьяненные пением Шаляпина, встретили на улицах... матросов, опьяненных переворотом. Так в их жизнь вошла революция. Им пришлось вернуться в Киев и дед, оставив юриспруденцию, окончил экономический факультет университета.

15 февраля 1950 года в разгар борьбы с космополитами к нему на лекцию в институт пищевой промышленности неожиданно пришел рецензент, что чаще всего в тот период означало в лучшем случае, увольнение. Не выдержав напряжения, несмотря на высокую оценку лекции, здесь же в учительской, на глазах проверяющего дед упал и, не приходя в сознание, умер через 4 часа от инсульта в возрасте 59 лет. Так печально завершилась для нас борьба с космополитизмом.

Если согласиться с утверждением, что история

повторяется, то о начале второй Ливанской войны, (2006) и бомбардировке Хайфы, мы с мужем, узнали в филармонии, слушая вторую симфонию Малера и Псалмы Давида. Никто в тот вечер зал не покинул, а необыкновенная, чарующая музыка объединила и сплотила всех. Бывает и так!

Дед до конца жизни владел в полном объеме идущим, окончив в подростковом возрасте коммерческое училище. Образованный, музыкальный человек, Моисей Самойлович с братьями часто устраивали домашние концерты, моя мама девочкой аккомпанировала им на фортепиано.

У моих родителей – Раисы Моисеевны Гойхберг и Ефрема Исааковича Лихтенштейна нас было двое – сын Виктор, родившийся в 1941 году в Сталинграде, где мы, эвакуировавшись из Киева, прожили у маминых родственников Сандигурских (врачи) 3 месяца до рождения брата, и я. Виктор – врач, кандидат медицинских наук, автор первой в стране диссертации по применению лазера в медицине. (1969). Кроме врачебной работы писал стихи, хорошо рисовал, пел, играл на гитаре. Яркий, остроумный и активно добрый он запоминался. (1941- 1983)



*Виктор Ефремович Лихтенштейн
(брат).*

Портрет Михаила Туровского

Подробнее расскажу об отце – Ефреме Исааковиче Лихтенштейне.



*Ефрем Исаакович Лихтенштейн
Портрет работы Михаила Туровского*

Эта мысль будоражит меня давно, особенно в последние годы, когда о нем появилось несколько весьма теплых, доброжелательных публикаций. Показалось, что он не забыт, что его образ волнует. Годы ушли, надо сохранить то, что еще возможно. Приступаю с тревогой и сомнениями, кое-что забыла, о многом, по легкомыслию, не спросила. Не знаю, удастся ли воссоздать истинный образ моего отца, отразить его сложную неординарную личность в разрезе трагического времени и нелегкой судьбы.

Начинаю с особо запомнившегося и оказавшего влияние на последующую жизнь, о стиле общения.

Когда выпадало время, в родительском доме звучали стихи поэтов, узнать творчество которых удавалось только „на слух“. Их не печатали. И когда через много лет появился первый после длительного замалчивания сборник Сергея Есенина в бирюзовой обложке с трогательными березками, стихи были не только знакомы, но и выучены наизусть. Примерно так же происходило со стихами Блока, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама и многих других. Как романтично звучали строки: „По вечерам над рестора-

нами“, „Ананасы в шампанском“, „Я – гений Игорь Северянин“ ... продолжать можно почти до бесконечности. Память сохранила вечера при свете лампы, нежно-эмоциональное чтение отца, не профессиональное, но глубоко личное. Во всяком случае, по сей день, я воспринимаю чтение немногих чтецов, невольно сравнивая сердцем с тем, прежним

Помню чтение вслух первых томов „Войны и мира“ мне, 12-летней, пока я не увлеклась и не стала продолжать самостоятельно, не забывая пересказывать и обсуждать

Кстати, так же поступает моя дочь-филолог, профессор Лариса Фиалкова со своей дочерью Лилей. Они читают книги на разных языках, не обошли и „Войну и мир“. И когда 16-летняя внучка (с двух лет живущая в Израиле), по прихоти судьбы, будучи в Москве, сидела в кресле Татьяны Львовны Толстой, привезенном из Ясной Поляны, и смотрела портреты предков на стенах, она уже знала старого князя Болконского.

В семье царил культ книги, чтения, искусства и... дела, труда, работы.

В доме было огромное количество книг, разных – мирно уживались профессиональные книги по медицине старых и новых изданий, книги по искусству и, конечно, художественная литература.

И в этом отражались пристрастия родителей.

Мой отец, Ефрем Исаакович Лихтенштейн, врач, профессор Киевского медицинского института, происходил из врачебной семьи, о чем я бегло упоминала выше.

Исаак Ефремович (дед), окончив с золотой медалью гимназию, преодолел пресловутую процентную норму и поступил на медицинский факультет Киевского университета имени Святого Владимира... И было это очень давно, в конце XIX – начале XX века (окончил в 1903 году). Дед был образованным, интеллигентным человеком, владел латынью, древнегреческим, древнееврейским и несколькими европейскими языками. Интересовался словесностью, много читал. Отец вспоминал вечера у камина, уютное тепло, отсветы пламени, делавшие лица просветленнее и добрее. В такие редкие свободные вечера вспоминал папа в книге «Помнить о больном»: «когда, придя с работы продрогший и усталый, отец садился со мной у печи, в которой потрескивали сухие колосья ржаной соломы. Тогда начинались увлекательные рассказы, в которых воспоминания о студенческих сходках, перемежались с воспоминаниями о приезде Льва Толстого в Киев, о случайной встрече с В.Г.Короленко, размышлениями о нелегкой судьбе вольнолюбивого Мцыри». Очень часто эти безмятежные вечера прерывались неожиданными вызовами к больному. В дождь, пургу, снег или весеннюю распутицу дед садился в запряженную пролетку и отправлялся на очередной врачебный поединок. Любя и жалея лошадей, он на пригорках нередко выходил из пролетки и шел пешком. Об этом рассказывал, разыскавший через 30 с лишним лет вдову Исаака Лихтенштейна, бывший сотрудник, фельдшер земской больницы, а в послевоенные

годы врач – хирург Антон Иванович Казмирчук, сохранивший почтительное отношение ко всем членам нашей семьи.

После окончания университета дед проходил стажировку в Германии, а затем работал в земской больнице поселка Черный остров Каменец – Подольской губернии. Он был одним из скромных подвижников медицины, о которых с теплотой и состраданием писал земский врач, писатель Антон Павлович Чехов. Дед умер 44 лет, от заражения крови (сепсис), поранив палец во время срочной акушерской операции, выполненной в силу ситуации в неприспособленных условиях. Осталась жена и 15-летний сын (мой отец). Некролог о его трагической смерти поместили в газете „Русский врач“, 1925.

В 2013 году в Иерусалиме вышла книга Э. Любошица «Евреи России в медицине и биологии (1750 – 2010) Биографическая энциклопедия», в которой упомянут мой дед, что особенно трогательно, наряду с моим отцом. Попала в энциклопедию и я.

По сей день в доме сохраняется необычный складной стетоскоп деда, а отец по этой модели регулярно заказывал такой же для себя и с удовольствием пользовался, о чем помнят коллеги и друзья. Значительно позже узнала, что сокурсник Яков Осипович Заславский, в квартире которого дед скончался, женатый на Фане Соломоновне Бреннер, был шурином первого мэра Тель-Авива, знаменитого Меира Дизенгофа. Семью Заславских–Бреннер я прекрасно помню, общалась с ними, их детьми и внуками.

Сын врача в ту пору – особа non grata, интеллигент, недостойный высшего образования. Начался долгий путь получения рабочего стажа – пришлось трудиться санитаром, секретарем-машинисткой, киномехаником, чертежником... но то, что было заложено в детстве, не давало опуститься. Отец поехал в Ленинград и поступил в институт истории искусств. Занимался в семинаре Юрия Тынянова. Все было бы хорошо, но он заболел, да и матери трудно было его содержать. Несмотря, на вызвавшие интерес поэтические публикации в ленинградской газете „Смена” (псевдонимы – Фима Мамочкин, Е. Сиренин) и других, он оставил учебу, а вскоре круто поменял судьбу, поступив на медицинский факультет. Впрочем, интерес к медицине никуда не уходил, помнились поездки отца к больным, рассказы о запутанных случаях.

Ефрем Исаакович поступил в тот же, что и его отец, Киевский медицинский институт на лечебный факультет и закончил его в 1936 году.

Так случилось, что он встречался с сокурсниками своего отца, многие стали к тому времени довольно известными профессорами и некоторые из них еще помнили красивого, образованного, обаятельного Исаака Лихтенштейна. Еще живы были преподаватели той поры...

Ефрем Исаакович продолжал на всех этапах учебы и работы, когда удавалось, заниматься и литературой. Он редактировал украинскую медицинскую газету „Соцздравоохорона“ и был корреспондентом

всесоюзной газеты „Медицинский работник“.

После окончания института поступил в аспирантуру к доценту В. Х. Василенко, став его первым аспирантом, несмотря на множество заманчивых предложений.

Жили интересно, увлеченно занимаясь многим. В 30 – годы в Киеве гастролировал МХАТ, и отец неизменно рассказывал об этих гастролях и звучавшей тогда шутливой фразе: «У врат царства» «Царя Федора Иоанновича» «Враги» «Достигаев и др.» пустили в небо «Синюю птицу» сообщить о том, что достать билеты на «Анну Каренину» «Дядюшкин сон». В разных вариантах эта фраза, составленная из названий привезенных спектаклей, циркулировала среди театралов и, самое смешное, отражала истинное положение.

Но 30-годы запомнились не только гастролями МХАТ. Я не раз слышала, что у отца и у дедушки (маминого отца) были приготовлены знаменитые «чемоданчики». Однажды ночью раздался пугающий стук в дверь, не знали за кем....Оказалось – жребий пал на соседа, зашли позвонить.

У В.Х. Василенко в те годы в аспирантуре занимался Герасим Иванович Агаджанян, впоследствии профессор. Отец и мать дружили с ним. Однажды поздно вечером мама с ним и семьей сестры долго катались по городу на машине. Расстались за полночь. В последующие дни Герасима Ивановича нигде не могли найти. Выяснилось, что его шурин, офицер КГБ, предчувствуя арест, возвратившись домой ...

застрелился. Семья спешно вернулась в Ереван.

Потом была война. Сталинград. Отец, майор медицинской службы, руководил эвакуационным отделом фронтового эвакупункта, почти все время находился на вокзалах, под бомбежками. В октябре 1941 года отец награжден «Медалью за боевые заслуги» в одном из первых, если не первом, наградном приказе. В те поры награды еще были большой редкостью. Армия отступала.



*Майор медицинской службы
Ефрем Лихтенштейн*



Е.И. Лихтенштейн

В годы войны написал и опубликовал несколько научных работ о методах сортировки раненых. На сто лет раньше эти проблемы волновали врача-писателя Владимира Даля.

По окончании войны вернулся к научной работе, защитил кандидатскую диссертацию и работал над докторской.

Жизнь раскололась, когда мало что было понятно: московские профессора еще работали, до их ареста

оставалось время, но невидимая миру подготовка шла. Не точно цитируя: „Аннушка уже разлила подсолнечное масло».

1952 год. Неожиданно полученная повестка из военкомата оказалась длительным поединком с НКВД. Встречи – допросы происходили в различных помещениях мединститута, в каких-то организациях непосредственно, казалось бы, не имеющих отношения к КГБ, даже на «частных» квартирах. Недавно узнала из книги Аллы Перельман-Зускиной «Путешествие Вениамина» 2002, что первые допросы великого актера происходили в здании ГОСЕТ или в уютном утопающем в зелени особняке. Тот же зловещий стиль. Вызывали отца телефонным звонком в любое время суток, то несколько дней подряд, то с двух-трехнедельным перерывом. Обычно заезжала машина. И никто не ведал, вернется ли он. Самый длительный – двое суток был 7 и 8 ноября, когда не арестованному гражданину не давали есть, лишали папирос и воды, оскорбляли, нередко звучала площадная брань, бросали в лицо – жидовская морда. Поначалу трудно было разобраться, в чем дело. Несмотря на подписку о неразглашении, мы знали о допросах. Через много лет, когда многое стало известно, изумилась, что папа рассказывал кое-что даже в моем присутствии. Это мне до сих пор трудно понять. Но с детства, без обсуждения было ясно, что не обо всем услышанном в доме можно и нужно говорить. Это не была конспирация, это была «тайная» жизнь. Допросы с поразительной настойчивостью

продолжались.

Огромной трагедией явилось сообщение: «Об аресте группы врачей-вредителей» в январе 1953 года. С этого момента допросы участились и приняли более коварный характер. Упорно, жестко, настойчиво требовали свидетельств о «шпионской» деятельности профессора В.Х.Василенко. В опечатанном кабинете учителя была и посланная ему отцом, как оказалось, за несколько дней до ареста, телеграмма. В списке арестованных был цвет советской медицины, 3\4 которых евреи по национальности. По делу врачей, только в Москве арестовали тридцать семь врачей, из них двадцать восемь были евреями. В различных городах страны органы государственной безопасности фабриковали дела врачей. В нашей многонаселенной коммунальной квартире, всего восемнадцать человек, с веревками для сушки белья в длинном коридоре, нашлась и работница из КГБ неистово проклиная жидов-убийц. Общественный психоз или гипноз ситуация вполне реальная. Сейчас хорошо известно о создании специальных групп в соответствующих структурах разных стран. Трудно себе представить степень незащитности человека!

Среди арестованных был и профессор Владимир Харитонович Василенко, хотя в списке арестованных его имя не упоминалось, о нем написали во втором списке – освобожденных, крупный ученый. В период, предшествующий аресту, Василенко послали в Китайскую Народную Республику для органи-

зации здравоохранения и лечения самого Великого Кормчего. Как рассказывал впоследствии Владимир Харитонович, его неожиданно вызвали в Москву и арестовали прямо в самолете. К чести китайского правительства они не оставили своим вниманием семью профессора Василенко и особенно его жену Тамару Иосифовну Орбели, дочь Иосифа Абгаровича, директора Государственного Эрмитажа.

Арест Василенко, в русле времени, имел прямое отношение к папе. Теперь цель допросов прояснилась – требовали компромата на учителя и параллельно готовили украинское дело о врачах-убийцах, в котором отцу отводилась заметная роль. Становилось все страшнее. Папин дядя-юрист Семен Львович Мандельблат, о котором уже упоминала, не испугавшись, или преодолев страх, регулярно приходил и выслушивал отца после допросов, пытаясь профессионально вникнуть в происходящее. Так, после каждого допроса он резюмировал, что происходит в данный момент, и выстраивал линию защиты.

Отцу порой не разрешали пить, есть, сидеть, один или два раза не обошлось без рукоприкладства. Следует добавить, что допрашивали не арестованного человека, а работающего доцента медицинского института.

Постепенно папина «неблагонадежность» становилась известна. Главный редактор журнала «Врачебное дело» доцент-ортопед Иван Пименович Алексеенко, пригласил отца и с большим сожалением сообщил ему о требовании уйти из журнала, в

котором он много лет был последовательно ответственным секретарем и заместителем редактора. Папа сказал доценту Алексеенко, что уверен в невиновности своего учителя, предать которого не может и не хочет, добавив, «так же, я поступил бы, если бы речь шла о вас». Они простились. Отец ушел.

Между тем лекции и практические занятия шли своим чередом. Желая не выдавать своих тревог, отец ходил в театры, концерты. Помню, как мы слушали папину любимую оперу «Пиковую даму». Мы сидели в партере. Внезапно папа наклонился ко мне и прошептал, что следователь сидит не далеко от нас. Без «внимания» папу не оставляли. Я увидела полковника НКВД очень маленького роста, рассматривающего зал и нас. Тем не менее, я до сих пор помню дивную постановку, прекрасную сценографию «Зимнюю канавку», о которой отец часто упоминал в непрекращающихся рассказах о любимом городе. Не забыла, несмотря на прошедшие годы, дивные, певучие голоса известных артистов. Возвратились домой. Ночью допрос...

Внезапно неделя без допросов, удивлению нет предела. И...вдруг «Бюллетень» о болезни вождя. Незнакомые слова «коллапс», «дыхание Чейн–Стокса». Я спросила, что это значит. Глубоко выдохнув, папа сказал – «Слава богу! Не встанет». Сталин умер.

Блеснула надежда. Недели через две папу впервые вызвали в здание НКВД, в печально знаменитый, известный киевлянам, дом по улице Владимирской. Сколько судеб сломалось здесь, какие крики доноси-

лись из плотно закрытых окон!

Папу встретил упомянутый полковник, усадил в глубокое кресло, непривычно вежливо сообщил, что они убедились в его честности, и не имеют никаких претензий, предложил при необходимости обращаться за помощью. За окном бушевала гроза. Отказавшись от предложенной машины, отец вышел из овечьего ужасами здания, и, казалось, дождь смывал страх и трагедию прошедшего года

Освободили врачей. Отец немедленно поехал в Москву повидаться с профессором Василенко. Он увидел истощенного человека с выбитыми зубами и сломанными ребрами. Внезапно подойдя к полке, Владимир Харитонович снял маленького бронзового Будду и протянул отцу в подарок, сказав – вот кто спас меня! Этот Будда раньше был подарен Василенко Мао-Дзе Дуном. Через несколько десятилетий, находясь в эмиграции, мы создали совершенно неожиданно небольшую коллекцию Будд. Пожалуй, только сейчас смогли оценить художественную красоту маленького Будды, хранящего свою тайну. В фигуре подлинного Будды запаяна записка, хранящая какое-то пожелание, мысль. Попытаться узнать, вскрыть не считается возможным, это осквернение Бога. Так мы и не знаем, что думает о нас Великий Будда.

Время, проведенное отцом под следствием, показало его душевную силу, верность принципам и, конечно, надежность.

Администрация медицинского института совмест-

но с партийным, комсомольским и профсоюзным комитетами должна была внести свою лепту в осуждение коллег—«убийц». В этом «театре абсурда» работали режиссеры, актеры, статисты. Разыгрывался «спектакль» для большей помпезности в здании киевского академического театра оперы и балета имени Т.Г.Шевченко. Особая роль, естественно, отводилась «лицам еврейской национальности». Запуганные люди поднимались на сцену и произносили то, что требовалось.

Затем прозвучало: «слово предоставляется доценту Лихтенштейну». Папа, сидевший в ложе, встал и сказал своим несколько глуховатым голосом, что выступать не будет, и сел. Если к этому добавить огромную популярность отца, его всем известные ораторские способности, то все выглядит еще значимее. Возвратившись, он пересказал этот эпизод, был взволнован в ожидании, как ему и нам казалось, неизбежного ареста.

Прислушивались к шуму проезжающих машин. Было очень страшно. Через много лет совершенно неожиданно прочитали об этом эпизоде.

В повести Анатолия Нимченко «Без Бухбиндера» написано о происходившем в оперном театре от лица героя повести, присутствовавшего на печально известном собрании. «Институтские евреи один за другим выходили на трибуну и срывающимися голосами клеймили происки своих соплеменников. Механизм только один раз дал сбой, когда доцент Лихтенштейн, прекрасный терапевт и блестящий

преподаватель, интеллигентнейший человек, отказался выйти на сцену, заявив: «Я слова не просил». Все считали: он обречен, тем более что его учитель был одним из профессоров-убийц». «Егупец» 1999, 1.с.158.

Этот эпизод повторен в книге Г. Е. Аронова и А.П. Пелешука «Легенди і бувальщина київської медицини», Киев, 2001, в очерке под названием «Стойкость», с242-243.

К слову сказать, упоминания об этом явились для нас неожиданностью, но показали цепкость человеческой памяти. Вновь пережитое прошлое усиливает гордость за отца, за его смелые поступки. Кстати, подобным образом, Ефрем Исаакович поступал не единожды. В 1937 году готовилось «дело» против наркома здравоохранения Льва Ивановича Медведя. Отец выступил в защиту наркома как журналист. Это не являлось эмоциональной реакцией, а было характерно для него, как для человека.

После ареста дяди Иосифа Мандельבלата, он медленно выехал к вдове и помогал этой семье до своей смерти.



*Иосиф Львович Мандельблат
расстрелян в Винницкой тюрьме
в годы ежовщины*

После войны жена и сын Иосифа Львовича жили у нас без хлебных карточек, что понятно людям военного и послевоенного поколения.

Вспоминается еще один характерный для отца эпизод. В один праздничный день 1966 года его вызвали к заболевшему П. Е. Шелесту, первому секретарю ЦК КП УССР. Прождав 1,5–2 часа встречи с всесильным владыкой, отец поинтересовался причиной ожидания. Ждать больше не пришлось... Страх не затмевал чувство чести и собственного достоинства.

Окончилась длинная и страшная сталинская эпоха. В прошлое отошли допросы, ослабли тревоги. Отец продолжал много трудиться. Защитил докторскую диссертацию, получил звание профессора.

Не знаю, удалось ли передать атмосферу дома, в котором книга была как бы членом семьи, а словари и энциклопедии насущной необходимостью.

Когда подросла моя дочь, то, участвуя в разговорах, слыша рассказы, она почерпнула много и для себя. Мне кажется, что в определенной степени дома возник ее интерес к Булгакову, и она избрала темой дипломной работы «Пространство и время в романе Булгакова «Белая гвардия», продолжая и в дальнейшем заниматься исследованием творчества писателя, став автором и одним из комментаторов первого многотомного издания писателя.

С конца 50-годов, наряду с лечебной, научной и практической работой Ефрем Исаакович вернулся к давнему увлечению изучению медицинских тем в литературе.

Скрупулезно, по крупицам собирал он сведения об истории болезни И.С.Тургенева, размышлял о

драме Моцарта и Сальери. Герои заинтересовавших его произведений так же вводились в наш круг общения. Мы сокрушались вместе с Бальзаком, потерявшим сознание, написав о смерти отца Горио. Это было нечто трудно объяснимое, когда в естественный круг общения входили не реальные личности, а литературные персонажи, боли и радости которых живо обсуждались. Отец, несомненно, был увлечен работой, что позволяло ему отвлекаться от повседневных забот и трудностей, а их было немало.

Возвращаясь в прошлое, чувствую особое личностное отношение к некоторым писателям, ставшими позднее героями очерков.

В архиве сохранились письма от выдающихся деятелей культуры, к которым обращался отец за советом и помощью в публикации очерков.

Справедливости ради скажу, что трудности публиковаться испытывали и знаменитые литераторы, составившие славу России. Так, Илья Самойлович Зильберштейн в письме к отцу от 5 декабря 1964 года пишет: «Совсем замучили меня чиновники из Главлита, которые четвертый месяц держат созданный мною 72-й том «Литературного наследства», который называется «Горький и Леонид Андреев. Неизданная переписка». Главлиту, в частности, не нравится, что Горький и Леонид Андреев выступали против подонков, устраивавших еврейские погромы». Молодые люди, к счастью, не знают, что такое Главлит, решавший без колебаний «быть или не быть». Ни одна самая жалкая инструкция не вы-

ходила в свет без грифа этой всемогущей организации.

В этом же письме Зильберштейн пишет: «С удовольствием прочел Вашу статью. Жаль, что Вы напечатали ее в специальном издании, она, безусловно, интересна и для широкого читателя. (Речь идет о «Медицинских темах в творчестве И.С.Тургенева»). И продолжает: «не следует ли Вам сделать работу о причинах смерти Тургенева?» Далее идут советы, где искать соответствующие материалы.

Статья о болезни Тургенева была написана и увидела свет, к сожалению, в специальном издании. Иначе не получалось. На статью пришло много доброжелательных отзывов: «Написана она отлично – вполне литературно и даже художественно. Никогда я не испытывал такой нежной жалости к Тургеневу, такого восхищения его мужеством – какие вызвала у меня Ваша статья.» (К. И. Чуковский 1968 год, архив Е.И.). В письме от 23.4.68 года Чуковский, касаясь статьи о болезни Тургенева, писал: «Ваше открытие очень заинтересовало меня. Считалось, что у Тургенева были в зрелом возрасте две болезни: подагра и воспаление мочевого пузыря». И далее – «заинтересуются ли Вашей темой присяжные литературоведы, не знаю» Далее следуют советы, к кому обратиться. К сожалению, «присяжные литературоведы» не заинтересовались.

В ответном письме от 8 декабря 1964 года Зильберштейну Ефрем Исаакович писал: «Мне давно хотелось объединить в одной небольшой брошюре три

очерка о Толстом, Тургеневе, Чехове, но в Киеве это абсолютно неосуществимо ни в одном издательстве. «Пора смириться сэр». Но «смирить свою любовь» к этой культуре, на которой я вырос и состарился, мне никак не удастся. И сохраняются в моем письменном столе рукописи, которые, может быть, в более подходящее время опубликуют дети – сын или дочь».

Ефрем Исаакович, конечно, был человеком русской культуры, он почти не разбирался в иудаизме, но в пасхальные дни в доме непременно была маца. Помню огромную радость, когда было создано государство Израиль, гордость во время Шестидневной войны, восхищение Моше Даяном. Помню, как через короткое время после окончания Шестидневной войны, в институте кардиологии, где я работала, лектор обкома партии анализировал события последнего времени. Естественно речь шла и о недавно прошедшей войне. Лектор «ругал израильскую военщину», одновременно мифологизируя рассказом о женском танковом батальоне, форсировавшем Суэцкий канал. Аудитория загудела, от протеста или негативизма следа не осталось: «Бабы в танке! Во, дают!»

Этого факта не было: женщины активно участвуют в военных действиях и сейчас, но не выполняют чисто мужские задания. Так причудливо соседствовали правда и выдумка. Мы, конечно, гордились, особенно после устойчивых обидных утверждений о неумении воевать, «отсидживании в Ташкенте», несмотря на официальную статистику, опровергаю-

щую эти измышления.

Уместно в контексте сослаться на стихи Семена Надсона. Привожу несколько строф:

«Я рос тебе чужим отверженный народ
 И не тебе я пел в минуты вдохновенья
 Твоих преданий мир, твоей печали гнет
 Мне чужд, как и твои ученья.
 Когда твои враги, как стая жадных псов,
 На части рвут тебя, ругаясь над тобою, —
 Дай скромно стать и мне в ряды твоих бойцов,
 Народ, обиженный судьбою!»

Переписка с Зильберштейном и Чуковским касалась многих вопросов и была для отца большой радостью. Узнав из письма о болезни Корнея Ивановича, папа писал: «Я очень огорчен тем, что вы недомогаете, а я от вас настолько далек, что не могу протянуть вам руку помощи. Знаете, есть врачи, живущие только разумом или только сердцем. И те, и другие беспомощны, мне кажется. У вас в Москве трудится мой давнишний и самый близкий друг В.Х.Василенко. В нем удивительно гармонично сочетаются разум и сердце. Можете к нему обратиться за советом, если в этом есть необходимость. Если будете звонить им, поклонитесь от меня, пожалуйста». Чуковский воспользовался советом: «Владимир Харитонович был у меня дважды. Произвел чарующее впечатление, и я от души благодарю Вас за это драгоценное знакомство. Вы правы: мудрый диагност сочетается в нем с благородным Челове-

ком. (3.6.1968 года, архив Е.И.).

Есть в архиве лестная характеристика работ отца, написанная известным украинским писателем Петром Панчем, в частности положительно оценен очерк о болезни украинского писателя Михаила Михайловича Коцюбинского – «написано хорошо, мудро, гуманно».

В 70-годы он задумал исследование о болезни кумира своей юности С.А.Есенина.

Как всегда, отец много рассказывал домашним о поисках и находках, не исключено, что в разговорах еще и еще раз продумывал выводы работы. На основании анализа творчества Сергея Есенина, Ефрем Исаакович пришел к заключению, что поэт страдал эпилепсией, осложнившейся влечением к алкоголю: «И как рощу в сентябрь, осыпает мозги алкоголь» («Черный человек»). При жизни отца статья не публиковалась по разным причинам. И только через много лет, в эмиграции, мне удалось ее опубликовать в Израиле в журнале «Коллеги» 1993, 1, стр. 60-63. Вошла статья и в третье издание книги «Помнить о больном» Киев, 2012

Издание книги отца очень затянулось. Издана книга, к большому сожалению, посмертно. «Пособие по медицинской деонтологии» вышла в свет в 1974 году (тираж 25000) с блестящим предисловием академика В.Х. Василенко, имела оглушительный успех. В 1978 году книга вышла в расширенном, дополненном варианте под названием «Помнить о больном» (тираж 50000) с иллюстрациями в прошлом киевско-

го, а ныне известного американского художника М.С. Туровского. Фамилия художника не названа, как и не помещен портрет Ефрема Исааковича его работы, так как к моменту издания он жил в США. Прекрасное послесловие написал доктор медицинских наук, писатель, дипломат, бывший посол Украины в Израиле, и США Ю.Н. Щербак. И эта книга стала вскоре библиографической редкостью. В книги вошли исследования отца о болезни И.С.Тургенева, М.М. Коцюбинского, Отравил ли Сальери Моцарта (глазами врача), очерки о медицинских темах в творчестве Л.Н.Толстого, И.С.Тургенева, А.П.Чехова, Гюстава Флобера.

В письме ко мне В.Х.Василенко 18.02.1987 года писал «Для меня Ефрем Исаакович всегда представлялся, как редкое сочетание нежного поэта и трезвого врача».

Знакомясь с современной литературой по деонтологии и литературно – медицинским исследованиям, неожиданно для себя узнали, что своими работами отец значительно опередил время. Подобная постановка вопроса начинает входить в научный обиход. Только год – два тому назад в Америке состоялась одна из первых конференций по изучению медицинских тем в художественных произведениях.

Через 18 лет после ухода отца из жизни в 1991 году я с мужем, матерью, дочерью и крошечной внучкой эмигрировали в Израиль.

Почему эмигрировали? Однозначно не ответишь – боязнь последствий Чернобыльской катастрофы,

поветрие, незабываемые тревоги прошлого.

В год, предшествующий эмиграции, происходили разные знаковые события: запрет на эмиграцию в США и, главное, тревожные слухи о возможности погрома. Они циркулировали в Киеве и даже лаборантка – сотрудница предложила убежище. До сих пор не знаю, кто и с какой целью распространял их, но с учетом исторической и семейной памяти, было жутковато от унижения, непонимания.

Что мы привезли? Семейную память, книги вместо вещей, погруженность в привычную культуру, ностальгию и робкую надежду на будущее.

Через 8 месяцев после эмиграции – дочь-филолог Лариса Фиалкова прочитала в университете лекцию на иврите. В последующие годы отдельно и в соавторстве написала и опубликовала 5 книг на разных языках (русский, украинский, английский) по проблемам эмиграции.



*Лариса Львовна Фиалкова –
профессор Хайфского университета.*

Внучке, Лиле Дашевской, приехавшей в один год и 11 месяцев, сохранили полное владение русским языком. Она же по программе израильской школы в разделе «Корни» рассказала о прадедушке Ефреме Лихтенштейне. Окончив школу в 18 лет, перевела роман с английского языка на иврит, готовит к публикации. Служила в армии.



После окончания службы в армии поступила в университет и в 2015 подала дипломную работу о творчестве Михаила Врубеля. Проводит экскурсии в музеях Хайфы на разных языках, свободно говорит на пяти языках.

*Лиля Дашевская
с дипломом о творчестве Врубеля*

Эмигрировав в пенсионном для страны исхода возрасте, я через 8 месяцев начала работать врачом в одной из больниц, возможно благодаря судьбоносному узнаванию картины на стене. Во время интервью профессора неожиданно вызвали к телефону в другую комнату. От нечего делать, оглядевшись, обратила внимание на картину, висевшую на стене, показалось – Кандинский. Спросила у профессора, так ли? Он оказался большим любителем и знатоком русского авангарда, что побудило внимательнее отнестись к непростому, продолжительному профессиональному интервью, после чего последовал прием на работу.

Привожу отрывок из шутивного стихотворения маминого двоюродного брата Юры Тульчинского. (печатается в периодической печати Израиля, Канады, автора нескольких книг пародий и эпиграмм):

В семье давно легенда бродит,
Как в неизведанной стране

Исаннин первый шаг к работе
Был от картины на стене.

И эта самая легенда
Доказывает нам вполне
То, что багаж интеллигента
Не в багаже, а в голове.

Подробный рассказ о перипетиях поиска работы и полный текст стихотворения опубликован в монографии Марии Еленевской и Ларисы Фиалковой «Русская улица в еврейской стране» Москва, 2005 т. 2 с.28-30

После 11 лет работы по специальности и выхода на пенсию в 2003 году, печатаю статьи по теме: «медицина и литература». Опубликовала в 2009 году книгу: «Этюды о литературе. Глазами врача. В 2015 году в Торонто вышла книга «Литература и медицина».

Сын брата Ефрем – младший, живущий в Киеве, перевел одну из статей деда на английский язык для публикации. Ефрем Викторович Лихтенштейн (внук) – литературный переводчик

В этом я вижу продолжение семейных традиций.

Как писал Анри Труайя в 2005 году: «Только там, где его корни, – в родном доме, среди своих близких, – человек остается самим собой.»



РИМСКАЯ ИРИНА. ЛИНИЯ СУДЬБЫ.

На Урале, в конце 30-х годов XX века встретились мои родители. Отец – молодой инженер, выпускник Индустриального института в Свердловске, и мама – учащаяся Медучилища. У папы была уже своя комната в новом горсоветовском доме, куда он и привел свою будущую жену Анечку Панаеву. Поначалу представился как Миша, украинец. Потом «открылся», что Наум, и что еврей.

Еврейство не принято было афишировать. Хотя родители отца Зиновий Евгеньевич Римский и Берта Яковлевна Палей жили тоже в Свердловске, как и еще трое их взрослых детей – старшие дочери Анна и Софья, и младший сын Григорий.

Дед привез свою семью на Урал из Чернигова в 20-е, спасая от погромов, набирающих силу в Украине. Сначала приехали на Южный Урал – Златоуст, Сатка. Мой папа еще юношей в Чернигове окончил «курсы счетоводов», на новом месте он работал и бухгалтером, и рабочим в колбасном цехе. Потом переехали в Свердловск. Здесь оба сына поступили сначала на РАБФАК, а потом на строительный

факультет Индустриального института, который успешно окончили.

Дочери пошли в искусство. Анна увлекалась театром, дружила с известной тогда актрисой Бабановой. Софья – училась музыке.

Я чувствую, что во многом унаследовала беспокойный характер своей тети Анны, ее любовь к театру, вечную неуспокоенность. Она ушла добровольцем на фронт, вернулась живая с болезнями почек от сырых окопов, лечилась на Средне-Азиатских источниках, потом в Челябинске создала Народный театр при ЧТЗ (Челябинском тракторном заводе) и была его бессменным руководителем до самой своей смерти, не дожив и до 60 лет.

Брат отца Григорий также ушел на фронт, как способный инженер строил мосты и переправы, дошел до Берлина, там еще несколько лет участвовал в восстановлении разрушенного, вернулся на Урал уже в 50-е в звании полковника. По возвращении он и его жена работали в Пермском политехническом институте преподавателями – до своего ухода из жизни в 80-е годы.

Мой отец Наум Зиновьевич работал перед войной в Проектном институте «Уралмеханобр», занимающемся проектированием Горнорудных комбинатов, обогатительных фабрик, сеть которых на Урале начал создавать еще Петр 1, и необходимость в которых возросла с началом войны 1941-45 годов.

Он тоже явился на призывной пункт, получил экипировку, назначение... Тут прибежала, задыхаясь,

Шеломенцева, профсоюзный работник, и сообщила, что на Римского Наума Зиновьевича есть бронь, и что без него остановится вся работа. Так его вернули «под конвоем».

Стране нужны были железная руда, металл, проектировщики работали в военном режиме, ездили в командировки, строили «с листа».

На Урал было эвакуировано множество заводов с техническими специалистами, и не только. С западных областей, из Ленинграда прибывали массы эвакуируемых людей, которых расселяли, «уплотняя» квартиры. Прибывали и театры, и музейные коллекции – все это сделало город уникальным и в культурном отношении.

Может быть, эти военные годы и сформировали особый культурный климат города, в котором антисемитизма как-то не чувствовалось.



*Мой отец – Римский
Наум Зиновьевич, фото 1933 года,
Свердловск, ныне –
город Екатеринбург, Россия.*

В начале 50-х услышали о «деле врачей». Евреи все поняли. Отныне все разговоры велись шепотом, при детях помалкивали. Я знаю, что отец собирал газеты, все, что появлялось в печати. Но евреи продолжали работать в промышленности, в вузах, в театрах.

По окончании школы в 1957 году по настоянию

отца я пошла в строительный техникум, в вуз не прошла медотбор («много чертить, а у вас близорукость»). В техникум можно. Через 2.5 года пошла на работу проектировщиком. И сразу же поступила в Университет на вечернее искусствоведческое отделение. Честно говоря, мечтала в артистки, но опять же зрение подвело. Решила пойти «другим путем», через искусствоведение.

Университет изменил все планы. Тут и археологическая экспедиция в Крым – древний Херсонес, замужество, отъезд с мужем в Хабаровск (обоим захотелось романтики), попытка работать в журналистике (газета «Молодой дальневосточник») с рецензиями на выставки, фильмы, спектакли... Потом рождение сына, возвращение в Свердловск, переход на работу в Горисполком – главным архитектором Октябрьского района г. Свердловска.

Новая должность – это тесные контакты с городской властью, с архитекторами-авторами генерального плана города, с директорами заводов, которые приходили ко мне на прием с планами строительства новых цехов, жилых комплексов, детских учреждений, клубов и многого другого. Думаю, что до сих пор в архивных материалах по строительству есть моя подпись.

Мы обустроивали свой город, мы были его хозяевами. Я избавилась от многих своих комплексов, в том числе – национального.

Параллельно защитила на отлично диплом в Университете (кстати, по истории архитектуры города,

периоду конструктивизма, который широко представлен в городе). Все материалы собственного архива (перед отъездом в Израиль) передала в фонд Городского музея архитектуры.

На этом жизненном этапе два человека сыграли большую, поворотную роль в моей жизни. Это были ПАВЛОВСКИЙ Борис Васильевич (еврей), создавший новое направление в университетском образовании – историю искусства – и известный своими книгами по художественной культуре Урала. Он «открыл» новую специальность, а мы стали первыми студентами и выпускниками этого направления на Урале.

Другим человеком стал ПИСКУНОВ Владимир Алексеевич, главный архитектор города, непосредственный мой руководитель, поддерживавший мои поиски.

Следующий этап жизни связан с крутым поворотом. Это стал переход на научно-исследовательскую работу в Сектор социологии Уральского Филиала Академии наук СССР.

Это был конец 60-х, время оттепели. Воздух был как будто пропитан ощущением новизны, творчества, бесконечных возможностей. Всеми обожаемый профессор университета Лев Наумович Коган, еще недавно возглавляющий кафедру эстетики, на лекции которого сбегались не только студенты разных факультетов, но и разных вузов, становится основателем нового направления в нашем «уральском» обществоведении – социологии. Он организует

и возглавляет Сектор социологических исследований в УФАНе – Уральском Филиале Академии наук СССР. Это было рождение уральской школы социологии. Там была и я.

Первой моей работой, связанной с выездом и командировками, было участие в разработке Плана социального развития города Качканар на Северном Урале. Новый город строился на базе Горнообогатительного комбината, того самого, в проектировании которого принимал участие еще мой отец и я как выпускница строительного техникума. Потом мы исколесили весь Урал, писали научные статьи, выпускали сборники, участвовали в конференциях и симпозиумах по всей стране – от Ленинграда до Ташкента, от Прибалтики до Новосибирска и т.п.

Страна была для нас открытой и доступной, а «заграница» – на замке. Следствием этого были не только продовольственные кризисы, но и недоступность книг западных авторов. Как мантра везде и всюду провозглашался приоритет идеологической борьбы с «загнивающим Западом».

Тем не менее, в эти же годы мною была подготовлена кандидатская диссертация по проблемам социологии образования, которая была защищена в Московском педагогическом институте.

С 1974-75 -го годов перешла на педагогическую работу в ВУЗ. Преподавала историю искусства, этику, эстетику, социологию. Параллельно не прекращала участвовать в социологических исследованиях, а также читала лекции в Институтах повышения

квалификации учителей, управленческих работников, депутатов – везде был спрос на новое видение, на анализ реальной ситуации.

В 80-е годы, определяемые как время «перестройки», как будто приоткрылась железная стена, отделяющая нас от Запада. Появились переводы сочинений Ф.Ницше, О. Шпенглера, К. Поппера и других авторов. Выяснилось, что наша страна отстает от Западной Европы на четверть века не только по уровню жизни, но и по многим научным и техническим «достижениям».

Эти годы совпали с этапом социальной зрелости нашего заидеологизированного поколения, когда вечные вопросы «Кто виноват?» и «Что делать?» стал задавать себе каждый думающий человек.

Началось смятение умов, забрехала возможность выезда евреям за границу. Стали открываться курсы изучения иврита, сначала подпольно, потом вполне легально, появились первые отъезжающие. Однако реакция на отъезд евреев была неоднозначной. В коллективах, из которых отъезжал еврей, были

болезненные разборки, клеймили людей в газетах, наказывали руководителей. В обществе вновь формировалось, или оживлялось забытое, негативное отношение к евреям.

В моем окружении философов, социологов, социальных психологов изменение парадигмы сознания, мышления не было неожиданным, оно стало органичным. Появлялись новые работы, имена, оказывающие сильное влияние и на умы, и на по-

ведение. Такими авторитетами стали как классики, ранее недоступные (Н.Бердяев, Э.Фромм, М.Фуко, Ж.Бодрийар), так и современные авторы Ф.Фукуяма, Э.Гидденс, Ю.М.Федоров и др. Новая раскрепощенность вызвала потребность высказаться.

В эти годы мы с мужем Владиславом Букреевым выпустили принципиально новое учебное пособие «Этику права» (изд.»Юрайт», Москва), выдержавшее не одно издание, «Нормативную систему»-В. Букреев, ряд статей. Это были работы, непосредственно отвечающие интересам преподавания в Уральской юридической академии, где мы работали в должностях доцентов.

Отъезд в Израиль – осень 1999 года. Поиск соответствующей научной, исследовательской среды. Трудности с языком. Включение в работу Дома ученых, организуемого при Хайфском Управлении абсорбции

При управлении абсорбции работала амута (общественная организация) «В защиту прав смешанных семей». Меня пригласили с так называемой стипендией Шапиро, то есть – персональным финансированием от Министерства абсорбции. На этом поприще я окунулась в непростые проблемы приезжающих семей, их адаптации в Израиле. Как социолог и социальный психолог вела прием репатриантов, консультировала по психологическим проблемам.

Собранный материал позволил разработать лекционный курс по семейным конфликтам, по проблемам воспитания детей, взаимоотношения людей разных

поколений, которых репатриация вынужденно объединяла. Лекции читались в разных матнасах (Домах культуры) города Хайфы. Материал исследований лег в основу монографии.

С 2000 г. по настоящее время опубликовано более десятка статей в журнале «Вестник Дома ученых Хайфы», прочитано столько же докладов на заседаниях и конференциях ученых.

За эти же годы написаны монографии:

– учебное пособие для вузов **«Эстетика в изменяющемся мире»**;

– по заказу Московского заочного юридического института подготовлены и переданы институту **«Тесты для проверки знаний по эстетике»** – 100 штук;

– по заказу того же института написан учебник **«Основы психологии семьи и семейного консультирования»**;

– **«Человек и его практика. Современная антропология»** – также пособие для вузов.

Все названные пособия носят инновационный характер, апробированы автором в лекциях и в журнальных статьях.

За эти годы мой муж **Букреев Владислав** подготовил две монографии:

– **«Человек агрессивный. Истоки международного терроризма»**;

– **«Расчеловечивание человека в мировой истории. Истоки и глобальные последствия»**.

Обе монографии были изданы в Москве издатель-

ством «Флинта-Наука» в 2007 и 2011 годах.

Я горда, что принимала участие в подготовке этих рукописей и их редактировании.

Создание в Хайфе Дома ученых, работа его секций, организаторская роль Бахмутского Александра, нашедшего активную поддержку в среде новоприбывших ученых, способствовали созданию благоприятной среды для объединения, научных поисков, взаимной поддержки творческих людей.

Жизнь не сводима только к научной работе. Вместе с нами в Израиль приехала моя 80-летняя мама Панаева Анна. Ей все здесь нравилось. При ее слабом здоровье она прожила здесь 8 лет, благодаря израильской медицине, и была нашим главным семейным вдохновителем.

Не менее важным вдохновителем стал и мой сын **Игорь Митюшин** (от первого брака), сценарист, живущий в Москве и принимающий непосредственное участие во всех наших творческих начинаниях. Он стал фактическим соавтором книги по эстетике.

В Израиле у меня было еще одно большое направление работы – это социальная работа, метапелет, как принято ее называть.

Может быть, мне везло на встречи с удивительными судьбами. Почти каждая из них стала очерком, новеллой, неповторимой историей.

Некоторые истории опубликованы в местной печати – газете «Вести», другие – в уральском российском периодическом журнале «Проталина», с которым вот уже несколько лет поддерживаю творческие связи.

В периодическом журнале «ПРОТАЛИНА» за 2010, 2011, 2012, 2013, 2014, 2015 годы имеются мои публикации (есть на страницах интернета) под двойной фамилией Панаева-Римская (фамилии моих мамы и папы).

В настоящее время принимаю участие в работе семинара по изучению ТОРЫ, а также в работе медико-психологической секции Дома ученых.

Мы попали в межу
между прошлым и будущим,
днем вчерашним и наступающим завтра.

Идут вслед те, кому не нужно
Предков, род для них – помеха,
Тормоз, семья – лишь идол,
Которому греховно поклоняться.

Они освобождают площади,
пространства, названий не запоминая,
как цунами разрушая берега,
круша до них все созданное,
сожаленья не испытыв.

В начале жизни была война – за жизни сохраненье,
В процессе – войны локальные – за продолжение жизни.

Теперь же, в виртуальный век – игра:
Богатым деньги, прочим знание – как надо жить,
Чему служить, кому прислуживать.

Погибших не считают.

То – стихия, землетрясение...

Кто тут виноват.

Господь наказывает всех, лишая разума.

История повторяется.

После Лютера в Европе весь мир наполнился огромной тревогой и смертельной враждой, повсюду образовывались ФРОНТЫ битв между молодыми и старыми, родиной и человечеством, между красным и белым, правоверными и еретиками, поборниками вчерашнего и поборниками завтрашнего. Фронты рассекали географические карты, народы и семьи. Везде боролись, убивали, разрушали, и каждая сторона делала это с верой, что борется за Бога и против дьявола.

Это было дикое время высоких порывов, дикой ненависти, несказанных страданий.

Распространяется влияние (особенно на молодежь) военной идеологии, демагогического мировоззрения, согласно которому ученые, наука, духовная культура имеют право на жизнь лишь настолько, насколько они способны служить военным целям.

Вот из воспоминаний метапелет, Ирины Римской.

НАШИ СООТЕЧЕСТВЕННИКИ.

В сорок первом, когда грянула война, Дора заканчивала 10-й класс. Было это в городке Жлобин Гомельской области в Белоруссии. Бомбежки начались тут же. В срочную эвакуацию не успевали захватить даже необходимое. Все бежали. С вражеских самолетов – ковровые обстрелы. Рядом уже лежали уби-

тые. Ее семье повезло, уцелели.

Потом был Ростов-на-Дону, оттуда на Урал. Село Байкалово в Свердловской области. Здесь вчерашняя школьница стала учить детей русскому языку в сельской школе. Тянуло в медицину – поехала в Свердловск, поступила в медицинский. Память была хорошая, выучила сразу все названия скелета, мышц (она и сейчас все помнит как таблицу умножения), дошли «до трупов», не смогла себя преодолеть, бросила. Потом поступила на филологический в Уральский университет им. Горького.

Здесь и решилась ее судьба. Будущий муж учился в аспирантуре и вел в ее группе практические занятия. Наум Лойфман был не только успешным аспирантом, но и блестяще защитил диссертацию в МГУ, где известный академик-лингвист В. Виноградов назвал его большим талантом.

Потом они оба преподавали в вузах Оренбурга, Астрахани... Она родила троих детей, муж заболел, приходилось рваться на части между больницей, детьми и работой. Читала лекции студентам за себя и за мужа, опираясь на его конспекты. Никакой помощи ниоткуда. Денег не было. Поняла, что нужно самой биться. Защитила диссертацию в Горьком, когда ей было уже 47 лет. На поездку в Горький заняла 200 рублей в кассе взаимопомощи, «черной кассе», как их тогда называли. На обратную дорогу была только буханка черного хлеба, которую она незаметно грызла в тамбуре, отказываясь от угощения соседей якобы по соображениям диеты. Муж умер

рано. Потом похоронила дочь. Осталось два сына.

В Уральском университете учился и остался работать младший брат мужа. И сейчас на философском факультете чтут имя доктора философии Исаака Яковлевича Лойфмана, недавно ушедшего из жизни. Этот же университет закончил и старший сын Доры Борис Лойфман. Так университет выпестовал фамильную династию педагогов. У Бориса и мне пришлось пройти обучение по курсу иврита.



*На снимке Ирина Римская, Дора Лойфман,
Владислав Букреев.*

Сейчас Доре Ефимовне 93 года. Она, к сожалению, передвигается на коляске. Но у нее по-прежнему от-

личная память, и, живя в Израиле, она каждый праздник поздравляет окружающих стихами.

На свой 93-й день рождения она обратилась к своим гостям, которые уже тоже в преклонном возрасте, своими новыми стихами:

Мы не становимся моложе,
Так значит нужно стать мудрей,
Пусть совесть нас все чаще гложет,
И каждый день для нас ценней.
Мы не становимся моложе,
Но нужно возраст свой любить,
Быть не к другим, к себе – построже,
И правду чаще говорить.
Мы не становимся моложе,
Но дай нам Бог в маразм не впасть,
Не стать занудами, о Боже!
И жизнью наслаждаться всласть...
Мы не становимся моложе,
Куда от этого бежать?
Но я прошу – давайте все же
Жизнь добротой украшать.
Давайте видеть, слушать, помнить
О тех, кто рядом и вдали,
И соучастьем жизнь наполнить...
Ведь в наших силах, черт возьми!
Мы не становимся моложе,
Так значит нужно стать мудрей,
И не считать морщинок кожи,
Морщины душ куда страшней!

10.02.2016. Хайфа.Израиль



НАТАЛИЯ САЛМА.

«ЧТО Я СПОЮ ВДАЛИ ОТ ТЕБЯ»

ОТРЫВОК ИЗ
АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПОВЕСТИ

ДЕТСТВО

«С глазами, полными слез...»

Вот данные из моей биографии:

Год рождения – 1938 г.

Место рождения – город Ленинград, СССР.

Национальность – еврейка.

Что изменилось с тех пор, как я родилась? Город Ленинград был переименован и вновь стал называться по имени его основателя, царя Петра Первого – Петербургом.

И это хорошо, потому что негоже, чтобы прекрасный и славный город носил имя того, кто вверг Россию в кошмар пролетарской диктатуры, гражданской войны и строительства коммунизма.

Исчезла графа «национальность» в паспорте граждан России, как не было ее никогда в паспортах граждан всех цивилизованных стран мира: и это тоже хорошо.

Изменилось мое семейное положение, страна проживания, адрес, гражданство, номер телефона и так далее и тому подобное.

Но страшный 1938 год – тот же, что и был, и будет все тем же 1938-м годом. И забыть его никак нельзя... Хотя можно, конечно, стереть из памяти людской все, что было связано с этим годом. И тогда 1938 просто станет ничего не значащей обычной цифрой...

Сделать – можно (опыт истории доказывает это!), и исчезнет этот год из памяти людской. Можно придать всему, что тогда было, другое освещение. Такое, при котором страх и ужас становятся обыденным явлением, какое было, есть и будет во все времена.

И тогда и говорить об этом не стоит.

Ну было – и прошло...

Теперь ведь у нас все, как принято считать, по-другому.

О 1937-1938-х годах можно было бы и забыть (как этого хотят очень многие!), если бы 1937-й не стал началом кровавой эпохи, когда установленная с помощью террора еще в 1917-1918 годах диктатура пролетариата уничтожала не только «чужих», но и «своих», показав свою иррациональную природу.

Итак, год рождения – 1938-й, и еще неизменное – еврейка. Каждый ребенок, придя в этот мир, долго живет несамостоятельной жизнью. Слабый и беззащитный, он тесно связан с окружающими его людьми. И их настоящее и прошлое, их внешний и внутренний облик оставляют неизгладимый след в его

душе. Они формируют его личность, помогают в выборе линии его жизни.

Случилось так, что я оказалась счастливым ребенком: у меня были любящие мама и папа, дедушки и бабушки, дяди и тети... Я помню их всех, они стали частью моей детской жизни: их судьбы, их лица были моим миром, их жизни, их истории вплетались в историю страны. Через их судьбы я училась жить, формировать свое отношение к миру.

Мои мама и папа родились незадолго до Октябрьского переворота: мама – в 1916 году, папа – в 1914 году.

Им повезло, потому что совершившие этот переворот (названный революцией) и уничтожившие тех, кто был против, пощадили и их самих, и их родителей – моих дедушек и бабушек, к чести своей, не принимавших в кровавых событиях 1917-го и следующих нескольких лет никакого участия.

Когда побеждает диктатура, то об оставшихся в живых можно сказать только: их спасло чудо – ведь человеческая жизнь в глазах так называемых «борцов за свободу человечества» лишена всякой освященности и ценности (не говоря уже о правовой защите).

Семья моей бабушки по линии отца до Первой Мировой войны жила в провинции. Прадед был часовых дел мастером. В семье было много детей, но нужды не знали. Детей любили, растили, учили...

Я мало знаю о быте этой семьи, но думаю, что он был похож на тот, который так чудесно описала Бел-

ла Шагал в книге «Горящие свечи».

Ведь мои родственники жили в городке, подобном Витебску, и относились к тому же среднему социальному слою еврейства. Моя будущая бабушка была старшей из детей, она помогала матери по хозяйству. Потом вышла замуж за такого же добропорядочного, честно зарабатывающего для семьи на хлеб насущный человека, каким был ее отец. У бабушкиного избранника была лавка, в которой продавалась материя. После свадьбы молодые приехали в Петербург, купили квартиру, и здесь в 1914-м году родился их первенец – мой будущий отец. Здесь же их застала Первая мировая война и Октябрьский переворот, но эти события прошли как бы мимо них: дед был занят работой в магазине, бабушка – маленьким сыном, хозяйством, мужем и родственниками, которые постепенно приезжали из провинции в город – учиться или работать. Все бабушкины братья и сестры числом пятнадцать, взрослея, поселялись в большой квартире деда на Поварской, почти в центре города, на пятом этаже, в доме без лифта. Этот недостаток делал квартиру недорогой, и дед, который был небогат, смог ее купить...

Дед принимал всех родственников, потому что очень любил бабушку и потому, что древний дух семейственности был у него в крови. Человек 7-8 бабушкиных родственников так и остались жить в его квартире навсегда. В советское время квартира была уже густо населена... Но это не спасло семью от «уплотнения»: в одну из комнат вселили женщину-

активистку с грудным младенцем. Так квартира стала коммунальной.

Советская власть была последовательна – частные квартиры «исчезали», превращаясь в коммуналки. И дело было не в том, чтобы расселить поток людей, хлынувший из деревни в город... Просто новая власть считала такие понятия как любовь, семья, частная собственность – пережитками прошлого, которые следует искоренять. Семьи «разбавлялись» посторонними, точнее «своими», верными новой власти людьми...

Это приводило к столкновениям на кухне, частым ссорам по пустякам, вечным разборкам, делавшим прежде нормальных людей марионетками, которыми легко манипулировать...

Кроме того, советская власть, вселяя «свои» кадры в частные квартиры, использовала их в качестве осведомителей. То есть держала всех под колпаком, делая их подозрительными и запуганными...

Удивительно, что и при таких условиях семья деда все же держалась очень долго, сохранившись даже после Второй мировой войны. Многие к тому времени пережили свои семейные драмы.

Трагикомически сложилась судьба дяди Аркадия, самого образованного из всей бабушкиной родни. Приехав в Петроград после революции, он сумел окончить технический ВУЗ и получил диплом инженера. Попав на завод, он, как молодой многообещающий специалист, «комсомолец, спортсмен и красавец», был назначен начальником цеха, но, как

тогда говорили, «не оправдал оказанного ему доверия»... За целый год он ни на кого не донес – ни на начальников, ни на подчиненных... Ему инкриминировали «отсутствие бдительности» и с позором выгнали с работы. По тем временам это было мягким наказанием. Могли бы приписать сотрудничество с мнимыми врагами! Но после этого найти работу по специальности он, конечно, не смог.. И он стал зарабатывать на хлеб где и чем придется... Он был унижен и напуган случившимся так, что даже не помышлял о создании своей семьи...

Тетя Лёля, зубной врач по профессии, ушла медсестрой на фронт еще в Первую мировую войну. Там ее контузило, когда она выносила раненого с поля боя. С тех пор ее мучили повторяющиеся приступы тяжелой депрессии; тогда ее отправляли в психиатрическую больницу.

Тетя Женя стала женой простого русского парня, рабочего, и сначала уехала к нему в Вологду. Там она родила сына. Когда началась Великая Отечественная война, муж ушел добровольцем на фронт и вскоре пропал без вести. Может быть, он был убит, а может – оказался в плену... И после освобождения прямым путем попал в ГУЛАГ, где он и сгинул безвозвратно... Все наши солдаты, побывавшие в плену, считались изменниками Родины.

У дяди Яши – человека больного (он страдал язвой желудка), никогда не было семьи. На Поварской он жил вместе с дядей Виктором, самым загадочным представителем мужской половины семьи Гернштей-

нов, исполнявшим роль «старейшины» или «главы клана». Занимали эти мужчины угол за занавеской в огромной столовой, где обедала вся семья и где принимали гостей...

Была еще тетя Оля (с дядей Яшей они были близнецы), которая раньше, до моего появления на свет, тоже жила в квартире деда. Потом она вышла замуж за крупного специалиста-инженера и переехала к нему. О том, что было дальше, на Поварской не говорили... Я знала лишь, что эта тетя с дочерью живет где-то в Сибири. Только в конце 50-х годов, во времена хрущевской оттепели я узнала правду о семье тети Оли. Ее муж занимал важную должность в Министерстве путей сообщения, но в 1938-м году был арестован. Его объявили шпионом и врагом народа, собиравшимся продать японцам Транссибирскую железную дорогу. Его расстреляли, а семью – тетю Олю с грудным сыном и десятилетней дочерью – сослали в Сибирь. Мальчик по дороге умер. Тетя тяжело работала, одна растила дочь Тамару, которая так успешно закончила школу, что была принята на химический факультет Новосибирского университета.

В 50-х годах расстрелянный муж тети Оли был реабилитирован, и она вернулась с дочкой в Ленинград, в семью, на Поварскую. Правду говорят, что в России нет ни одной семьи, где бы не было репрессированных.

В доме моей мамы, где я родилась и выросла, было много книг, и мне было разрешено читать все, что угодно. Так я очень рано прочитала Пруста, где-то

лет в 10-11, и хотя мало что поняла в судьбе Свана, Пруст мне очень понравился из-за чудесной музыки вещей, самых обычных, незначительных, таких, например, как фарфоровая тарелочка с печеньем.

Музыка у него часто была мелодией запаха, вкуса, цвета, формы. Позже я услышала эту же мелодию в рассказах Ивана Бунина, ставшего на всю жизнь моим любимым писателем.

Я не увиделась с бабушкой перед ее смертью. Судьба занесла меня тогда в чужую страну, где для меня никогда не звучала эта удивительная музыка. А может быть я просто не сумела ее расслышать? Когда же, спустя годы, я приехала в родной город в гости, уже не было и квартиры на Поварской: дом стоял, но после капитального ремонта в нем жили чужие люди. А тех, кто остались от семьи, расселили, и они жили порознь в разных концах Ленинграда.

Справедливости ради надо сказать, что семья Гернштейнов начала распадаться еще до смерти бабушки и до расселения. Сказались несложившаяся личная жизнь, неприятности на работе, необеспеченность, и, конечно же, царившая в стране атмосфера неуверенности и подозрительности. Были и другие факторы, испортившие характер многих членов семьи, ставших к старости придирчивыми, нетерпимыми, неблагодарными.

Ссорились все чаще – то из-за пользования общим телефоном, то из-за жилплощади: ведь в большой комнате за занавеской долгие годы ютились трое мужчин, а в проходной тоже за занавесками, жили

сестры – несколько пожилых женщин. Поссорившись, переставали разговаривать надолго, но все-таки, когда в Ленинград приезжали редкие гости – родные, жившие в разных городах, – обиды откладывались в долгий ящик, все опять собирались в столовой, где каждый час звонили высокие часы, где за овальным столом, уставленным пирогами, коврижками и ватрушками, с вареньем из брусники, из черной смородины, из крыжовника, из райских яблочек, собиралось человек 15-20, – свои и приезжие. Начиналось чаепитие с расспросами и рассказами. Все были оживлены, все угощали друг друга, все улыбались и чувствовали себя снова дома.

Об обидах забывали и когда кто-нибудь заболел. За страждущим ухаживали все, особенно те, кто были с ним в ссоре. И даже после того, как семья оказалась разбросанной по разным концам города, все знали друг о друге все новости и помогали друг другу, чем могли.

Ведь такие разные 15 братьев и сестер моей бабушки были воспитаны своей матерью, моей прабабушкой Лизой, в любви и заботе друг о друге. Они не потеряли этой любви на протяжении своей многотрудной жизни. И во многом это было ее заслугой. Все они, сознательно или бессознательно, сделали свой выбор, оставшись в стороне, за бортом, вне главного руслу советской действительности...

Прабабушка Лиза после смерти прадеда, которого я не знала, но который по рассказам был правозверным и очень строгим евреем, тоже какое-то время

жила на Поварской. Ее я помню, она умерла, когда мне было лет десять.

* * *

Моя бабушка по материнской линии не умела готовить. До войны этим занималась кухарка. Пережитая блокада Ленинграда, когда счастьем был кусочек черного хлеба, мерзлая картошка и кружка кипятка, сделала ее такой непритворливой в еде и такой экономной, что она готовила все самое простое и старалась истратить как можно меньше продуктов. Получалось, конечно, не очень вкусно. К тому же она была очень слаба физически, поэтому приготовление пищи занимало у нее много времени, и мы обедали где-то к вечеру.

Вообще любовь, которую мне дарила эта моя бабушка, проявлялась в первую очередь не в заботе о моем питании или о чистоте и порядке в доме. Хотя, по-своему, она и об этом заботилась. Бабушкина любовь ко мне проявлялась в том, что она часто водила меня гулять в Летний сад и на Неву, по вечерам читала мне «Робинзона Крузо» и играла на рояле старинные романсы, которые когда-то пела на сцене ее мать, прабабушка Настя, умершая незадолго до моего рождения.

Я любила рассматривать старинные фотографии и слушать бабушкины рассказы о прежней жизни: о юности, о близких, которых уже давно не было в живых, или же они были далеко, в прекрасной Франции

или в Америке. Туда уехал еще в 1912 году ее единственный брат Боря, и там жили его дети и внуки. На стене в бабушкиной комнате висел его большой фотографический портрет в раме красного дерева. Боря был такой нарядный, во фраке, с маленькими черными усиками, как у Чарли Чаплина. А рядом с ним стояла, легко опираясь на спинку кресла, настоящая чеховская красавица: сероглазая и светловолосая бабушкина сестра Катюша.

Ее история особенно волновала мое детское воображение. Она вышла замуж очень рано, за человека крайне некрасивого, к тому же он был игрок и пользовался репутацией кутилы. В Катюшу он был безумно влюблен. Говорил ей, что только она может спасти его от пагубных страстей, и угрожал покончить жизнь самоубийством, если она не выйдет за него замуж. Однажды он даже приставил к своему виску пистолет.

Любила ли его Катюша, я так и не узнала. Думаю, что она его просто жалела по доброте душевной и верила, что сможет его спасти. Ей казалось, что он любит ее по-настоящему, а ведь настоящая любовь – даже если она односторонняя – это такой дар и такая редкость! Устоять перед ней почти невозможно, да и нужно ли?

После свадьбы муж увез ее в Варшаву. В 10-х годах XX века туда уезжали, а лучше сказать, бежали, люди запутавшиеся, но не желавшие отказаться от попытки добиться в жизни успеха. Быть может поэтому, что Польша, входившая в состав Российской

империи, была как бы ее колонией, ее провинцией, и там таким людям легче было сделать карьеру. Там жил отец великого русского поэта Александра Блока, читавший юридическое право в Варшавском университете, – усталый демон, которому гениальный сын посвятил поэму «Возмездие».

В Варшаве очень скоро произошла трагедия. Катюшин муж после свадьбы продолжал вести прежний образ жизни. Катюша была совсем одна. Моя бабушка, ездившая навещать сестру через полгода после ее свадьбы, нашла ее в подавленном состоянии. Муж проиграл большую сумму денег, у них были долги, он много пил, свободное время проводил в публичных домах.

Катюша собиралась развестись с ним и вернуться домой, но он об этом и слышать не хотел. А вскоре после возвращения бабушки из Варшавы пришло известие о смерти Катюши: она покончила жизнь самоубийством. Бабушка никогда не верила в эту версию ее гибели. Ведь сестра была так молода, до своего брака была такая веселая, ее любили за легкий нрав, доброту, красоту! Бабушка считала, что это муж отравил Катюшу, когда понял, что она уйдет от него навсегда. История эта так и осталась нераскрытой. Катюшу похоронили в Варшаве. Семья перестала общаться с ее бывшим мужем, и что с ним стало потом – неизвестно.

Странно влияют судьбы наших близких – даже тех, с кем мы никогда не встречались – на линию нашей жизни. Как часто с нами повторяется то, что когда-

то происходило с ними, как часто наше, казалось бы совсем другое настоящее оказывается по сути дела повторением прошлого! Есть тайна в нашем влечении к «делам давно минувших дней» или в нашем отталкивании от них. Но в том, что наша жизнь во многом повторяет жизнь наших предков, в сущности, нет ничего необъяснимого или рокового. Ведь познакомившись с ними по семейным преданиям и полюбив их, как любили их те, кто сохранили память о них, мы принимаем их отношение к людям, к жизни, к себе, их оценки, их взгляды, их выбор.

Так, приняв как должное, как норму, как некую безусловную ценностную установку Катюшино пренебрежение собственными интересами во имя спасения нуждающегося в помощи, я поступила так же, как она, встретив того, кто просил помощи у меня. Хотя чувствовала, что вряд ли смогу ему помочь. И так же, как она, поняв, что никаких шансов на то, что дело увенчается успехом, больше нет, я попыталась разорвать отношения, ставшие унижительными для моего человеческого достоинства. Но об этом речь еще впереди.

Надо сказать, что бабушка, рассказывая мне горестную историю любимой сестры, жалея ее за то, что она стала жертвой недостойного человека, никогда не говорила, что Катюша совершила ошибку, выйдя за него замуж. Хотя и она, и вся семья отговаривали ее от этого брака. Так я впервые столкнулась с тем, что в европейской культурной традиции называется парадоксом: с выходом за пределы обще-

принятой логики, в мир высшего смысла. Согласно обычной житейской логике выходить замуж за человека, пользующегося дурной репутацией, и к тому же не будучи в него влюбленной, безусловно – ошибка. Ведь совершенно очевидно, что жене с ним будет тяжело, да и шансов на то, что уже сложившийся взрослый человек переродится, очень мало: такое бывает, но это чудо. А с чудом житейская логика не имеет дела. Однако, согласно нашей культурной традиции – и еврейской, и христианской – самопожертвование, жизнь ради другого в надежде на его спасение, выше, достойнее обывательского стремления к благополучию. Ведь именно это важно и нужно для всех, и этого ждет от нас Бог, дарующий нам жизнь как испытание, о котором так настойчиво говорит Библия – Книга высшей человеческой мудрости.

Но если Катюша, выйдя замуж, поступила так, как она должна была поступить, почему же ее судьба сложилась так ужасно? Или она совершила ошибку, когда решила уйти от мужа? Может быть, она должна была оставаться с ним до конца и даже не помышлять об освобождении? Думаю, что нет. Ведь ее жертва потеряла смысл, когда муж стал требовать от нее покорности рабыни, сносящей порочные прихоти своего господина. Катюша должна была разорвать этот, ставший бессмысленным и унижительным, союз. И это ей, быть может, удалось бы сделать, муж, может быть, и отпустил бы ее, если бы начало XX века не было тем, чем оно было: эпохой декаданса, упадка сил, началом века релятивизма, отказа от ценностей

аристократической по своей сути традиции – от требования благородства, чести, доброго имени, от хорошего вкуса... (На этих ценностях зиждятся и так называемые гражданские ценности: честность, уважение к правам человека, сострадание, правдивость, аккуратность...)

Такой отказ приводил к опустошению личности и, одновременно, к разгулу темных страстей, к подчинению обстоятельствам, к отдаче всем вихрям эпохи.

Позже, в десятых годах XX века было предложено интеллектуальное решение, которое должно было послужить выходом из тупика, получившего название «кризис гуманизма». Оказавшемуся слабым человеку предлагалось опереться на такие духовные и моральные ориентиры, которые находились не в нем самом, а были внешними для него: на объективно данную ему историю или на язык, на котором говорим не мы, как это считалось раньше, а который якобы говорит нами.

Но все это было позже, да и предложенные решения – в силу своей внеличности – вряд ли могли спасти положение. Они давали лишь хрупкую возможность сохранить некий минимум человечности, но они, как мы знаем, не спасли человечество от ужасов двух бессмысленных – и потому чудовищных – мировых войн, от красного и коричневого террора, от ГУЛАГа и Освенцима...

Россия, где родились и выросли мои близкие, «проиграла XX век», и произошло это в 1917 году,

отменившим связь с прошлым, историю как Божий промысел и прежний язык как хранитель высшего смысла.

Муж Катюши был одним из тех, кто еще до встречи с этой чудесной девушкой потерял прежние духовные и моральные ориентиры, и Катюша действительно была для него последней надеждой на спасение. Но он уже пригубил отравленный бокал вседозволенности, его уже притягивал порок, и он не находил в себе силы противостоять этому влечению. Катюша очень скоро стала для него напоминанием о его слабости, и он ее возненавидел за это. Он вымещал на ней свое бессилие, свои неудачи и не собирался отказываться от этого садистского наслаждения. Убийство жены было завершением истории гибели души этого человека. Но родился он в другую эпоху, этого, может быть, не произошло бы. Веяние времени, конечно, не может быть оправданием злодеяния, ведь созданный свободным человек, не должен быть игрушкой в руках враждебных ему сил. Но жестокость века может служить смягчающим вину обстоятельством.

Когда позже, на уроках истории я узнала, что в России до революции существовала черта оседлости, и евреям не разрешалось жить в столице, я спросила у бабушки: «Почему все мои предки, включая прапрадеда, жили в Петербурге?» Оказалось, что бабушкин дед еще мальчиком был взят из провинции в особый императорский полк маленьких музыкантов, и за свою службу он и его потомки получили право се-

литься в любом городе России. Прапрадед играл в оркестре Императорского Михайловского театра, и бабушка гордилась тем, что он исполнял соло триумфальный марш из «Аиды». Музыкальность и любовь к сцене прабабушка Настя унаследовала от отца. Но хотя он до самой смерти прослужил в театре, в нем не было ничего богомного: он был очень набожным евреем, соблюдал обычаи и тому же учил своих детей и внуков.

Бабушка всегда с удовольствием вспоминала о своем детстве. Она любила учиться и с успехом закончила гимназию. За ней ухаживали несколько молодых людей, студенты, братья ее подруг по гимназии и по музыкальной школе. Они ей нравились, но ни в одного из них она не была влюблена. В это время одна из бабушкиных кузин выходила замуж за человека солидного, респектабельного, обеспеченного. И на ее свадьбе бабушка познакомилась с приятелем жениха, моим будущим дедом. Как и жениху, ему тоже было под сорок, но выглядел он молодо, был элегантен: он был закройщиком, шитье учился в Париже, и у него был хороший вкус. Но ведь это был человек совсем другого круга, не того к которому привыкла моя бабушка! Он влюбился в нее сразу, начал ухаживать, дарил ей цветы, водил в театры и в концерты.

Мать была в отчаянии. Она сразу поняла, что дело кончится свадьбой. Она знала свою дочь, ее готовность на жертвы ради семьи, ради нее. Она же к этому времени уже не пела на сцене. Сбережений не

было. Что дочери оставалось делать в ее положении? Но выходить замуж за человека, который годится ей в отцы!... Очень скоро он сделал ей предложение, и она дала согласие. Он купил огромную квартиру: целый этаж из 16 комнат на Знаменской, по случайному совпадению – рядом с Поварской, где в это же время поселились мой дед с бабушкой по линии отца. Парадные комнаты окнами на улицу заняли молодые, и здесь же была мастерская деда; в задних комнатах жили подмастерья и родственники, приезжавшие из провинции.

Дед сделал все, чтобы бабушка была счастлива. У нее была кухарка и домработница, дед дарил ей драгоценности и красивую одежду. Зная о бабушкином увлечении музыкой, он поступил на работу в оперный театр, став заведующим пошивочными мастерскими. Но отношения с тещей оставались натянутыми. Она не могла простить ему ни возраст, ни род занятий. Ему же казалось, что она настраивает дочь против него. Она жила отдельно, часто болела, виделись они редко.

Потом начались так называемые уплотнения: в большие квартиры вселяли сразу несколько семей, и квартиры становились коммунальными. Дед не стал дожидаться уплотнения: он договорился с мастерами и отгородил три комнаты окнами на Знаменскую, а остальную часть огромной квартиры отдал домовому комитету. В трех комнатах разместилась наша семья, и здесь же дед, в тайне от фининспектора, шил пиджаки певцам из своего театра, потому что рабо-

тать частным образом было запрещено, а кормить семью было трудно. Дети росли, учились в советской школе, и, конечно, немного стеснялись своего отца, которого их сверстники дразнили буржуем, и своей матери, сохранившей аристократические привычки и ничего не перенявшей от советского окружения. Но они любили своих родителей, и сами были не совсем советскими детьми: в отличие от большинства своих сверстников, занятых в свободное время пионерской и комсомольской работой, – всякими слетами, походами, кружками, собраниями, обсуждениями, порицаниями и исключениями – они занимались музыкой.

Дед, не жалея сил, шил по ночам, чтобы дать детям музыкальное образование. Женившись, он купил для бабушки пианино, но когда в дом стали ходить учителя музыки, был приобретен рояль самой лучшей фирмы – Стейнвэй. К счастью, дети оказались одаренными. Оба были приняты в музыкальное училище.

В 1937 году, когда сын уже учился в консерватории, а дочь неожиданно вышла замуж, деда разбил паралич. Он вырастил детей, но после этого силы его оставили. Когда в 38-м году родилась я, дед лежал без движения в большой комнате, служившей спальней, а раньше, когда он еще работал, и мастерской. В средней комнате, самой маленькой, жил дядя, а в крайней – мы с мамой и папа, когда бывал дома. Он был моряком дальнего плавания и месяцами находился в море.

Рассказывают, что дед очень любил меня и просил, чтобы меня приносили к нему в постель, а я почему-то хлопала его по полным щекам, но он терпел и все повторял: «Пусть Таточка еще со мной побудет!»

Маму познакомил с папой мой дядя. Он был человеком очень общительным, ему были интересны самые разные люди. Он умел находить в них качества, которыми искренне восхищался, и за которые прощал им все их недостатки. Эту черту я переняла у дяди, за что несколько раз в жизни жестоко поплатилась. Может быть, у него, да и у меня, такое отношение к людям объяснялось тем, что жизнь вокруг была уж очень неинтересная, серая, а часто просто гадкая, поэтому даже крупницы таланта казались даром Божьим и вызывали преклонение и восторг.

Да и советская власть, жаждущая мирового господства, внушала своим гражданам, что они живут в стране сплошных гениев и героев, просто-таки суперменов. Разумеется, ни дядя, ни я не сравнивали «наших» людей с «ненашими» по принципу: «наши люди лучше». Просто хотелось верить, что наша жизнь – это настоящая жизнь, а не какой-то жалкий суррогат. Дядя полагал, что власть – властью, а жизнь – жизнью, и в ней должны быть настоящие люди, свои герои.

С моим будущим папой, жившим по соседству, дядя познакомился случайно, у каких-то общих знакомых. И очень скоро папа стал бывать у нас дома, где и встретился с моей будущей мамой. Дядя тогда учился в консерватории, а папа служил в торговом

флоте. Он уже плавал за границу и умел интересно рассказывать о своих приключениях. О том, например, как в Атлантике их корабль попал в жестокий шторм, а двигатели отказали, и как они боролись несколько дней и ночей за жизнь, пытаясь починить изношенные машины. Папа был действительно храбрым человеком, он и на войне сражался на передовой и получил несколько боевых наград. У папы было чувство юмора, но едва ли он понимал, что такое большая литература и большое искусство. Он был воспитанником советской школы, которая выхолащивала из великих произведений их глубинный смысл, «тонкая материя» духовной культуры осталась за пределами его понимания. О дяде же этого нельзя было сказать. Он это духовное начало чувствовал, может быть, через серьезную музыку, которой занимался и которую любил. Поэтому папа скоро перестал его интересовать. Но тут мама объявила, что выходит за папу замуж.

Все это происходило в 1937 году. Дядя в тот год ухаживал за девушкой из консерватории, дочерью крупного инженера. Но неожиданно ее отец был арестован как враг народа, а вся семья выслана в Сибирь. Эта девушка не была невестой моего дяди, но он был ею увлечен и не собирался отказываться от нее. Он объявил дома, что бросает консерваторию и едет вслед за ней в Сибирь на поселение. Тогда-то деда и разбил паралич. Дядя вынужден был остаться дома, чтобы помочь матери и сестре ухаживать за беспомощным отцом.

Репрессии коснулись и папиных родных, да и папина судьба тоже была под угрозой. Ведь было не очень понятно, как он, юноша из простой еврейской семьи, вообще попал в торговый флот на корабль, который ходил за границу. Там могли служить только свои, проверенные партийные кадры. Может быть, дело было в том, что власть стремилась создать для пропаганды видимость, будто евреи у нас не подвергаются притеснениям, и будто простые смертные могут выезжать за рубеж. А может быть это был просто недосмотр, случайность. Как бы то ни было, папа и в 1937 году продолжал служить на флоте. Товарищи его любили, и, наверное, никто на него не донес! И мама, выходя за него замуж в том злосчастном году, не знала, как сложится их судьба.

Из моего раннего детства в памяти сохранились только какие-то отрывки, но все они счастливые. Помню, например, как я, еще не очень уверенно держась на ногах, стою у края круглого стола и краешком глаза вижу чудесные булочки, облитые застывшим белым сахаром. А в комнате полно солнца, звучат знакомые, любимые голоса, и меня заливает теплая волна радости. А вот, чуть позже, мне года два, я сижу на маленьком стульчике в белом кружевном передничке с газетой в руках и, покачивая ногой, демонстрирую веселым юношам и девушкам – дядиным друзьям – свои лакированные туфельки, привезенные папой из-за границы. Может быть, оттого, что времена были воистину страшные, я в семье была окружена особой любовью: меня бало-

вали, со мной занимались, мною забавлялись и утешались. Брала свое молодость, которая не хотела знать о страшном, а хотела просто БЫТЬ: смеяться, влюбляться, радоваться жизни.

В любом случае в то время всем окружающим было свойственно какое-то странное, двойственное отношение к жизни. Люди одновременно и знали о том, что происходит в стране, и как бы и не знали. Когда, уже после хрущевского разоблачения культа личности, я спрашивала у родителей об этом времени, они то говорили, что все знали (да и как было не знать, если в каждой семье были репрессированные?); то уверяли, что не знали. И это тоже не было ложью, ведь было неизвестно, за что конкретно тогда арестовывали, да и о дальнейшей судьбе арестованных тоже толком никто ничего не знал.

В Европе шла война, но у нас ее как будто не замечали. Когда папин корабль прибывал на Родину, мы ездили в Мурманск его встречать. После долгой разлуки все были счастливы. Жены и дети моряков поднимались на борт, где нас угощали чем-то очень вкусным. Команда устраивала для нас концерт. В одном из таких концертов участвовала и я: по корабельному радио я пела популярную песню, кажется, из репертуара Клавдии Шульженко:

Снова годовщина.
Три любимых сына
Не стучатся у ворот,
Только шлют телеграммы:

«Как живут их папа с мамой?
Как они встречают Новый Год?»
Налей же рюмку, Роза,
Мне с мороза!
Ведь Новый Год встречаем
Ты да я.
Но где еще найдешь ты
В мире, Роза, таких детей,
Как наши сыновья!

В устах двухлетнего ребенка это звучало и комично, и трогательно. Особенно, если учесть, что мою бабушку, папину маму, звали Розой, а несущий где-то суровую службу папа был одним из ее любимых сыновей.

Еще я пела песню Марка Бернеса о нашем городе, который может «спать спокойно и видеть сны, и зеленеть среди весны». Скоро оказалось, что спокойный сон любимого города нам только снился. Мне еще не исполнилось и трех лет, когда началась война.



СЛАВУТСКАЯ ТАМАРА. СТРАНИЦЫ ЖИЗНИ.

Жизнь человека едва ли не интереснее истории целого народа, по памяти и не совсем точно цитирую М. Лермонтова из Предисловия к «Герою нашего времени». Для меня многое значат эти слова.

Росла я среди «разных народов». Родилась от еврейского папы и еврейской мамы. Но речь первую знала украинскую, так как после ухода мамы из жизни папа женился на украинке.

Вспоминайте меня черемухой,
Вспоминайте меня сиренью,
Прожила я жизнь настоящую
Лишь Цветаевой слабой тенью,
Да еще рождением дочери,
Что красую для мира служит...

Начала я этими стихами сообщать себе о вехах в моей жизни. И решила написать важное.

От бабушки Рахили Славутской я помню ее слезы и интересно звучавшие слова «Йом кипур». Еще осталось в памяти ее театрализованное повествова-

ние о подвиге Самсона: она взяла меня за обе руки выше локтей и отчаянно трясла. Идиш я не знала и не понимала, но сохранила листок из бабушкиного молитвенника, напечатанного на иврите.

Хорошо то, что мне дано изначально быть интернационалисткой. Украинский язык рано вошел в мою жизнь. Окружающие меня люди не огорчали никогда.

В Израиле я уже 16 лет, и мне приятно приобщиться к традициям, истории и гордиться тем, как много значит в истории человечества еврейский народ.

Но полностью раствориться в новой жизни не удалось, хотя стихи мои искренне написаны и воспринимаются хорошо в общении с людьми схожей судьбы.

Я слышу, как трубит шофар – Бараний рог,
А звук несется к Богу.
Не правоверною еврейкой я была,
Но к Синагоге знаю я дорогу...

В Израиле я острее почувствовала и то, что дала мне Родина рождения, и новые приобретения.

Отец мой Славутский Павел Наумович погиб во время Великой Отечественной войны в 1942 году. Благодаря помощи ветеранов войны в Донецке его имя занесено в «Книгу памяти Донецкой области».

С семьей мачехи (у нее родилась дочь от моего отца) я была в эвакуации в Узбекистане.

После войны, в 1946 году, мачеха отдала меня бра-

тьям моего отца. Три года я воспитывалась в Детском доме им. Маршала Г.К. Жукова в городе Горловка в Донбассе. Сердце кровью обливается от воспоминаний о жутких событиях, происходящих там, где я росла, училась в интернате, в техническом училище. Позднее я закончила с отличием Педагогическое училище в г. Артемовске, потом – Пединститут в Донецке. Родственники жили в Славянске и в районе. Теперь, когда я слушаю в «Новостях» сводки о военных действиях в моих родных местах, много сил приходится прилагать, чтобы сдержать волнение. Так же тяжело переживает события моя взрослая дочь Наталья.

Дочь моя родилась в 1966 году, закончила Кинотехникум в Шахтерске, потом – Киевский институт театрального искусства.

До 2000 года мы жили и работали в городе энергетиков Зугрэсе Донецкой области. Я была членом КПСС, и помимо своей прямой педагогической работы много занималась общественной. В течение 15 лет я руководила Клубом любителей поэзии при городском Дворце культуры. Ученикам интерната прививала любовь к прекрасному, писала стихи сама, издавалась. Особенно мне близка поэзия М. Цветаевой. По роду своей работы была связана с музеями.

В Израиль мы с дочерью репатриировались в 2000 году. С большим интересом отношусь к изучению истории, культуры, религии еврейского народа. Уже в Израиле была удостоена премии им. Ив. Кошеливца – от Федерации украинских писателей.

Дочь меня радует внимательным отношением к людям, помощью им. Она работает в сфере продажи сувениров, ее знают туристы, ее показывают в телепередачах как образец доброжелательности и человека тонкого вкуса.

Мы поддерживаем связь с друзьями и родственниками за границей

Сейчас я пользуюсь льготами спасшихся в Катастрофе европейского еврейства. Нравится, что люди заботятся о физическом, нравственном состоянии, о культуре в клубах и обществах. Я пытаюсь быть полезной: добровольно работаю на армейских складах, читаю лекции на литературные темы (например, о Х. Бяликке; к 100-летию 1-ой Мировой войны – об Альманахе 1915 года «Жертвам войны»). Благодарна я прежним Родинам и за мой Детский дом, и за помощь в получении образования, и за лечение дочери в детстве, и за ее образование.

В Израиле мне помогает медицина продлевать жизнь, общаться. Дочь работает, даря людям внимание, чувство красоты. Ей, к сожалению, не повезло в достаточном внимании к ее физическому здоровью.

Я довольна тем, что есть возможность познавать Израиль и в экскурсиях, которые организует Общество «Шило» и Клуб «Британия». Приятно состоять членом Дома ученых Хайфы, где проводится много интересных мероприятий. Хочется, чтобы благие намерения и труд принесли пользу Израилю и способствовали укреплению мира во всем мире.

Я не прерываю связи с друзьями, бывшими уче-

никами в Украине и Донбассе (да будет решена по-хорошему его судьба!).

Тамара Павловна Славутская, родилась в 1936 году в местечке Базар Житомирской области, Народичского района.

Закончила Донецкий педагогический институт по специальности – учитель русского языка, литературы, истории.



ШИФМАН МИХАИЛ. ЖИЗНЬ ДО...

Родился 6 сентября 1936 года в г. Петрикове Белорусской ССР, недалеко от старой границы с Польшей. Дом стоял фасадом на главную улицу городка, дворовый фасад выходил в овраг и вместо одного этажа получалось два. В нижнем этаже хранилось сено для коровы. В жаркий июльский день 1939 г. дом загорелся от сена и сгорел дотла. Отец спасая имущество получил ожоги рук, а для меня с трехлетнего возраста был преподнесен урок противопожарной безопасности от проектирования, строительства и до эксплуатации дома.

Отец лечился от ожогов в городке. В результате осложнений он попал на лечение уже в Москву как раз перед началом войны с Германией. Этот фактор повлиял на наше спасение. Все евреи, кто остался в городке, погибли. Мы добрались до станции Муляровка (12 км) и потом под бомбежками, с пересадками добрались в Москву (мать, старший брат и я) Отца мы уже не застали в живых. Не нашли где похоронен: кругом стоял хаос военного времени. Таким образом уже мертвый отец спас нас от гибели.

А мы уехали в летней одежде, считали по пропаганде, что враг будет разбит за несколько дней и мы вернемся домой. Ключи от дома и все хозяйство в том числе и корову оставили на присмотр соседям. Началась долгая, мучительная, голодная поездка на восток. Поезда то срывались и шли без остановки, то стояли часами и никто не знал когда поезд тронется. В теплушке готовить пищу для детей негде было, поэтому из того что доставали, покупали или обменивали на вещи готовили во время стоянки около путей. Помню поезд тронулся, а картошка не доварилась и мать говорила, что полусырая картошка полезнее вареной и соленой. Наконец мы попали в Казахстан, станция Мамлютка, Северо-Казахстанской области. Помню, что был большой элеватор и мельница. Поселили нас в большом бараке, в середине которого стояла печь-плита с чугунными перекрытиями и с дырками для чугунков. Было голодно и холодно. Детям давали дополнительно на день булочку. Она помещалась на детской ладони. Мы прекрывали её рукой и не ели, а лизали, и не замечали когда она исчезала.

Суп мы научились раскручивать ложкой и подставлять её, чтобы в ложку попала крупа, в основном это было пшено. А кругом были поля пшеницы, но рвать колоски не разрешали и даже подбирать после уборки упавшие колоски неразрешали, за это грозили тюремным сроком. Помню уже зимой, когда охранники покинули поля, нашли не убранную редьку, принесли ее в барак, нарезали кружками и жарили

на плите. Запах, вернее вонь, стояла невероятная, помнится и по сей день. Чтобы утолить голод жевали что попадется. Помню блестящую черную смолу, которую жевали вместо жвачки. Старшая сестра Лина училась в Минске и мы не знали о её судьбе. Ей удалось уйти из Минска, когда его бомбили и все горело. Она попала в Саратовскую область, в колхоз. Разыскала нас и приехала в Мамлютку. Устроилась работать на оборонном заводе. Немного стало легче. Мы дети бегали смотреть в дырки в заборе, как во дворе завода шагали юноши и девушки – их готовили к отправке на фронт. Там же в Мамлютке я в возрасте 6 лет пошел в школу, потому что двоюродная сестра не хотела пойти в школу без меня.

Чувство голода и недоедания преследовали все время эвакуации. Все следили за сводками с фронта. Помню детям пообещали, что когда наши возьмут Киев нам сварят картошку. Киев взяли, а картошка еще не выросла. Было обидно, не за то что Киев освободили, а за то что не сварили картошку.

Как только стали освобождать Белоруссию, мы стали собираться домой. Опять с боями брали вагоны. Детей поднимали на руки и толкали вперед. До сих пор остался травмированный палец, зажатый металлической дверью вагона. Но в Белоруссию мы сразу не попали, а остановились в Грайвароне Белгородской области. В Белоруссию ещё не пускали. Там впервые я почувствовал результаты эвакуации: резкие боли в животе. Это был гастрит, перешедший потом в язву желудка. Потом в 1989 году операция,

клиническая смерть. Многократные переливания крови, и вместе с кровью занесли гепатит С и длительное лечение. Так эвакуация и война преследует меня до сегодняшнего дня.

Но жизнь шла своим чередом нужно было выживать. Новая школа, хотя она была русской, но белорусский язык преподавался и шёл в аттестат зрелости. Помню первый листок в третьем классе, который после проверки из синего превратился в красный. Так до конца десятого класса белорусский язык мне на отлично усвоить не удалось, что помешало получить медаль за окончание школы. Было обидно, потому что в России белорусский язык вообще не изучался бы и не влиял на аттестат зрелости. Детство, в котором игрушек не было, а единственным развлечением летом был металлический обод от колеса автомобиля, который с помощью изогнутой толстой проволоки катился по улицам, а я за ним бежал. Зимой ребята постарше «угоняли» из двора какого-нибудь учреждения сани. Впереди садились рулевые на коньках, а остальные наваливались в сани кто как мог и все это несло по крутой дороге к реке Припять.

Но детство было омрачено смертью матери в 1949 году. После эвакуации нужно было восстанавливать разрушенный дом. Нужно было выживать и поднимать детей. Сестра пошла работать на судостроительный завод, а мать стала заведующей продовольственного магазина. Товаров там почти не было, но спиртное было. Однажды ночью взломали окно магазина и похити-

ли товары. В основном водку. Приехал следователь из Гомеля. Рыжий еврей. Около магазина обнаружили крупные следы от сапог, явно мужские, но мать посадили в тюрьму. Это несмотря на то, что на иждивении у неё были несовершеннолетние дети, я и старший брат. Потом её полностью оправдали, выдали такую справку, но здоровье было подорвано. В тюрьме она заразилась туберкулезом легких и вскоре умерла. Так что с советской властью у меня тоже свой счет.

Но советская пропаганда работала так эффективно, что мы считали, что живем в самой счастливой стране, а вождь народов Сталин – самый гуманный человек на земле, и как мы будем жить без него. В 1953 году я заканчивал школу. Только что в марте умер Сталин. Все в трауре. Сочинение я писал на вольную тему: «Время вперед» и написал даже стихи: «И горем наполнились наши сердца, когда эта горькая весть к нам пришла..» и т.д. Выдержку из сочинения напечатала местная газета, но на получение медали это не повлияло.

Закончилось детство и юность. Встал вопрос о поступлении в ВУЗ. Мне нравилась специальность связанная с транспортом, и я решил поступать в Московский институт железнодорожного транспорта. По зрению (- 6 диоптрий) меня пропустили только в группу инженерно-педагогической подготовки. Набирали 25 человек. Конкурс был человек 20-25 на место. Так как готовили преподавателей для железнодорожных техникумов, а так как детей у железно-

дорожного начальства по всему Союзу было много, то и поступающих было много. Конечно, с моей фамилией и отчеством с таким конкурсом справиться было невозможно, но я храбро бросился сдавать экзамены. Математику я знал неплохо. Ответил на билет. Последовал дополнительный вопрос: Что такое период функции. Ответ: то значение аргумента при котором функция повторяется. И поправка экзаменатора: то наименьшее значение аргумента. И тройка. Понимаю, что провалился. В глазах темно, не могу найти выход. Вышел на безлюдную улицу в Марьиной Роще. И дальше начинается мистика. Иду, голову опустил. Что делать дальше? Встретилась девушка. Кто она и как выглядит не представляю, так как не смотрел вперед и вообще ничего не видел. Она всунула мне в руку бумажку. Это оказался платный билет на воздушный парад в Тушино.

Ко времени парада я сдал экзамены в Московский институт землеустройства. Математику принимал преподаватель Московского университета Кронгауз. Похвалил. Поставил пять. Экзамены сданы, зачислен в студенты. Я вспомнил о билете на парад. Все поле по периметру в Тушино было разделено канатами на ячейки, центр поля оставлен для парашютистов. Старший брат Борис служил в это время в армии в Калининне. Я ему не сообщал, что сдаю экзамены в Москве. Военская часть, где служил брат, принимала участие в параде, а военнслужащих из obsługi привезли на парад и распределили по ячейкам. Он попал в ту ячейку где был я. Вероятность такого со-

бытия немислима.

За те полгода от экзамена в школе до поступления в ВУЗ я прозрел по многим вопросам. Я впервые услышал что Сталин был не ангел, а изверг. Впервые предстояло жить в большом городе. Поселили нас студентов в Подмосковье на станции Удельная, где институт снимал комнаты у частных владельцев дач. Добираться до института приходилось на электричках с пересадкой. С Курского вокзала через все пути переходили на улицу Казакова, в здание института, который проектировал архитектор Казаков. МИИЗ это второй старейший ВУЗ после Московского университета, имел хороших преподавателей, даже академик Удачин преподавал нам. Началась студенческая жизнь: с одной стороны интересная, а с другой тяжелая. Стипендия 14 руб. в месяц и это на всё: проезд, питание и хотелось еще попасть в театр, кино. Когда не хватало денег, тетя Зина из буфета кормила завтраками в долг. На летние практики старался выехать подальше, чтобы познакомиться со страной.

Так я дал согласие пройти практику в Красноярском крае. Фактически это была самостоятельная работа по дешифровке аэрофотоснимков района севернее Транссибирской железнодорожной магистрали. Освоенной была полоса в 40 километров от дороги. Все остальное пространство это тайга до Северного Ледовитого океана. Край богатый природными ресурсами. А сколько ягод, грибов, орехов. Об этом можно рассказать много историй, которые

случились за 3 месяца и даже о встрече с медведем, с которым оказалось я с товарищем собирали малину в одном малиннике. После практики к нам обратились из топографической экспедиции с предложением работать над съемкой территорий где проектировались строительство угольных разрезов и строительство тепловых станций. Там я проработал до самых холодов. Последний 10 км нивелирный ход я проводил уже когда мы шли по бесконечному скошенному пшеничному полю. Валки пшеницы лежали покрытые снегом. Как не вспомнить было про колоски, за которые давали 7 лет тюрьмы. А в стране не хватало хлеба и уже покупали зерно в США и Канаде. Но это был социализм, когда каждая уборочная кампания превращалось в битву за урожай с конкретным исходом: урожай погибал.

Преддипломную практику проходил на нефтепромыслах Татарии, где видел, что нефть – это не только богатство, но и потери земельных угодий. Окончил ВУЗ в 1958 году и поехал в экспедицию по проектированию Чебоксарской ГЭС. Но там фамилия и отчество не понравились руководству экспедиции и пришлось устроиться в управление по строительству автодороги Горький – Казань на должность десятника (была такая). Через год я уже работал прорабом. Говорили, что это дорога Москва – Пекин. Сейчас это возрождающийся Шелковый путь. Так я поменял профессию и стал дорожником.

В 1960 году переехал в Грузию на строительство химического завода по производству капролоктама.

Это уже был другой характер и уровень строительства. После года работы рабочим переведён был в производственно-технический отдел инженером. Интересна история рождения города Рустави. Еще шла война, а с Урала, по приказу Сталина, сняли трест «Челябинскметаллургстрой», посадили на платформы людей, погрузили технику и вывезли в степь под Тбилиси для строительства металлургического завода. Решение было волевое коммунистическое, потому что ни сырья ни специалистов не было. Затем построены были другие заводы, в том числе химический, на котором и начали строить капролактамовое производство. Проектировали завод венгры. Интересно то, что если мы смотрим на чертеж сверху, то их чертежи нужно было рассматривать снизу. Если наши чертежи были на плохой синьке, она трепалась, но не распадалась на доли, то венгерские чертежи были на плотной добротной синьке, но моментально распадалась на сгибах на части. Мастера управления были либо безграмотные, либо принятые по протекции, но чертежи читать не могли и эта обязанность легла на меня. Я должен был кроме геодезического обслуживания выдавать ежедневно задание бригадам. Строили, в основном, заключённые с 25 летним сроком. К моему приезду их уже не держали под стражей, но и реабилитации еще не было. Трагедии стали происходить, когда начали освобождать. Люди, потерявшие всё, не могли приспособиться к жизни. Квалифицированный электрик, мастерская которого располагалась в одном из

строящихся корпусов, когда пришло уведомление об освобождении, покончил с собой в своей мастерской. Ещё одно преступление режима. Руководил управлением некий Уклеба, Герой Советского Союза. Имел при себе именное оружие и все время вертел в руках патрончик. Все ужасно его боялись. На меня он не кричал. Всех это удивляло. А было всё потому, что однажды он приехал на площадку и послал меня за прорабом. Площадка была большая, и я спокойно пошел по дороге. На что последовало вдогонку:» Пока дойдешь можно машину послать». Я вернулся, но больше с подобными командами не сталкивался. А кончилось тем, что вместе с заместителем директора цементного завода Уклеба пытался украсть мое рационализаторское предложение с большим экономическим эффектом, которое касалось и управления, и цементного завода. Узнал я об этом от работника цемзавода, когда эти «рационализаторы» пытались зарегистрировать мое предложение задним числом. Меня это возмутило до такой степени, что я решил уволиться. Подал заявление об увольнении, которое он отказался подписывать. Я ежедневно выходил на работу, но не на объекты, а в красный уголок. Через месяц на моем заявлении появилась резолюция «Уволить». Расчёт не давать. Трудовую книжку не выдавать». Я обратился в профсоюз с заявлением, что уволен под залог. Так как стройка была комсомольская, то не отпускали с неё. Но я попросил знакомых из Казахстана, где так же была комсомольская стройка горно-обогатительного

комбината, чтобы прислали приглашение. С этой телеграммой и документами я вырвался из Грузии.

По приезду в Россию я обратился в прокуратуру СССР с жалобой. На что последовал ответ, что предложение внедрить нельзя. Так пострадало дело и нанесен материальный ущерб государству. Из Рустави мне сообщили, что Уклеба удивился, почему я не поделился с ним. Дескать, вместе мы бы внедрили. Но для борьбы мы были в разных весовых категориях.

Проездом в Казахстан в 1963 году я заехал к брату в Курск. Брат сказал: «Зачем тебе ехать в Казахстан строить ГОК, когда у нас свой ГОК строят». Так я остался на строительстве Михайловского Горнообогатительного комбината в качестве гидромеханизатора (следующая строительная специальность). Начал работу мастером Железногорского участка Курского СУ треста «Гидромеханизация». В этом случае преимущество при выборе руководителя на стройплощадку было отдано практикам, а не ученым. Претендовал на должность кандидат наук. Управляющий трестом отдал предпочтение двум Михаилам: Найденову (прораб) и мне. Необходимо было с нуля организовать строительство плотины и быстро построить, потому, что это было решение Н. Хрущева. Рядом находилась Калиновка – Родина Хрущева. И всегда, когда он ездил туда, он останавливался по пути в Железногорске. Строительство только разворачивалась. Ничего не было. Прибывало много рабочих, инженеров. Зоны отдыха не было. Не было и других объектов соцкультбыта.

Решили создать водохранилище на небольшой речушке Погарщина. И этом случае концентрация власти и финансов в одних руках сыграла положительную роль. Хрущёв отдавал команды сопровождавшей его свите прямо на площадке работ. Все делалось буквально за дни, без волокиты. Главное – мы получили право решать вопросы на месте без бюрократических чиновничьих решений. Объект выполнили за два года. Притом организация работ и их качество были на таком уровне, что в народе объект назвали Курской Швейцарией. Не буду останавливаться на деталях, но по результатам этой работы я был приглашен возглавить производственно-технический отдел завода железобетонных изделий в 1965 году, а ведь мне не было еще 30 лет. Чтобы представить, насколько это было сложно и тяжело, могу сказать, что завод имел цеха товарного бетона и раствора, железобетонных изделий, арматурных изделий, домостроительный, столярный, вспомогательные цеха и производства. Но главное – это был единственный завод, а в это время строился город, объекты горно-обогатительного комбината и еще один завод, который должен был строить ГОК. Нагрузка была колоссальная. Рабочий день для меня начинался в 7 утра и заканчивался не раньше 8 вечера. Директор завода в основном посылал на министерские планерки меня, с тем, чтобы потом как-то ориентироваться на все те требования, которые сыпались со всех сторон. Каждый пытался сбросить вину с себя и повесить ее на завод. И это

продолжалось четыре года до 1969 года, когда напряжение спало.

В 1969г. стали строить сельскохозяйственные объекты: комплексы животноводства, переработки, хранения. Нужно было создавать строительные базы: заводы железобетонных изделий, районные базы строительных управлений, и меня пригласили в Курск на должность главного инженера управления производственно-технической комплектации. И это при том, что я не был членом партии, а эта должность была в номенклатуре райкома партии.

В дальнейшем, через два года, когда три завода будут построены, в райкоме вспомнит обо мне. В 1997 году, когда я собирался на постоянный выезд в Израиль, я встретился с начальником объединения в Москве. Он мне рассказал, что когда меня пригласили в Курск, этот вопрос решался в обкоме партии и первый секретарь спросил его, зачем приглашаешь этого еврея. На что последний ответил, что мне нужно, чтобы работал специалист.

В 1971 году меня перевели на работу в институт «Курсксельхозпроект» на должность руководителя сектора планировок. Была поставлена задача обеспечить все населенные пункты генпланами и не допускать хаотичное строительство с нарушением норм и правил строительства. Одновременно происходило рабочее проектирование школ, больниц, клубов и других объектов соцкультбыта и жилья. Можно вспомнить много курьезных случаев. Расскажу только об одном. Вместе с ГИПом по про-

мышленности мы выехали на объект. Председатель колхоза тут же послал в магазин за водкой. Была принесена бутылка и пачка печенья и началась обработка с просьбами ускорить проектирование телятника. Приближается зима, а размещать молодежь негде. Когда бутылка была распита, главный бухгалтер говорит: у меня в сейфе лежит что-то, за что я заплатил большие деньги, поэтому я храню это в сейфе. Оказалось, что в сейфе лежит готовый проект телятника.

В 1975 году я закончил обучение в Курском политехническом институте и получил диплом инженера промышленного и гражданского строительства. Закончил второй ВУЗ, чтобы не было претензий, что работаю не по специальности. Защитил диплом на тему «Завод железобетонных изделий по новой технологии». Несколько лет он демонстрировался в политехническом институте. Приятно, но я не слышал, чтобы его где-нибудь внедрили. Я опять был приглашен в управление гидромеханизации на должность начальника ПТО. Необходимо было построить производственную базу управления в Курске и административное здание управления.

В 1979 году перевелся опять в Объединение «Курскстройдеталь» начальником Производственно-технического отдела. За все годы работы в Объединении «Стройдеталь» и на его заводах не было претензий по качеству изделий и не было аварии из-за качества бетонных изделий. Это могу поставить себе в заслугу. Конечно я работал не один, работали

многотысячные коллективы, но в этом была и моя небольшая толика вклада.

С 1980 по 1989 работал начальником ПТО управления Гидромеханизация. В этот период Гидромеханизация работал не только на строительных объектах, но и на эксплуатации Михайловского и Стойлинского горно-обогатительных комбинатов, на водных объектах в четырёх областях: Брянской, Орловской, Курской, Белгородской. Здесь производился намыв под жилые микрорайоны, железнодорожные насыпи. Производилась очистка рек и их углубление для увеличения дебита скважин пойменных водозаборов. Отмечалось резкое увеличение дебита, что потребовало обеспокоиться расчисткой рек, так же производилась расчистка рек для благоустройства, строительство и эксплуатация плотин 1 класса высотой 100 метров на горно-обогатительных комбинатах.

В 1989 году (после операции по резекции желудка) работал в различных организациях кооперативного толка, инновационных предприятиях и других. Организовал строительство жилого поселка в городе Курске на 132 единицы жилья, по моему проекту жилой дом построен в натуре. К сожалению, мои познания по намыву территорий не востребованы в Израиле.

В 1990 году в Израиль уехала дочь Анна, бросив учебу в Курском медицинском институте. В Израиле защитила вторую степень по химии в Бар-Иланском университете и первую степень по архитектуре в

Технионе. Работает архитектором. Сын Яков уехал в Израиль в 1995 году. Отслужил в Голани, защитил первую степень в Ариэльском университете. Работает на одном из заводов. Я же с женой Евой переехал в Израиль в 1997 году.

Если подытожить результаты трудовой деятельности, то получилось, что я прошел все стадии строительного производства: изыскания, проектирование, строительство, стройиндустрию и 20 лет занимался специальными строительными работами по гидро-механизации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие.	5
Бахмутский Александр.	
О Доме ученых Хайфы.	6
Арцис Вениамин. Воспоминания.	13
Ашкинази Ларион-бен-Авраам.	
Воспоминания репатрианта.	54
Альтман Израиль. Немного о себе.	64
Брехман Катя. Занавес открывается.	68
Брехман Григорий. Ку-ка-рикулум витэ-2016.	76
Зайцев Роман. Оглядываясь назад.	86
Златин Семен. В профессии – моя жизнь	91
Коган Иосиф. О моих родителях.	128
Коган Эмиль. О себе любимом.	135
Лерман Берта.	
Сорок лет в академической науке	151
Могиланская Евгения.	
Из России (С-Петербург) – в Израиль.	161
Надельсон Светлана. О себе.	167
Нейман Давид. Воспоминания.	172
Лихтенштейн Исанна. Что запомнилось	194
Римская Ирина. Линия судьбы.	228
Салма Наталия. «Что я спою вдали от тебя»	243
Славутская Тамара. Страницы жизни.	267
Шифман Михаил. Жизнь до.	272